Иван Кутявцев

НА АРЕНЕ С ГОШЕЙ

Иван Кутявцев
НА АРЕНЕ С ГОШЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Народный артист РСФСР и Удмуртской АССР Иван Федорович Кудрявцев рассказывает о своем пути на арену, о том, как он стал известным дрессировщиком, и о своем воспитаннике - всемирно известном медведе Гоше.

Вместе со своим четвероногим партнером Кудрявцев выступал в странах трех континентов. Главы, повествующие об этих гастролях, знакомят читателей также с обычаями стран, жизнью народов, достопримечательностями городов.

Книга адресована тем, кто любит цирк и хочет больше узнать о его жизни.

- Иван Федорович Кудрявцев
  - Артист - главное
- Об Иване Кудрявцеве и его книге
  -
- Ребята, Петька и Полкан
  -
- Бык в упряжке
  -
- Родной дом
  -
- Первое знакомство
  -
- К заветной цели
  -
- Впервые на манеже
  -
- Медвежонок
  -
- Гошино детство
  -
- Когда вокруг друзья
  -
- Гоша учится
  -
- Труд побеждает трудности
  -
- Мы с Гошей артисты
  -
- Наша премьера
  -

- На желанном пути
- Наш цирк в Бразилии
- Райская страна. Для кого?
- Гоша становится кинозвездой
- Неожиданный рейс
- Японские встречи
- "Браво, Гоша!"
- Гоша в центре рекламы
- Без передышки
- Страна трех тысяч островов
- Мы "открываем" Турцию
- Поездка в Канаду
- В Соединенных Штатах
- Король манежа
- Добродушный увалень?
- Гошино житье-бытье
- Готов новый номер
- Добрый сюрприз
- О друзья-товарищах
- Помним и любим
- Франция + Бельгия
- И опять - Япония

- Еще одно открытие
  -
- На родине Иоганна Штрауса
  -
- Медвежья академия
  -
- В ногу с веком
  -
- Славная традиция
  -
- Незримый конвейер
  -
- Наталия Хабибуллина
  -

Иван Федорович Кудрявцев
На арене с Гошей

Артист - главное

Предисловие к четвертому изданию

Главное в цирковом номере - человек, его умение подойти к животному, понять, что ему доступно, в каком качестве он предстанет особенно впечатляюще перед публикой и как следует его тем или другим трюкам обучать.

Но обучить животное, в том числе медведя, даже самым сложным трюкам - это только полдела, надо трюки скомпановать, придать им некое органическое единство и в результате создать номер, в котором каждое движение животного будет подчинено определенному сценарию.

Однако этого недостаточно. Артист и режиссер, часто они сливаются в одном лице, обязаны создать художественное произведение, а это значит решить свое выступление через определенные образы.

Что касается автора предлагаемой книги, то ему все это удалось в высшей степени. Его выступления с гигантским медведем Гошей кажутся подлинной игрой, в которой в одинаковой степени заинтересованы и зверь, и человек. Это сказка, ставшая реальностью, и в ней кажется, что медведь действует совершенно сознательно и даже кое-когда "подталкивает" дрессировщика, "заставляет" его действовать активнее. Это игра, но подается она так убедительно, что зритель все принимает за "чистую монету". Конечно, в работе с животным используются безусловные и условные рефлексы, но эти мысли приходят в голову после окончания представления; когда же оно идет, зрители невольно поддаются убеждению, что сложные движения (крутка, лежа на спине, бревна, езда на велосипеде и мотоцикле, игра в чехарду) исполняются животным не только по собственной инициативе, но и с огромным удовольствием.

С большой теплотой вспоминает Кудрявцев своего первого, да и единственного учителя Тимофея Ивановича Сидоркина-Брока. Это был действительно интересный человек. Башкир по национальности, он окончил инородческую семинарию (учебное заведение, готовящее учителей для низших школ), но работать в школу не пошел, а оказался на цирковой арене.

Знаменит был у Сидоркина номер "Морские львы и купальщицы". Морские львы ныряли в огромный аквариум и в воде повторяли движения девушек-пловчих. Это был уникальный аттракцион, ни до этого, ни после не появлявшийся в советском цирке. И работая с медведями, Сидоркин предложил создать удивительное зрелище: езду медведей на велосипедах по

вращающемуся треку. Разумеется, такой опытный, талантливый и знающий дрессировщик и артист мог многому научить своего молодого ассистента, тем более, что, будучи человеком добрым, он к нему хорошо относился.

Теперь несколько слов о дрессированных медведях и о тех, кто их обучал.

В старину с этими животными выступали артисты-скоморохи. 20 февраля 1585 года некий Пучек Молванинов привел для показа царю Федору Иоанновичу медведя, вооруженного луком и стрелами, преподнесшего царю хлеб и соль. При императрице Елизавете Петровне медведей отправляли для обучения в Невскую лавру. В 1754 году келейник Карпов доносил, что одного медведя он "обучил ходить на задних лапах, даже в платье". "Другой же медведь науке не понятен - весьма сердит"*.

*(*Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб, 1881,с. 231.*)

Дрессировка медведей находилась на достаточно высоком уровне. 1 июля 1771 года в газете "Санкт-Петербургские ведомости" появилось объявление о том, что крестьяне привели в город двух медведей, "которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи к немалому удивлению смотрителей, по их приказанию исполняют". Медведи вставали на задние лапы, скакали, как малые ребята, зажав палку между ног, ползали на брюхе. И все это сопровождалось прибаутками их вожаков.

В двадцатые годы нашего века с большим бурым медведем выступал Н. П. Гладильщиков, он демонстрировал борьбу с ним и неизменно выходил победителем. Конечно, медведь был специально выдрессирован. Позже на арене советского цирка Гладильщиков соединил в одной клетке львиц, медведей, догов и даже... петухов. Сам он появлялся под музыку Н. А. Римского-Корсакова в образе Садко - богатого гостя. В эти же годы в нашу страну на гастроли приезжал французский артист Эдварде, который показал медведей, ездивших на велосипедах.

В тридцатые годы с номером "Дрессированные медведи" начал выступать Т. Г. Исаенков-Эклер. Его дрессировка косолапых питомцев тогда показалась чудом. Медведи ходили на задних и передних лапах, кувыркались, катались на роликах и на велосипеде. В последнем случае дрессировщик регулировал езду при помощи лонжи, которую держал в руках, направляя ездока по кругу. Кроме того, он сам сажал медведя на велосипед и давал толчок, чтобы медведь поехал. Но медведь, едущий на велосипеде! Тогда это казалось невероятным.

Принципиально новое слово в области дрессировки медведей

сказал В. И. Филатов, создавший при помощи режиссера И. Б. Немчинского "Медвежий цирк". Медведи здесь выступали в качестве гимнастов, акробатов, эквилибристов, боксеров, жонглеров, даже клоунов. Они ездили на роликах, детских самокатах, велосипедах, в том числе на старинном "пауке", у которого одно колесо большое, а другое маленькое, управляли мотоциклетом. И при этом медведь сам садился на велосипед и, свободно руля, ездил в разные стороны, а мотоциклист ни в коем случае не направлял машину на красный светофор, но сворачивал на зеленый.

Кудрявцев же добился того, что его чудо-медведь Гоша один исполняет почти все то, что исполняет целая медвежья труппа. Представьте себе артиста, который один показывает разнообразную цирковую программу, и вы, наверное скажете, что для этого необходима очень высокая квалификация. А тут медведь!.. И, разумеется, дрессировщик, обучивший его. Да так обучивший, что для медведя его выступление становится радостью, превращается в игру. И мы, зрители, смотря на это представление, испытываем наслаждение, поражаясь медвежьей ловкости и сообразительности. Но ведь чтобы добиться и того и другого, нужны были прежде всего труд и талант дрессировщика. Именно эти качества Ивана Федоровича Кудрявцева сделали его номер таким, что в какой бы сильной программе Гоша и его руководитель ни выступали, они всегда занимали центральное место.

Сейчас в советском цирке много номеров с дрессированными медведями. Что только звери не показывают: исполняют сальто-мортале, выступают как балерины, демонстрируя танец маленьких лебедей из балета П. И. Чайковского "Лебединое озеро", крутятся на турнике, ездят на лошади и перескакивают, как заправские наездницы, через ленты и т. д.

Но как бы ни были велики достижения, так сказать, на "медвежьем фронте", номер И. Ф. Кудрявцева остается уникальным. Такого всеумеющего медведя нет больше ни у кого.

Книга привлекательна потому, что в ней в яркой форме артист рассказал о тех трудностях, которые он пережил, и о тех радостях, какие выпали на его долю. А радостей было немало, но каждая из них являлась в результате упорного и тяжелого труда, без которого никто и никогда ни в одной области ничего не достигал.

Разве это не счастье для артиста, для дрессировщика, что он смог показать достижения и свои и своего питомца во многих странах мира. И везде выступления Кудрявцева и Гоши вызывали восхищение. Но он сам пишет, что больше всего был счастлив и

горд тем, что его, выходца из деревни, хорошо принимала публика, когда он работал на арене прославленного Московского цирка.

Книга вводит в круг цирковой жизни, объясняет, как люди становятся дрессировщиками. В современных условиях совсем не обязательно быть выходцем из цирковой семьи, просто необходимо отличаться упорством, трудолюбием и не гнушаться никакой, даже самой тяжелой и грязной работы. Плох тот дрессировщик, который не умеет чистить клетки, кормить своих питомцев, расчесывать им шерсть и мыть их. И конечно, каждый настоящий дрессировщик прошел путь от служителя при животных до ассистента артиста, когда он за очень тяжелый труд не. получал даже благодарственных и горячих аплодисментов. Что здесь поделаешь: каждая профессия имеет свою оборотную сторону, которая может стать творческой, если человек увлечен своим делом.

Большая заслуга в создании этой книги принадлежит известному журналисту Я. И. Островскому, который производил записи рассказов И. Ф. Кудрявцева, а потом редактировал их.

Ю. Дмитриев, доктор искусствоведения, профессор

Об Иване Кудрявцеве и его книге

Предисловие к первому изданию

Вместе со всем нашим искусством успешно развивается и древнейшее искусство цирка. Его двигает вперед дружная семья советских артистов всех возрастов - и молодых, и старых, людей, горячо любящих свое дело, верных и преданных ему.

За последние годы появилось немало книг о нашем цирке. Их создатели - писатели, искусствоведы, журналисты, а во многих случаях сами мастера этого замечательного искусства, пользующиеся широкой популярностью у зрителей: И. Радунский, Э. Кио, М. Румянцев (Карандаш) и другие. С радостью хочу отметить, что есть среди них и представители жанра, наиболее близкого мне,- дрессировки животных. С книгами об искусстве обучения и воспитания четвероногих артистов выступили такие видные мастера, как И. Бугримова, Б. Эдер, В. Филатов.

Автором книги, которую вы, дорогой читатель, держите сейчас в руках, является представитель того же жанра, но относящийся не к когорте тех зрелых, многоопытных мастеров, о которых только что упоминалось, а к нашей артистической молодежи.

Иван Кудрявцев - дрессировщик еще сравнительно молодой, его творческий стаж исчисляется пятнадцатью - шестнадцатью годами. Но за этот короткий срок артист достиг уже многого, сумел завоевать симпатии многих и многих советских и зарубежных зрителей. Его незаурядное дарование нашло выражение в том, как он выдрессировал ныне знаменитого медведя Гошу. Некоторые полагают, что главное тут - индивидуальные свойства животного. Конечно, и они играют определенную роль, но основное, решающее значение в этих случаях имеют талант и труд дрессировщика.

Как правильно подчеркивается в данной книге, забота опытных наших мастеров о воспитании смены, обстановка доброжелательного отношения к молодежи, товарищеская помощь позволяют молодым добиваться значительных успехов.

Несомненный творческий рост молодого дрессировщика Ивана Кудрявцева меня особенно радует, так как в определенном смысле мы с ним земляки: каждый из нас начинал свой путь на манеж в столице Удмуртии - Ижевске: он - в начале пятидесятых годов, я - в конце двадцатых. И мне очень приятно рекомендовать читателю книгу моего товарища по искусству, уже успевшего заявить о себе, о своих бесспорных способностях, которые, надо думать, будут все время совершенствоваться.

Мы, дрессировщики, оцениваем профессиональное мастерство своих коллег не только по тому, как обучено животное, как оно работает. Увы, иной раз мы видим, что животное, довольно четко выполняя свои трюки, не спускает напряженно-испуганного взгляда с дрессировщика. А порой внешний облик четвероногого артиста говорит нам лучше всяких слов о том, как скверно его содержат, как неуютно живется ему у своего наставника. В этом смысле медведи Кудрявцева, особенно Гоша, производят самое благоприятное впечатление. Что же касается артистического мастерства Гоши, то оно, на мой взгляд, очень высокого уровня. Хотя о его пределе говорить, конечно, преждевременно. О том, как артист этого добивался, и рассказывает предлагаемая читателю книга, в какой-то мере раскрывающая интересный внутренний мир нашего цирка.

Владимир Дуров, народный артист СССР

Ребята, Петька и Полкан

Мне было лет десять, когда я вычитал в затрепанной книжке, каким-то образом попавшей в мои руки, что добрым отношением, лаской можно многому научить животных. И решил я заняться воспитанием нашего красавца петуха Петьки, высокого важного щеголя. Мне довольно быстро удалось достигнуть существенных результатов, которые я вскоре торжественно продемонстрировал товарищам. Их собралось в нашем дворе человек пятнадцать - моих сверстников и сверстниц, чтобы посмотреть прыжки петуха. А прыгал он, действительно, превосходно. Щедро прикармливая его зерном, я заставлял петуха перескакивать с одной палочки на другую. Это вызвало у моих друзей неистовый восторг. В тот же день чуть ли не в каждом дворе нашего села началась невообразимая возня с петухами - мои лавры дрессировщика не давали покоя валамазской детворе (я родился и рос в селе Валамаз в Удмуртии).

Затрепанная книжка утверждала, оказывается, сущую правду. Выходило, что добрым отношением действительно можно многого добиться от бессловесной твари. И увлекательная задача - обучать животных - все больше и больше овладевала моим воображением, хотя, разумеется, я был тогда далек от мысли стать профессиональным дрессировщиком. Я и не подозревал, что на свете существует такая специальность. Для меня это просто-напросто была интересная забава.

Тем временем мой петух все больше и больше осваивал искусство балансирования, поражая даже взрослых моих односельчан необычайной ловкостью и сноровкой. Но мне хотелось чего-то более значительного. И тогда меня вдруг

осенило: если петух такой сообразительный, то наш Полкан ведь намного толковее.

Полкан - громадный, добродушный пес, веселый участник всех ребячьих затей - очень скоро приумножил мою славу дрессировщика: по первому же требованию он доверчиво протягивал лапу, охотно становился на задние лапы (тогда вдруг выяснялось, что ростом он меня уже обогнал). Но наибольшее восхищение у товарищей вызывало его умение идти в упряжке: мы запрягали его в небольшие санки, и под веселое гиканье он лихо мчал нас по главной улице села.

Потом мы с братом Мишей взялись за воспитание злющей дворняжки Каштанки. Давалось это значительно труднее, но в конце концов она очень привязалась к нам, а когда наступило лето и я, как обычно, начал пасти колхозных телят, она стала моей неразлучной спутницей и верной помощницей.

Это были военные годы. Всем было тяжело. Все лучшие работники, здоровые мужчины (в том числе мой отец и два брата - Анатолий и Александр) ушли на фронт. В селе остались только старики, женщины да наш брат "недомерок"- так с грустной иронией говорили тогда взрослые о нас, детях.

В колхозе живой тягловой силы было очень мало - лошадей отдали фронту. Помню, однажды приехала к нам из районного центра Селты комиссия отбирать лошадей для фронта. Я и один из моих товарищей, Митя Русских, вели на приемный пункт двух последних лошадей. Женщины тоскливо смотрели вслед, молча прощаясь с ними. Было тяжело, очень тяжело, но все от мала до велика понимали необходимость этой жертвы. У приемного пункта кто-то из стариков подошел к коням, похлопал их по крупам и, будто они могли его понять, вслух произнес:

- Служите честно и верно.

Тогда я еще не понимал, что можно вполне серьезно, как к человеку, обращаться к животному.

Но вот нам, ребятам, кто-то рассказал о том, что на фронте нашли боевое применение специально обученные собаки. С гранатами, засунутыми за ошейники или подвязанными к бокам, они бросались под вражеские танки, взрывали их, хотя, конечно, и сами при этом погибали.

Не успели мы дослушать эту историю, как один из моих друзей, Саша Верещагин, воскликнул:

- А Ванюшкин Полкан не хуже тех собак мог бы...

В ответ горячо зазвучало:

- Конечно!

- Правильно!

- И даже лучше!

И я принялся обучать Полкана.

Происходило это зимой 1942- 1943 года. Снега тогда навалило много. На площади у сельсовета ребята соорудили из снега большой танк. Крепко привязав к бокам Полкана две тяжелые чурки и держа пса за ошейник, я вывел его на противоположный конец площади, указал рукой на сооружение из снега и крикнул:

- Фашистский танк! Полкан, возьми!

Громадная собака с силой рванулась. Я не удержался на ногах и брякнулся оземь, в то время как Полкан стремглав бросился на снежную громадину. Миг - и его здоровенные зубы впились в тряпье, которым мы обозначили переднюю часть танка. Все более распаляясь, он, упершись лапами в корпус танка, рвал на части примерзшие тряпки...

Восторгу ребят не было конца. Несколько раз повторили мы этот опыт. Полкан отлично сдал экзамен - искромсанную переднюю часть танка пришлось потом основательно подправлять, зато главная цель была достигнута.

С тех пор моего пса стали именовать по-новому: Полкан противотанковый.

...До сих пор у меня сжимается сердце, когда я думаю об этом удивительно умном животном, нелепо погибшем от случайного выстрела во время охоты на волков.

Бык в упряжке

Край наш лесной, и, конечно же, жители Валамаза никогда не знали нужды в топливе: хватало бы только рабочих рук да было бы чем вывезти дрова из леса. Вот с этим-то дело тогда, во время войны, обстояло из рук вон плохо: тягловой силы не было. И тут однажды меня осенило:

- Федька,- сказал я брату, которому в то время шел уже тринадцатый год,- давай попробуем быков приучить к упряжке.

- Тоже сказал, быков. Как же это можно? Никому больше не говори - засмеют.

- Пускай смеются. А попробовать все одно нужно.

- Да ты что, в самом деле?..

Но я решил не сдаваться.

- Не хочешь - и не надо. Обойдусь. Мы тогда с Сашкой или с Женькой сделаем, если ты боишься.

Я бил наверняка: Федя не выносил, если кто-нибудь подозревал его в трусости. Он сразу же запетушился:

- А чего бояться? Маленький я, что ли?

Мы решили, что займемся сперва одним быком, самым свирепым, а когда с ним сладим, примемся за двух остальных.

И вот, преодолевая страх, мы осторожно подошли к стойлу огромного черного быка Степки. Это был великолепный экземпляр с могучей мускулистой шеей, почти квадратной мордой, увенчанной двумя короткими, словно отлитыми из стали, рогами.

Едва мы приблизились, как бык вдруг засопел, упрямо мотнул шеей и, дико сверкнув налитыми кровью глазами, угрожающе наклонил морду, будто изготовился к драке. Хвост его, обычно безжизненный, как плеть, маятником заходил из стороны в сторону.

Федя, шедший позади, тронул меня за руку и почему-то шепотом сказал:

- Стой, Ваня, дай я вперед...

- Погоди,- ответил я, тоже переходя на шепот,- погоди, я сам...

С этими словами я, чуть пригнувшись, тихонечко протянул быку хлеб, захваченный из дома. Во рту у меня пересохло, сердце неистово стучало, готовое выпрыгнуть из груди...

Бык, продолжая сопеть, недоверчиво, одним глазом взглянул на хлеб, замшевые губы его слегка дрогнули, на них повис клок пены. Потом он перевел взгляд на меня.

- Возьми, возьми, Степка,- произнес я, немного осмелев, хотя в общем-то ощущение у меня было далеко не героического

характера. Все же я еще ближе поднес хлеб к бычьей морде.

- А ты брось ему,- шепнул Федя.

Я тотчас же кинул кусок с таким расчетом, чтобы он упал возле самой морды быка. Степка при этом чуть отпрянул в сторону, потом, не спуская с меня настороженно-свирепого взгляда, обнюхал хлеб.

- Возьми же, возьми, Степка,- ласково сказал я.

- Ну чего же ты, бери,- добавил Федя.

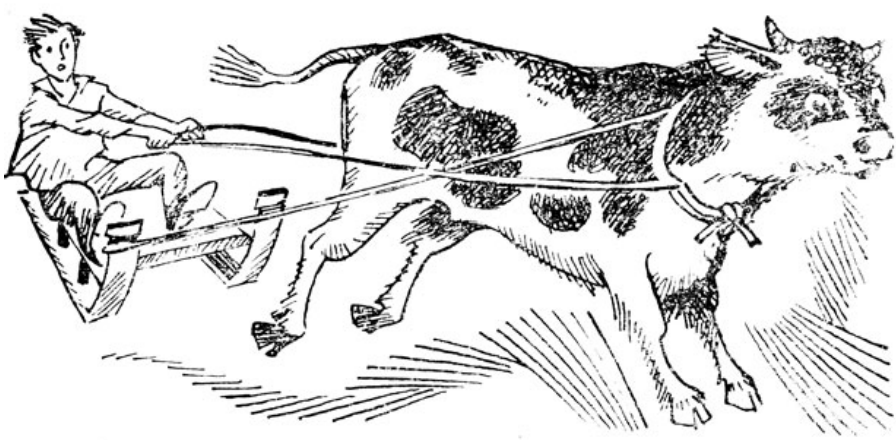
И как бы снизойдя к этой просьбе, бык начал есть наше угощение.

- Понимаешь,- восторженно внушал я брату,- теперь он уже нас знает и будет слушаться.

- Посмотрим,- рассудительно отвечал Федя. Он ведь все-таки был старше меня.

На следующий день мы снова навестили Степку. Все повторилось почти в той же последовательности, но на этот раз нам с Федей было уже не так страшно. Во всяком случае, я даже отважился осторожно прикоснуться к боку Степки, намереваясь его погладить, но тут же отдернул руку, потому что бык вздрогнул и молниеносно обернулся ко мне. Он явно не шел пока ни на какую фамильярность.

На пятый или на шестой день (а мы порой наведывались к нему дважды в сутки) Степка почти совсем перестал нас дичиться. Тогда мы решили приступить, наконец, к выполнению основной части нашего замысла. А так как днем осуществить его никак нельзя было, то мы стали действовать ночью.



Часа в два, когда наши домашние, да и все жители села, включая пожарного сторожа, были погружены в глубокий сон, мы с Федей, потихоньку выбравшись из избы, направились к

скотному двору, прихватив крепкую длинную веревку. Никем не замеченные, проскользнули к стойлу ничего не подозревавшего Степки. Он сразу принялся жевать протянутый мною хлеб, но вдруг остановился, недоуменно мотнул раза два мордой: это Федя, как было условлено, накинул ему веревочную петлю на рога.

- Ешь, Степка, ешь, ну, ешь же, Степочка,- ласково приговаривал я, стараясь отвлечь быка от неприятного ощущения, которое он, по-видимому, испытывал.

Бык успокоился, продолжал жевать. Тем временем я тихонечко освободил его от привязи, удерживавшей его в стойле. Загремевшую было цепь я тут же крепко зажал в кулаке, опасаясь, что Степка сейчас же рванется на свободу, но он жевал себе и жевал, не трогаясь с места. Дав ему доесть, мы с Федей стали осторожно тянуть его из стойла - я цепью, брат веревкой.

- Пойдем, пойдем, Степа, пойдем, дорогой,- увещевали мы его.

Бык сперва потоптался на месте,- конечно же, наших с Федей усилий было недостаточно, чтобы принудить его выйти. Потом он вдруг всем корпусом подался назад и сам вышел из стойла; спокойно перебирая копытами, он покорно пошел за нами.

- Федька, гляди, пошел же,- задыхаясь от восторга, шепнул я, готовый расцеловать быка.

- Вижу,- солидно ответил Федя,- да ты смотри, цепь-то крепко держишь?

Мы вышли во двор фермы. У забора, среди буйных лопухов, еще с весны стояли облюбованные нами розвальни. В них мы и решили запрячь Степку.

Почему в сани? Очень просто. Опасаясь, что, очутившись в упряжке, бык может понести, мы надеялись, что в санях по сухой земле ему будет куда тяжелее нестись, чем в телеге.

Мы благополучно довели Степку до розвальней. Он совершенно спокойно дал себя крепко привязать к саням, хотя весь вид его выражал полнейшее недоумение.

И вот мы уселись в сани. Оба крепко зажали в руках вожжи, натянули их, и я сзади слегка тронул быка кнутовищем, приглашая двинуться вперед. Степка стоял не шелохнувшись.

- А ты дай ему как следует,- сказал Федя.

Я размахнулся и ударил Степку. Одновременно брат, слегка приподнявшись, дико выкрикнул:

- Эге-ге-ей!..

И тут безразличие мгновенно оставило Степку. Он вздрогнул, хотел бежать, но почувствовал, что какая-то сила держит его, не дает двигаться. Бык возмущенно замычал, заметался из стороны в

сторону.

Потом, тяжело сопя и задыхаясь, он наклонил голову и со страшной силой ринулся прямо на забор, мгновенно рухнувший под этим жестоким напором. С бешеной скоростью Степка помчался по широкой сельской улице. Сани высоко подпрыгивали на ухабах.

Я до сих пор не могу без внутренней дрожи вспоминать эту дикую скачку... Натянутая, как струна, веревка внезапно обмякла, самого меня вместе с санями сильно подбросило, и тут же я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. В одно мгновение я очутился на дне заброшенного колодца. Федя упал в канаву. Он не сильно ушибся, но очень испугался за меня. Быстро поднявшись, брат взбежал на пожарную вышку и что есть силы ударил в колокол...

Первым на тревожный набатный звон кинулся пожарный сторож с криком: "Где горит?" Захлопали двери по всему селу, и люди бегом устремились к пожарной вышке.

Меня с трудом вытащили из колодца. Я получил несколько ссадин да основательный ушиб, от которого ныла спина и звенело в ушах. Кроме того, сильно были поцарапаны босые ноги. Но ни с чем нельзя было сравнить охватившее меня отчаяние от того, что наша затея, так тщательно подготовленная, с треском провалилась. Я отлично понимал, что нам с Федей не миновать теперь крепкой взбучки и от матери, и от председателя колхоза. Но горше всего было сознание позора.

Мать, однако, нас не ругала. Она была еще более напугана, чем я. Когда меня, истерзанного, в разодранной одежде, извлекли из колодца, она с плачем кинулась ко мне:

- Жив, голубчик ты мой, жив, Ванюша!

Я растерянно бормотал в ответ:

- Живой, конечно, ну чего там, мама...

А председатель колхоза расспрашивал Федю, выпытывая подробности только что происшедшего события. Уставившись в землю, окруженный толпой брат выкладывал без утайки все как было. В его сбивчивой речи то и дело слышалось:

- Мы ж хотели как лучше сделать людям.

И вдруг дело приняло неожиданный оборот. Председатель обратился к какой-то колхознице с вопросом:

- Ну как, поймали Степку?

- А он сам на ферму явился.

- Ладно.

Председатель снова повернулся к Феде:

- Значит, говоришь, хотели для людей лучше сделать?

- Ну да. Для чего же еще?

И тогда председатель неожиданно громко произнес:

- Молодцы, ребята! Орлы! В башке у них, видать, крупа есть - придумано здорово!

Его поддержали и другие:

- Здорово!

- Смыслят ребята...

Домой мы с Федей возвращались героями, хотя и потирали ушибленные места.

Родной дом

За свои неполные 50 лет я успел уже порядком поездить по белу свету. Был во многих городах и селах нашей страны - на Украине и в Сибири, в Молдавии и на Дальнем Востоке, в Азербайджане и на Урале, в Узбекистане и других местах. Бывал я и за границей - в Болгарии, Бразилии, США, Канаде, Уругвае, Франции, Бельгии, Англии, Финляндии, Японии, Индонезии, Польше, Турции, на Кубе, в Испании, Румынии, Австрии. Много довелось мне повидать живописных красивых мест. Но нигде, ни в одной стране не встречал я уголка более прекрасного, чем моя родная Удмуртия.

Человеку свойственно любить свою родину. И нет ничего удивительного в том, что и мне милее всего на свете Удмуртия.

Прав был Маяковский, когда писал:

Я хотел бы жить и умереть в Париже, Если б не было такой земли - Москва.

Очень искренне, удивительно точно выражено в этих строках и восхищение чудесной французской столицей, и ни с чем не сравнимая, сердечная привязанность к родной земле. Великий поэт сумел как-то лаконично, в предельно совершенной и каждому доступной форме выразить то главное, что всем сердцем испытывает советский человек, очутившись в другой стране.

Но даже сравнивая свои родные места с другими местами нашей страны, я не могу не отдать предпочтения моей Удмуртии. А внутри этой республики нет, на мой взгляд, более замечательных мест, чем родное мое село Валамаз, уютно расположенное среди лесов, невыразимо великолепных зимой, когда их словно ватой укутывает мягкий, пушистый снег, и сказочно красивых летом, когда их буйная, сочная зелень высвечивается волшебными лучами солнца.

Валамаз - село небольшое, в нем около сорока дворов. Здесь я и родился в 1932 году, став пятым сыном моих родителей-колхозников Федора Федоровича и Агафьи Федоровны Кудрявцевых. Всех же детей в семье было шестеро: следом за мной спустя два года родилась еще сестра Антонина.

Семья была большой и дружной. Родители всех нас с самого раннего детства не только приучали к труду, но и внушали к нему уважительное отношение, я бы даже сказал, привили нам потребность в труде. Отец и мать сами старательно работали в колхозе, да и дома никогда почти не сидели без дела: в крестьянском доме в любой час дело найдется. Дети тоже всегда имели занятие - на нас лежали всевозможные хозяйственные

заботы. Кроме того, старшие обязаны были заботиться о сестре Тоне и обо мне - самых младших.

Мне было девять лет, когда разразилась Великая Отечественная война. Отлично помню, как уходил на фронт отец. Всегда ласковый и общительный с детьми, он тогда как-то сразу посуровел, стал будто строже и молчаливее. Мать заботливо собирала его в дальний путь, изредка роняя слезу. И только когда настала пора расстаться, она вдруг припала к его груди и навзрыд заплакала.

- Ну, что ты, не надо,- мягко говорил ей отец,- погляди на детей, вишь расстроились...

Мы сумрачно стояли возле отца и матери. А она, бедная, не в силах была унять душившие ее рыдания.

- Как же мы без тебя теперь,- горестно всхлипывая, не переставала она повторять,- как же теперь жить-то будем?

- Ничего, ничего, мать, все ладно будет,- отец старался держаться бодро. Тихонько поглаживал мать по спине, потом вынул платок и стал вытирать ей глаза.

- Не надо, слышь, не плачь, а то и дети на тебя глядя...

А мы в самом деле плакали все, начиная от семнадцатилетнего Анатолия и кончая Тоней, которой тогда едва семь лет исполнилось.

- Ну, будет, будет,- с этими словами отец расцеловал каждого из нас и, проведя несколько раз указательным пальцем по своим глазам, взял приготовленный матерью узелок и вышел из избы. Мы направились за ним. Возле сельсовета толпились уже все жители села, собравшиеся проводить земляков, призванных на фронт. Люди были взволнованы, многие плакали.

Подошел грузовик, и уезжавшие мужчины снова стали прощаться с родными. Помню, что мать больше не плакала. Она только держала отца за руку и смотрела в его лицо, не в силах оторвать взгляда от дорогих черт.

- Федор, Федор, садись давай,- загудело сразу несколько голосов, обращенных к отцу. Он снова нас расцеловал и, сказав на прощание: "Помогайте матери во всем, слушайтесь ее", подошел к грузовику, вскочил на колесо и легко перебросил свое сильное, мускулистое тело в кузов.

Шофер дважды просигналил, толпа расступилась, давая дорогу тронувшейся машине...

Чей-то девичий голос звонко выкрикнул:

- Разбейте их, гадов, поскорее да обратно живыми возвращайтесь! Будем ждать!

- Счастливо! Счастливо!

Выпустив длинный шлейф голубого дыма, машина, набирая скорость, двинулась в сторону Селтов - нашего районного центра. Вскоре она скрылась за поворотом, растворилась в глубокой лесной чащобе. Люди начали расходиться по домам. Побрели и мы к себе, тесной стайкой сбившись возле мамы. Меня и сестренку она вела за руки.

Весь остаток дня в избе было необычно тихо. Мать сидела у стола и, не отрываясь, задумчиво смотрела в окно, подперев рукой щеку. Изредка она тяжко-тяжко вздыхала, но больше уже не плакала. Старшие братья Толя, Шура, Миша и Федя, словно сразу став на несколько лет взрослее, молча что-то делали по дому. Я старался им помогать, так же молча и сосредоточенно. Даже маленькая Тоня, не раскрывая рта, тихонько возилась в углу со своей куклой, изредка бросая настороженные взгляды на маму.

Было уже темно, когда мать поднялась.

- Садитесь, ужинать будем,- обратилась она к нам.

Поужинали. Затем стали укладываться.

- Мама, я с тобой лягу, ладно?- попросила Тоня.

- Ладно, детонька.

Все улеглись и один за другим стали засыпать. Я долго не

мог уснуть. Лежа в напряженной темноте, я слышал, как осторожно ворочалась мать на своей постели, как она часто глубоко вздыхала. Несколько раз из леса, плотной стеной окружающего наше село, доносились хищные крики какой-то ночной птицы. И тогда мне казалось, что это фашисты подкрадываются к моему родному Валамазу. Я вздрагивал и оглядывался в темноте, намереваясь подняться и... Но тут очередной тяжкий вздох матери возвращал меня к действительности. Страх, закрадывавшийся было в сердце, мгновенно исчезал.

- Мама, ты не спишь?- шепотом спрашивал я.

И голос, который я сразу узнал бы среди тысячи других, так же шепотом отвечал:

- Сплю, сплю. И ты, Ванюша, спи...

Все эти картины одна за другой живо вставали в памяти, когда много лет спустя, в 1958 году, я брел знакомой лесной дорогой в наш Валамаз. Была ранняя осень, та чудесная золотая пора, когда солнце еще греет по-летнему тепло и лес стоит в своем величественном, почти нетронутом зеленом наряде. Но уже по многим признакам чувствуется близость осени: уже кое-где шуршат под ногами чуть свернувшиеся суховато-зеленые листья, а подувший вдруг ветерок донесет невесть откуда холодноватую не летнюю свежесть, которая, правда, тут же и растворяется, тает в мягком тепле чуть сыроватого лесного воздуха.

Я только что возвратился тогда из своей первой заграничной поездки: вместе с большой группой артистов советского цирка мне выпала честь побывать на гастролях в Народной Республике Болгарии. И теперь, получив отпуск, торопился в родное село, спешил обнять близких, которых не видел уже около шести лет. Восемнадцатикилометровый путь от районного центра до Валамаза я специально решил проделать пешком, чтобы полюбоваться этими с детства любимыми местами.

С чемоданом в руке я брел уже третий час. И вдруг сердце забилось сильнее - вдали замаячила макушка церкви - передо мной был Валамаз. Церковь, которая уже много лет используется как склад зерна, стоит на окраине села, где протекает почти вся общественная жизнь моих односельчан. Рядом с церковью на той же обширной площади расположен клуб, поблизости - сельсовет, библиотека, медпункт, магазин. Сама же площадь - одно из самых излюбленных мест молодежи. Тут проходят все футбольные баталии, другие спортивные состязания, до которых у нас всегда было множество любителей.

...Вот, наконец, и Валамаз. Узнать его было непросто, не видно было почти ни одной старенькой покосившейся избушки.

То есть быть-то они, конечно, были, но теперь рядом почти с каждой из них стоял новенький дом. Именно они, эти новые дома, высокие и светлые, определяли теперь облик села, придавая ему какой-то веселый праздничный вид.

"Похоже, что дела у односельчан идут неплохо,- подумал я, рассматривая эти добротные, на городской лад красиво отделанные дома.-- Ого, гляди-ка, теперь уже не только велосипед не в диковинку,- почти у каждого крыльца виднелся сверкающий лаком мощный мотоцикл. И не удивительно, ведь республика наша на всю страну славится превосходными, незаменимыми по проходимости мотоциклами. Знаменитый "Иж" попадается теперь в любом уголке Советского Союза, да и за рубежом мы нередко встречаем как старого и доброго приятеля этого своего двухколесного земляка."

В село я вошел с сильно бьющимся сердцем. В разгаре была уборочная. В воздухе стоял сплошной гул и грохот тракторов, комбайнов, автомашин.

"Здравствуй, Валамаз, здравствуй, милая моему сердцу родная сторона",- мысленно повторял я, приближаясь к дому. А вслух то и дело произносил:

- Здравствуйте, тетя Валя!

- Здравствуйте, Еремей Степанович!

- Виктор, здорово!

Так и шел, держа кепку в левой руке, а чемодан - в правой, раскланиваясь на обе стороны. А до моего слуха то и дело доносилось:

- Это кто ж такой?

- Да Ваня же, Агафьин сын.

Или:

- Так то ж Федора Кудрявцева меньшой...

Наконец, вот он - родной дом, что не раз снился

мне. На крыльце стояли отец с матерью. Мы крепко обнялись. Мать всплакнула, да и отец отворачивался несколько раз, причем плечи его предательски вздрагивали...

- Иди же, Тоня, вот наш гость и приехал!

Услышав это, из дома выбежала и кинулась мне на шею сестра. Следом и три брата появились. Вся семья была в сборе, не хватало лишь Анатолия - самого старшего брата. Увы! Его нам всегда будет не хватать - так и не вернулся он с войны...

Двухкомнатный домик наш, в котором я родился и прожил восемнадцать лет, показался мне сейчас хоть и по-прежнему уютным, но каким-то очень уж низеньким. Причину этого я быстро разгадал, увидев, что правый передний угол подгнил и почти на четверть осел. Но зато в пяти метрах от старого стоял

почти совсем уже готовый красавец домик.

- Очень хорош,- искренне восхитился я.

- Не то, чтобы очень, но, одним словом, как у людей,- отец никогда не любил хвастовства, даже когда речь шла о каком-нибудь создании его старательных рук.- Пожалуй, через месячишко новоселье справим.

Не успел я умыться с дороги, как в дом наш повалили люди - родственники, сверстники, с которыми когда-то учились вместе. Некоторые из них чувствовали себя почему-то стесненно. Это выражалось в том, например, что ко мне обращались как-то очень уж официально, на "вы". Я сейчас же запротестовал:

- Не годится так среди друзей. Давайте, чтоб все как до моего отъезда было.

Вскоре от скованности и следа не осталось. Меня забросали вопросами - о цирке, о житье-бытье артистов, как работают дрессировщики, не опасная ли это профессия, что за нрав у моего медведя Гоши, как я его обучаю. Многие интересовались, где, в каких краях довелось мне побывать. Я еле успевал отвечать. Кто-то спросил:

- А ты, сказывают, и за границу ездил?

- Вот первый раз побывал...

- Где же?

- В Болгарии.

- Ну и как, интересно?

- Интересно, конечно. Люди там славные, работящие, добрые. К нам, русским, очень расположены, относятся задушевно, хорошо, но...

- Но что?

- Наверное, как в песне поется:

Хороша страна Болгария, А Россия лучше всех!

Это сказал Юра Возженников, старый мой товарищ, с которым мы в школе когда-то сидели на одной парте.

- Верно, Юра, совершенно верно. А помнишь, как мы с тобой в Ижевск подались?

- Конечно, помню...

И вспомнилось, как мы с Юркой летом 1950 года вместе отправились в Ижевск учиться. Юра держал экзамен в ремесленное училище, я - в агрономическую школу. Оба мы экзамены сдали, но мне учиться тогда не пришлось - мать отговорила. Очень уж ей не хотелось разлучаться со мной. Да и отец ее поддержал, не стоит, дескать, из родных мест уезжать. Пристроил он меня тогда заведовать нашим сельским магазином. Юра же остался в Ижевске.

И вот следующим летом приехал он на каникулы домой в

Валамаз. Все мы, его приятели, чуть не лопнули от зависти, глядя на дружка. Был он по сравнению с нами весь какой-то сугубо городской в своей темно- синей форме, ловко облегавшей его стройную фигуру. Особенно завидно становилось, когда он, с необычайно независимым видом рассказывал о своей жизни в Ижевске, лихо размахивая правой рукой, в то время как кисть левой была засунута за ремень, обхватывавший талию. Ремень был черный, лакированный, с пряжкой, в центре которой четко выделялись две тисненые буквы РУ. Этот ремень казался нам символом какой-то исключительной доблести, чем-то вроде рыцарских доспехов, о которых мы, правда, имели весьма смутное представление.

Так или иначе, а я на этот раз твердо решил уехать в город. Юра горячо одобрил мою затею:

- Правильно,- поддержал он меня.- Знаешь, как там учиться интересно?! А потом, когда выучишься, можешь опять в Валамаз податься. Я вот тоже так думаю сделать.

До поздней ночи гуляли мы с приятелем, строя всевозможные планы нашей городской жизни. Мы решили после учебы в Ижевске обязательно вернуться в родное село, которому отдадим все свои знания и силы. Ведь мы возвратимся уже специалистами: Юра - механиком, а я - агрономом. Вместе с остальными нашими ребятами мы превратим село в замечательную сельскохозяйственную фабрику, где все производственные процессы будут механизированы и работа построена на строго научной основе. Дома для колхозников возведем такие же, как в городе,- высокие, светлые, удобные. Воздвигнем отличный клуб...

- Нет, Дворец культуры,- задумчиво произнес Юрий.- Такой, какого нет нигде,- со стеклянной крышей, чтобы вечером звезды на небе видны были, а днем чтобы солнце заливало...

- Чудак, а как же там кино показывать?

Но Юра не сдавался.

- Теперь, брат, это не имеет значения,- отпарировал он,- теперь есть дневное кино, понял - дневное. Пусть хоть как угодно светло - любую картину можно показывать. Уж я знаю.

Мне трудно было спорить с Юрой, с его авторитетными утверждениями. К тому же, признаться, идея стеклянной крыши показалась очень заманчивой: мне тоже захотелось, чтобы из нашего Дворца культуры были видны звезды, сверкающие в густой синеве вечернего неба. В ту ночь было твердо решено, что я еду вместе с Юрой в Ижевск.

Вечером 26 июня, ничего не сказав дома, чтобы не вызывать долгих объяснений с родителями, я отправился ночевать к Юре. Утром нам предстояло уехать на грузовике, шофер которого

обещал довезти нас до Ижевска. Оттуда я решил написать родным о моем намерении. Однако мой уход из дома заметил ночной сторож. Он-то и сообщил матери, куда и с кем я направился. И утром, когда я проснулся у Юрия на сеновале, первый человек, которого я увидел, была мать, сидевшая рядом со мной. С грустью глядя на меня, она тихо сказала:

- Сынок, может, вернешься?

Я опустил глаза, но ответил с твердой решимостью:

- Поеду в Ижевск.

Видимо, в тоне моего ответа было что-то заставившее ее смириться с моим намерением. Она не стала меня уговаривать. Помолчав некоторое время, она поднялась:

- Ну что ж, езжай, устраивайся. На вот сумку возьми да этот узелок.

В узелке были две рубашки, майки, трусы, носки, а в сумке - хлеб, вареное мясо и с десяток яиц.

- Спасибо, мама,- с этими словами я обнял ее. Хотел еще что-то сказать, но не успел.

- Садись, Ваня, трогаемся,- услышал я возглас приятеля.

Я еще раз обнял мать, поцеловал ее и вскочил в кузов. Машина тронулась.

- Напиши, сынок! Счастливо тебе!-донеслись до меня напутствия матери.

На следующий день мы прибыли в Ижевск. Я тогда и не предполагал, что через три дня в моей судьбе наступит переломный момент, который определит всю мою дальнейшую жизнь.

Первое знакомство

Был теплый день конца июня 1951 года. С Юрой Возженниковым мы прогуливались по улицам Ижевска. Юра показывал мне достопримечательности города, как заправский старожил.

В одном месте до нас вдруг донеслась громкая музыка. Завернув за угол большого, красивого дома, мы увидели расставленные вдоль забора огромные красочные щиты, на которых были нарисованы различные звери. На одном щите прочитали, что в Ижевск прибыл зверинец. Он именовался так: "Передвижная зоовыставка № 6". Оторваться от этих щитов я уже не мог.

- Да ладно, Ваня, пошли в столовую,- позвал Юра.

- Не могу. Ты обедай без меня, а я схожу посмотрю зверей.

Как зачарованный, я несколько часов ходил по зверинцу, жадно всматриваясь в диковинных зверей: тигров, львов, медведей, которых никогда прежде не видел, любуясь их статью, неповторимой дикой красотой, могучей силой. Подолгу простаивал я у каждой клетки, вчитываясь в биографические таблички. Передо мной открылся новый удивительный мир.

Ушел я из зверинца вечером, когда никого из посетителей уже не было. Разошлись и служители. Какой-то высокий мужчина (потом я узнал, что это директор зоовыставки) с плащом в руке, уходя, мимоходом взглянул на меня и громко сказал ночному сторожу:

- Выведите этого ротозея и заприте дверь.

Страшно смущенный, я хотя и с большим сожалением, но поторопился уйти.

Когда я пришел к тетке, в доме которой мы с приятелем остановились, Юра уже давно меня дожидался:

- Ну как, интересно?

Что я мог ответить? Мало было ответить, что интересно. Я был полностью захвачен тем, что увидел.

Юра широко открытыми глазами уставился на меня, когда вместо ответа на свой вопрос услышал:

- В агрономическую школу поступать не буду, раздумал...

- Как это не будешь? Зачем же ты приехал?

- Попробую устроиться в зверинец.

- Ты что, Ваня, рехнулся? Только подумай...

Я не дал ему продолжать:

- Давай больше не говорить об этом.

- Ну как же так?..

- А вот так... Знаешь что - спать охота.

Юра скоро заснул, а я, никем не тревожимый, лежал до утра с открытыми глазами. Мысленно ходил среди клеток, но уже не в качестве зрителя...

На следующий день я был первым посетителем зверинца. Протолкавшись тут часа два, пришел к директору и протянул ему заявление, написанное, как мне казалось, предельно убедительно:

"Прошу принять меня на любую работу в зверинец по уходу за хищниками. Постараюсь быть вам полезным, так как я очень сильно люблю животный мир.

К сему - Кудрявцев Иван Федорович".

Прочитав заявление, директор сухо спросил:

- А сколько тебе, Кудрявцев Иван Федорович, лет?

Я совершенно растерялся, мгновенно подумал, что

для работников зверинцев существует жесткий возрастной ценз. Ответил:

- Девятнадцатый год...

И быстро добавил:

- Скоро двадцать.

Все так же сухо директор произнес:

- Та-а-ак, значит, девятнадцатый, скоро - двадцать?

- Ага...

Тут он посмотрел на меня и впервые улыбнулся:

- А знаешь, Кудрявцев Иван Федорович, что не только людей, но и животных обманывать не стоит, а то они тебе верить никогда не будут, понял?

Я уныло молчал, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. А директор вывел на моем заявлении: "Зачислить служителем с месячным испытательным стажем тов. Кудрявцева". Потом посмотрел на меня и дописал: "Ивана Федоровича".

Надо ли говорить о том, как старательно я выполнял свои обязанности - чистил клетки хищников, поил и кормил их. Все доставляло мне большую радость, я готов был трудиться по 48 часов в сутки, если бы сутки располагали таким запасом времени.

Как и все остальные зоовыставки, гастролировавшие по Советскому Союзу, наш зверинец принадлежал существовавшему в то время при Главном управлении цирков Министерства культуры СССР объединению передвижных цирков - Циркобъединению. В зверинцах зрителям не только демонстрировали всевозможных экзотических животных,- обычно тут показывали свое искусство дрессировщики, иногда очень знающие и опытные. В нашей зоовыставке № 6 работал в то время один из старейших русских дрессировщиков Тимофей Иванович Сидоркин с женой. Их медвежий аттракцион пользовался большой популярностью и у взрослых посетителей, и, конечно же, у детворы.

Начав работать в зверинце, я не пропускал ни одного выступления Сидоркиных, с удовольствием помогал им, мечтая когда-нибудь попасть в этот аттракцион.

Моя старательность, заботливое отношение к четвероногим питомцам не остались незамеченными. Тимофей Иванович предложил мне стать его ассистентом. Я с восторгом принял предложение.

Так начался мой путь на арену.

К заветной цели

Под руководством Тимофея Ивановича Сидоркина, этого опытнейшего дрессировщика и добрейшей души человека, я работал более четырех лет. Старый русский артист, он начал свой нелегкий путь еще в дореволюционном цирке, испытал немало серьезнейших трудностей. Он знал очень многих выдающихся мастеров арены, на весь мир прославивших русское искусство, с некоторыми из них его связывала крепкая дружба. Был он не раз свидетелем взлетов одних артистов и падений других. Умудренный большим опытом, он охотно передавал его другим. Накипь старого цирка, его темные стороны почти не коснулись этого неутомимого труженика, которому я обязан своими первыми шагами на артистическом пути.

- Чтобы стать настоящим артистом,- частенько говорил он мне,- надо много работать, Ваня, очень много - сколько сил хватит, и еще больше.

Сидоркин видел, конечно, что я люблю животных, забочусь о них. И он всячески это поощрял, всемерно старался будить во мне интерес к профессии дрессировщика, подробно пояснял каждый свой жест во время репетиций, рассказывал множество очень поучительных историй, посвящал меня во все тонкости дрессуры, знакомил с особенностями разных животных, учил, как подходить к ним, как с ними обращаться.

- Нельзя,- учил он меня,- ни в коем случае нельзя проявлять трусость. Но безрассудная лихость в обращении с хищниками, пренебрежение опасностью тоже ни к чему хорошему тебя не приведут.

И с доброй своей улыбкой добавлял:

- При всех обстоятельствах не следует терять эту деталь,- он выразительно указывал пальцем на голову.

Из Ижевска наш зверинец переехал в город Киров, оттуда в Дзержинск. Затем мы работали в Харькове, потом перекочевали в Баку...

В обязанности ассистента, которые я выполнял, входил не только уход за медведями, но и непосредственное участие в репетициях, для которых поначалу я лишь готовил продукты - нарезал хлеб и колол сахар, чтобы прикармливать животных во время работы. Потом мне разрешили выводить из клетки медвежат и гулять с ними.

Смысл таких прогулок не только в том, что животное не залеживается на месте. Это нужно для того, чтобы приучить его к людям, постараться обуздать его нрав, часто очень капризный и

коварный. Тут следует иметь в виду, что медвежата, еще не знающие человека, принимают его за какую-то угрожающую силу, от которой необходимо обороняться - кусаться, царапаться...

Разрешение выводить на прогулку медвежат было большим доверием мне. Очень быстро освоившись с этим делом, я проводил целые дни в играх с забавными, но злющими малышами.

Медведи, с которыми Сидоркины работали в зверинце были еще "сырыми", то есть не владели трюками настолько, чтобы участвовать в цирковом представлении. И по прибытии в Баку нашему аттракциону предоставили четырехмесячный репетиционный период - за этот срок мы должны были многому научить зверей, а главное, научить их выполнять все трюки четко, без "завалов".

К тому времени я накопил уже некоторый опыт и стал по сути дела первым помощником Сидоркиных. Заметно расширился круг моих обязанностей. Мне уже доверяли выводить из клеток взрослых медведей, надевать на них поводки, намордники, привязывать к специальным кольцам в стене в проходе.

Репетиции наши шли очень интенсивно, напряженно, по строжайшему расписанию. Работа начиналась ровно в семь утра и длилась до двенадцати часов. Возобновлялась она в восемь часов вечера и заканчивалась в двенадцать ночи.

В таком распорядке есть резон: утренние занятия должны приучить животных к тщательному выполнению трюков в определенной последовательности; вечерние же, проходящие при свете электричества, так сказать, максимально приближены к обстановке циркового представления. Их цель - не только закрепить результаты утренней репетиции, но дать зверям возможность освоиться с обычными условиями работы на арене.

Некоторым опытом, как уже было сказано, я успел запастись, но достаточной сноровки в обращении с животными у меня, разумеется, еще не было, не смог пока преодолеть известную скованность и неуклюжесть. И медведи нередко меня царапали, а иногда и кусали. По эти случаи ни в малейшей степени не поколебали моей увлеченности.

Однажды я расположился на ночлег прямо возле клеток, подложив под голову свой рабочий комбинезон. Прошло очень немного времени, когда я вдруг был разбужен резким толчком. Почувствовал, что какая-то могучая сила волочит меня головой вперед туда, где стоят клетки со зверями.

Я молниеносно вскочил на ноги, в то время как мое изголовье исчезло в клетке медведицы Гальки. Что же оказалось? Когда я заснул, зверь почуял запах хлеба и сахара, которыми всегда были

полны карманы моего комбинезона. Дурманящий запах заставил Гальку потянуться лапой к комбинезону - она хорошо знала, где лежат лакомства. После длительных усилий ей удалось зацепить его когтями. Тогда-то она и стала резко тянуть к себе комбинезон, а втащив в клетку, в одно мгновение превратила его в... бывший комбинезон.

Медведица Галька

Уютно разлеглись в клетке, медведица с аппетитным хрустом и сопением за обе щеки уплетала сахар и хлеб. При этом она, честное слово, весело подмигивала в мою сторону...

Утром, очень смущенный и раздосадованный, я доложил о случившемся Тимофею Ивановичу. Ни единым словом не упрекнув меня, он только посоветовал впредь быть осмотрительнее.

На следующую ночь я улегся спать в комнате, где размещался наш продовольственный склад. Среди ночи мой сон был прерван самым неожиданным образом: на мою голову обрушились какие-то предметы-не очень твердые и небольшого веса. Хотя боли они мне почти не причинили, но внезапность нападения подействовала как-то ошеломляюще. Ничего не понимая, я вскочил. В темноте, инстинктивно протянув руку вперед, вдруг ощутил, что она погрузилась в очень знакомую мягкую шерсть. Без сомнения, рядом стоял медведь. Быстро отступив назад, я нащупал выключатель и резко включил свет. У стойки, на верхней полке которой хранился хлеб, стоял медведь. По всей его морде был размазан какой-то жир. "Савка,- пронеслось у меня в голове.- Как он тут очутился?"

С невероятным трудом мне удалось вывести его из склада и водворить в раскрытую настежь клетку. И тут выяснилось, что служитель, которому доверили этого гималайского медведя, допустил непростительную оплошность - забыл на ночь запереть клетку.

Учуяв дразнящий запах продуктов, зверь преспокойно вышел из клетки, ударом могучей лапы разбил окно и влез в склад. Здесь он, не обращая на меня никакого внимания, первым делом добрался до солидного куска сливочного масла, с которым живо управился. Пытаясь затем достать с верхней полки хлеб, он с чисто медвежьей грациозностью свалил все буханки. Они-то и посыпались на мою голову. Видимо, воровская квалификация Савки была невысока.

Все же, когда я выставлял его из помещения склада, медведь не забыл прихватить две буханки. Он спрятал их под брюхо, когда, возвратившись в клетку, улегся спать, и доел их уже утром перед самым началом репетиции.

Подготовка и тщательная шлифовка всех элементов аттракциона уже подходили к концу, когда наша группа животных была пополнена двумя ластоногими обитателями

океана - великолепными калифорнийскими морскими львами.

Тимофей Иванович, еще до войны выступавший с морскими львами, от природы поразительными балансерами, вынашивал план создания оригинального аттракциона, где они действовали бы совместно с медведями.

Затея эта представляется мне необычайно интересной. Номер был задуман так. На манеж под звон бубенцов влетают санки, запряженные тройкой здоровенных медведей. Роль ямщика выполняет морской лев по кличке Гоша. Он лихо правит, держа в зубах вожжи. Остановив тройку, Гоша соскакивает с санок и принимается балансировать различными предметами, которые Сидоркины ставят ему на нос. Делал он это с изумительной ловкостью и быстротой, так же, как и отбивал посылаемые ему яркие разноцветные мячи. Наконец, в финале, идя по барьеру манежа, морской лев держит на носу длинный металлический шест с кружащимся на конце алюминиевым блюдом.

Все участники репетиций всегда любовались Гошей, его, не побоюсь сказать, неподражаемым артистизмом, превосходной работой, производившей впечатление, будто животное совершает осмысленные действия, что всегда служит лучшей аттестацией дрессировщика, является конкретным и очень точным выражением его высокого мастерства.

Зрители над этим редко задумываются, но в артистической среде очень хорошо знают, какого неимоверного напряжения стоит добиться чистоты работы от животного; сколько сил, умственных и физических, затрачивается дрессировщиком на то, чтобы номер, длящийся всего несколько минут, шел четко, точно и с той непринужденной легкостью, которая отличает искусство от ремесленничества.

Не могу не вспомнить в этой связи моего старшего товарища по работе - народного артиста СССР Валентина Филатова. Всякий раз, любуясь его чудесным медвежьим цирком, я неизменно испытывал чувство глубокого уважения и доброй зависти к талантливому дрессировщику, добившемуся таких выдающихся успехов. Одна деталь в его аттракционе всегда вызывала даже у меня, зрителя в общем-то искушенного, веселую улыбку. Действительно, глядя на четвероногих велосипедистов, наперегонки кружащих по арене, нельзя было не улыбнуться, когда один из них, как бы в спортивном азарте, часто оборачивался, мол, не обгоняют ли его соперники.

Маленькая деталь, счастливая находка! Но каких, вероятно, огромных усилий потребовала она от дрессировщика.

Или вот другой пример, также относящийся к счастливым находкам, возникшим благодаря большому и напряженному

труду одного из наиболее знаменитых наших дрессировщиков - народного артиста СССР Владимира Дурова.

Вдумчивое наблюдение за морским львом натолкнуло его на мысль использовать одну особенность животного. Артист заметил, что когда морской лев делает резкий выдох, то совершенно отчетливо звучит "ага". Этот "словарный запас" оказался вполне достаточным, чтобы создать уморительный диалог.

Под конец выступления, накормив морских львов рыбой, Дуров затевал с одним из них такой "разговор":

- Ты еще хочешь рыбы?

- Ага.

- Но ведь ты уже съел свою порцию?

- Ага.

- Значит, хочешь Любочкину*порцию?

*(*Любочка - другой морской лев из группы Дурова.*)

- Ага.

- Ну и нахал же ты!..

Морской лев обидчиво молчит. Тогда Дуров решал несколько смягчить упрек и говорил:

- Нахал не нахал, но обжора порядочный.

- Ага,- соглашался морской лев под хохот зрителей.

Казалось бы, что примечательного в чередовании этих вопросов и стереотипного ответа? Но, во-первых, надо же было обнаружить эту особенность выдоха. Во-вторых, поставить ее, так сказать, на службу искусству, то есть натаскать животное, чтобы оно в точно обозначенные мгновения, повинуясь сигналу (для зрителей абсолютно незаметному), делало выдох, а в нужный момент промолчало, как бы изображая обиду. Я себе представляю, что это была очень сложная, очень трудная задача, успешно решенная благодаря терпению и настойчивости замечательного мастера.

Большим трудолюбием и настойчивостью отличался, как уже сказано выше, и мой первый наставник на трудном артистическом пути Т. И. Сидоркин. И если задуманный им смешанный аттракцион зрители не увидели, то не его в том вина.

Вместе с женой Тимофей Иванович все делал, чтобы морские львы освоились с новыми для них условиями жизни на чужбине. Днем и ночью Сидоркины со скрупулезной предусмотрительностью ухаживали за животными, сами тщательно следили за поддержанием определенной температуры воды в бассейне и своевременной сменой ее; кормили живыми миногами, специально доставляемыми воздушным транспортом из Риги,- словом, предпринимали все возможное, чтобы дать

своим питомцам ассимилироваться в прежде незнакомой обстановке. Увы, этот долгий, неистощимо изобретательный труд оказался напрасным - примерно через год оба морских льва погибли от воспаления легких.

Вся наша группа остро переживала эту утрату: но, разумеется, тяжелее всего было на душе у Тимофея Ивановича.

Нам ничего другого не оставалось делать, как снова полностью переключиться на тщательную подготовку медвежьего аттракциона, который пополнился новыми, очень молодыми зверями.

Большая, кропотливая работа была дружными усилиями всей нашей группы успешно завершена. На цирковом конвейере страны появился новый содержательный аттракцион, о котором афиши в разных городах крупными буквами возвещали:

Впервые на манеже

Вспоминая те времена, я не могу упрекнуть себя в лени или отсутствии усердия. Работал старательно, охотно выполнял все, что поручалось, лелея в душе мечту стать когда-нибудь артистом. И все же на первых порах я не раз доставлял Сидоркиным серьезные неприятности. Происходило это из-за недостаточно натренированной зрительной памяти.

Пить молоко - свой любимый

напиток-Гоша мог, даже балансировать на шаре

Дело в том, что довольно долгое время я не мог одного медведя от другого, скажем, велофигуриста Жульку от гимнастки Гальки. Цвет шерсти, да и комплекция у обоих были совершенно одинаковы, в силу чего я нередко допускал путаницу - вместо Жульки отвязывал Гальку, которая отменно ходила на параллельных брусьях, но страшно ненавидела велосипед. В неосвещенном проходе Тимофей Иванович тоже не мог обнаружить ошибку. А когда мы там оба пытались заставить ее сесть на велосипед, она не только не шла на него, но со злобным рычанием бросалась на нас. Замешательство за кулисами сменялось паникой, начиналась суматоха. Я вообще не мог сразу понять, в чем дело, а когда Сидоркин наконец догадывался, что произошло, он, изо всех сил удерживая вместе со мной медведицу, с понятной резкостью бросал мне:

- Опять перепутал!.. Господи, когда же это кончится?..

Положение спасала обычно Ирина Сидоркина. Она, чуя неладное, покидала манеж и быстро, с присущим ей спокойствием наводила порядок. Демонстрация номера продолжалась с почти незаметным интервалом, ничего не подозревавшие зрители очень живо реагировали на забавные трюки косолапых артистов.

Как-то раз в Николаев из Москвы приехал управляющий Циркобъединением Г. С. Агаджанов для просмотра аттракциона, который передавали тогда Ирине Сидоркиной. Просмотр нового номера - этап весьма ответственный, ведь от его исхода очень многое зависит для артистов. Ирина Евгеньевна Сидоркина, начинавшая с этим аттракционом самостоятельную работу, конечно, не была исключением из общего правила, она тоже волновалась, готовясь ко дню просмотра. Накануне она мне сказала:

- Я очень на тебя надеюсь, Ваня, смотри же, не подведи. Заранее проверь весь реквизит и как следует запомни медведей.

- Можете не беспокоиться, все будет в порядке,- ответил я, а сам подумал: "Как же все-таки обеспечить, чтобы действительно не перепутать медведей, выпустить их на манеж без задержки?"

Мысль эта весь день не давала мне покоя, очень уж хотелось, чтобы просмотр прошел без сучка и задоринки. Думал, думал я и, наконец, придумал. В течение дня сшил веем медведям новые намордники из белой кожи. На каждом намордннке крупными четкими буквами написал кличку зверя.

"Рукоделие" мое дрессировщица увидела уже на представлении, когда изменить что-либо, конечно, было

невозможно. Сейчас мне нетрудно представить себе ее состояние, когда обнаружилось это странное новшество. Тогда же я был убежден, что поступил очень находчиво и ничуть не подозревал о смятении, происходящем в душе артистки.

Мать аплодирует сыну и его лохматому другу

Между тем зрители получили дополнительную возможность развлечься. Они с веселым интересом читали вслух клички зверей. В цирке то и дело слышалось:

- Жулька...

- Зорька...

- Остап...

Когда на манеже появился очередной медведь, один из зрителей громко приветствовал его:

- Здорово, Фома!

А какой-то остряк выкрикнул:

- Вот он какой, Фома неверующий!

Дружный хохот прокатился по залу.

А за кулисами в это время Тимофей Иванович, чуть не плача, в сотый раз повторял:

- Ты хоть понимаешь, что натворил?! Это же не колхозные коровы, а цирковые медведи, пойми ты, наконец...

Я был совершенно подавлен.

После представления управляющий Циркобъединением пришел за кулисы. Мы все окружили его, ожидая услышать оценку.

- Мне понравилось, товарищи, очень неплохо,- сказал управляющий. Потом неожиданно спросил Тимофея Ивановича:

- А как работает Кудрявцев?

Сидоркина поспешно ответила:

- Хорошо, старается.

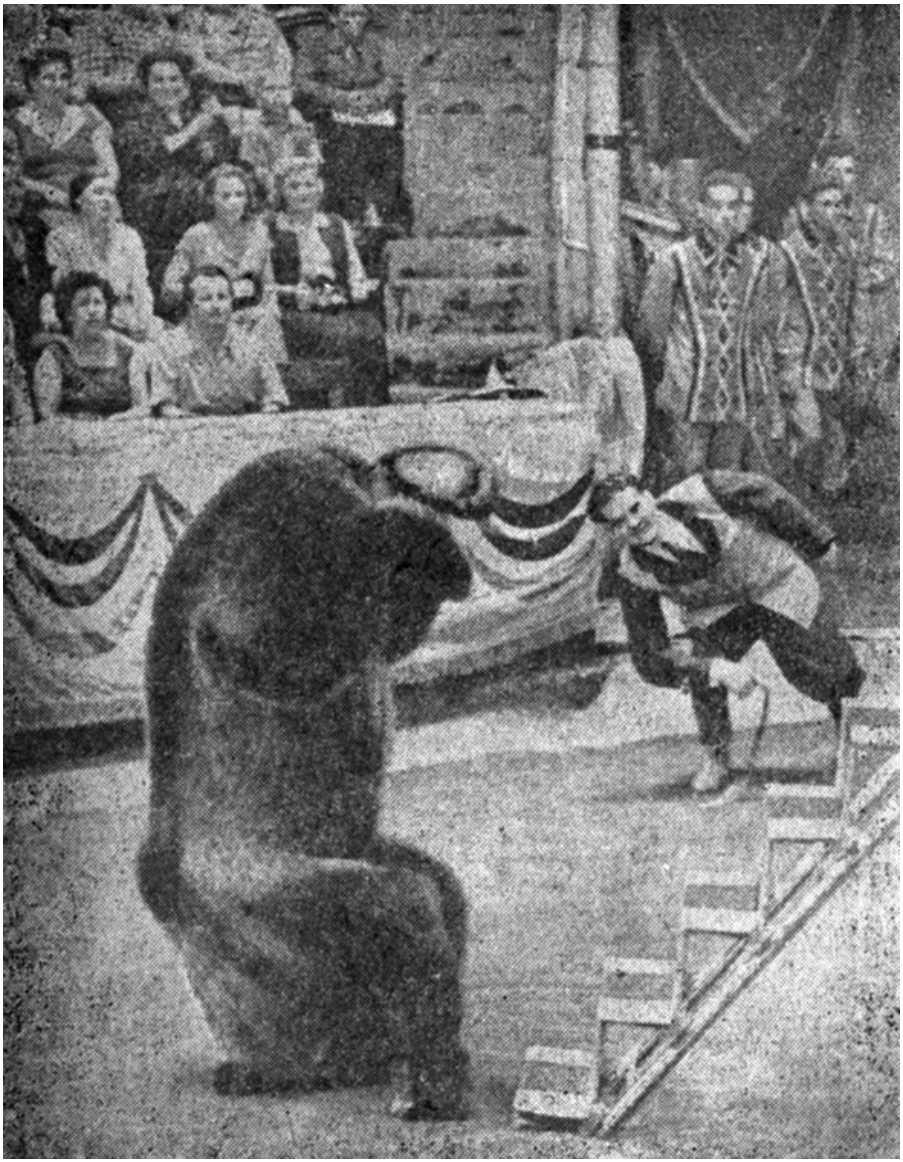
И тут управляющий, сверкнув белозубой улыбкой в мою сторону, добавил:

- К тому же он еще и художник недурной.

Так был исчерпан этот злополучный инцидент, оказавший все же положительное влияние на меня,- с того вечера я стал безошибочно различать медведей.

Мной овладело неутихающее желание репетировать с медведями самостоятельно. И вот однажды, когда мы работали в Ашхабаде, я решился наконец проверить свои силы.

Была у нас необычайно упрямая и очень своенравная медведица Галька. Этот хитрый зверь нередко ставил всех нас в тупик. На репетициях Галька безотказно выполняла все, что от нее требовалось, а во время выступления частенько срывала работу - отказывалась делать тот или иной трюк, очевидно, инстинктивно понимая, что в присутствии публики ее не обидят. На этом трудном животном я и задумал испытать свои способности дрессировщика. Кроме этого желания, действовало и другое: хотелось лучше отработать номер, сломить упрямство Гальки.

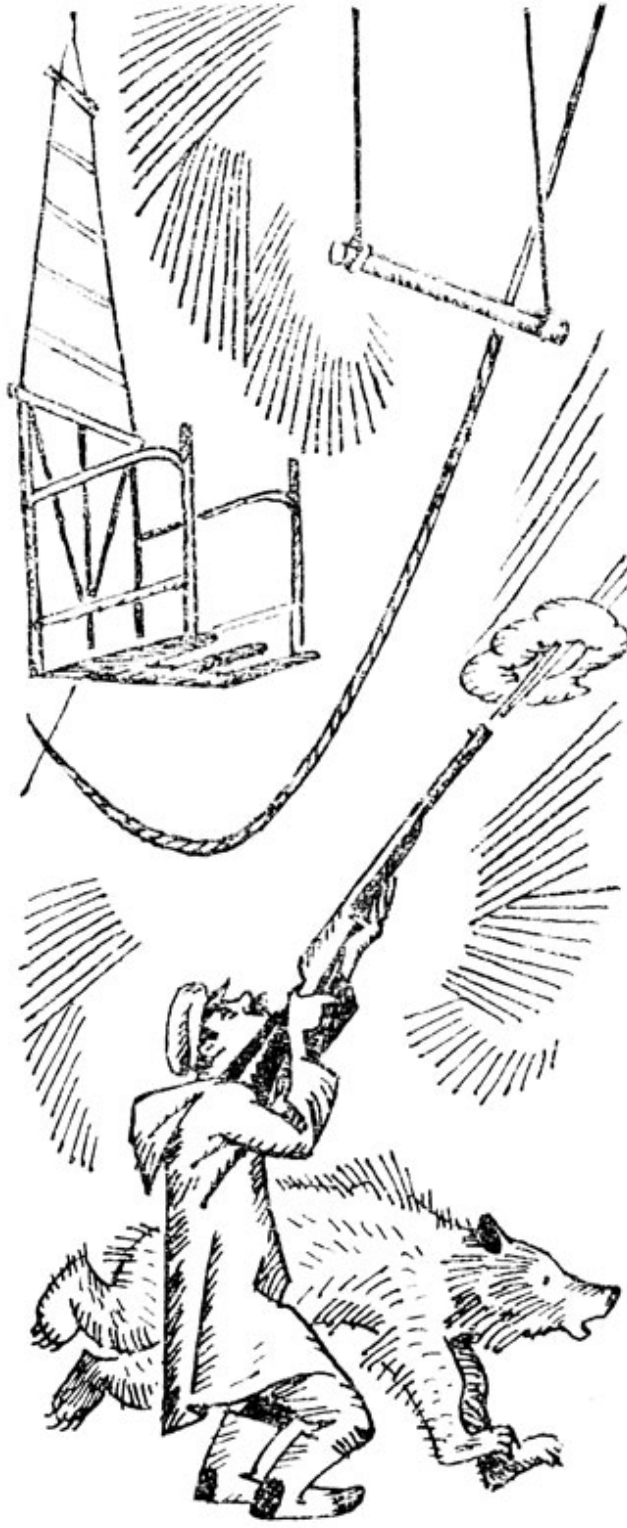


Сегодня Гоша старается особенно

И вот однажды поздним вечером, после представления, когда артисты и весь обслуживающий персонал уже ушли из цирка, а ночной сторож, проверив и закрыв все двери, удалился на свое постоянное место дежурства - к центральному входу,- я, тихонько отодвинув заблаговременно оторванный щит, пробрался на конюшню* и спрятался в одной из пустых клеток. Вскоре от главного входа до меня донесся крепкий храп.

*(*Конюшней в цирке именуется не только помещение для лошадей, но и для любых животных.*)

"Приступил к исполнению своих обязанностей", - подумал я о стороже, выходя из укрытия.



Не теряя времени, я тут же на конюшне установил параллельные брусья, вывел Гальку и приступил к репетиции. Полусонная, в совершенно непривычной обстановке, она, хотя и недовольно урча, все же выполнила весь комплекс упражнений. Но когда я вторично потребовал от нее пройти по брусьям в стойке на передних лапах, раздраженная медведица громко зарычала. Услышав это, сторож проснулся и с ружьем в руках кинулся на конюшню. Я же решил спрятаться, полагая, что, увидя зверя, он быстро ретируется.

Каково же было удивление сторожа, смешанное с ужасом, когда глазам его представилась такая картина: пустая раскрытая клетка и злобно рычащая медведица на брусьях...

Сильно перетрусив, сторож вскинул ружье и принялся палить вверх, по крыше цирка. Напуганная стрельбой, Галька в два прыжка очутилась в клетке, ища в ней спасения. А сторож тем временем бросился вон из цирка. Воспользовавшись этим, я быстро закрыл дверцу и запер клетку, куда забилась медведица, а потом тем же путем, каким проник на конюшню, торопливо удалился, не забыв при этом закрыть щитом отверстие в заборе.

Между тем на выстрелы к цирку сбежались милиционеры. Стоя неподалеку, я слышал, как сторож необычайно красочно расписывал им свой отважный подвиг, уснащая его такими подробностями, от которых, вероятно, кровь леденела в жилах этих видавших виды людей. Тут были и лапы, якобы тянувшиеся к его горлу, и ощеренный рот, и много других подобного рода страшных деталей.

- Но,- хвастливо сказал он,- я его быстро заставил убраться в клетку. Чай, не первый день на цирковой службе. И не такое видел...

И пошел, и пошел хвастаться.

Вызвали директора цирка, Сидоркина и его помощников, среди которых был и я. Сторож вновь повторил свой рассказ, изложенный на сей раз уже в менее ярких тонах. Когда же все мы пришли на конюшню, то тут выяснилось, что клетка заперта, а в глубине ее тихонько лежит успокоившаяся к тому времени Галька.

Сторожу - а он давно уже снискал себе дурную славу пьяницы - сильно тогда влетело. Мне, признаться, стало его жаль, и я уже совсем было собрался сообщить, как все произошло, но, вспомнив его всегдашний богатырский храп на посту и его непомерное хвастовство, решил промолчать. Ведь попало ему, хоть и не совсем за то, но в общем-то по заслугам.

Был в Ашхабадском цирке другой сторож, старательный,

добросовестно выполнявший свои обязанности. Старик этот обладал плохим зрением. С ним у меня все проходило совершенно просто. После представления, как только работники цирка уходили, я переодевался в репетиционный костюм Тимофея Ивановича (так как брюки его были мне слишком широки, приходилось подкладывать разное тряпье, чтобы несколько увеличить живот). Затем спокойно репетировал в присутствии сторожа. Он удобно усаживался во втором ряду и, сильно сощурив глаза, с явным удовольствием наблюдал за трюками медведей. Иногда восхищенно говорил:

- Скажи, пожалуйста, какой умный!..

Принимая меня за Сидоркина, он, конечно, не только не чинил мне никаких препятствий, но был очень доволен, что имел возможность так приятно и не в одиночестве коротать томительные часы ночного дежурства. А когда я глубокой ночью уходил, старик, добродушно пожимая мне руку, неизменно говорил:

- Спасибо вам, Тимофей Иванович, очень интересно у вас получается, ей-бо... Ну, спокойной ночи.

Я от всей души в свою очередь стискивал руку доброго, милого старика, стараясь отвечать очень тихо, чтобы голос не выдал поддельного Тимофея Ивановича.

Однажды, уже в другом городе при другом сторожe, я ночью вывел гималайского медведя Саву, чтобы порепетировать с ним. Предварительно надо было надеть на него костюм: пестрый, цветастый сарафан и такую же косынку. Сава почему-то ужасно не любил эту одежду - Ирина Сидоркина утверждала, что в нем возмущалась мужская гордость. Так вышло и на сей раз. Едва я развернул сарафан и начал напяливать его на медведя, как тот, недовольно сопя, стал отталкивать меня лапой. Я, конечно, не уступал. И пошла у нас довольно шумная возня...

В тот момент, когда мне наконец удалось завершить процедуру одевания, раскрылась дверь и появился сторож. Он с ходу накинулся на меня:

- Это что ж такое? Ежели каждый начнет медведей репетировать, где ж тут дисциплинка? Утром все как есть доложу и директору, и Тимофею Ивановичу, а то никакого сладу нет...

Он долго еще шумел. А потом успокоился, уселся и стал смотреть нашу репетицию.

Меня часто обуревало желание во всем сознаться, но решиться на это я не смог - боялся, что уволят. И тогда - прощай мои мечты...

Теперь я, конечно, сознаю, что не следовало мне вести себя таким образом. Ведь Тимофей Иванович сам всемерно помогал

мне постигать сложнейшее искусство дрессировки животных. Совершенно ни к чему было это мое ночное кустарничанье. К тому же оно могло, как мне теперь ясно, принести немало бед: зверь есть зверь, и оставаться с ним один на один, при очень еще недостаточном опыте... Непоправимое несчастье могло произойти в любую из этих ночей, когда в пустом цирке, подобно ребенку, я по сути дела играл в дрессировку. Именно как ребенок, с той лишь разницей, что забава эта была не столь уж безобидной и только по счастью не завершилась трагически.

Ни о чем не подозревавшие, Сидоркины по-прежнему очень хорошо ко мне относились, всячески поощряя мое стремление к овладению мастерством.

Если не считать этих тайных ночных репетиций, я им, конечно же, никогда ничего дурного не делал. Изо всех сил я старался способствовать тому, чтобы каждый их выход на манеж имел настоящий большой успех у зрителей, надеясь и сам когда-нибудь заслужить такое же одобрение публики.

Медвежонок

После исполнения передних кульбитов. Ну как, недурно работаю?

Шел 1954 год - третий год моей работы в цирке. Наш аттракцион гастролировал в Сибири. Приехали в Иркутск. И вот однажды, а точнее 30 мая, едва закончилась утренняя репетиция, в цирке появилась невысокая старая женщина, назвавшаяся женой таежного охотника. Она предложила Сидоркиным приобрести у

нее двух-трехнедельного медвежонка, добытого ее мужем.

- Купите, может, вы его к цирку приспособите, а нам он ни к чему.

Она извлекла из большой хозяйственной сумки медвежонка. Покрытый нежным пушком, весом меньше килограмма, он еле передвигался, был почти слепым. Было ясно, что с хрупким, немощным малышом предстоит очень много возни.

Сидоркины сказали, что подумают. Оставив свой адрес, женщина ушла.

Маленькое существо, трогательное в своей беспомощности, вызвало в моей душе какое-то щемящее чувство - сочетание жалости и нежности. Целый день ходил я в тревожном ожидании. "Неужели Сидоркины от него откажутся?- размышлял я.- Что же тогда делать?"

Эти мысли не давали мне покоя. И логическим их завершением явилась идея самому купить звереныша. Всю ночь я не спал, строя в уме различные планы, связанные с дальнейшей судьбой юного обитателя тайги и моей собственной.

Едва забрезжил рассвет, я встал, как всегда, сделал зарядку, наскоро позавтракал и отправился в цирк. Но и здесь, погруженный в обычные свои дела по уходу за животными, я не мог отделаться от мыслей о малыше и нетерпеливо дожидался прихода Сидоркиных, чтобы узнать их решение.

Когда они часов в восемь наконец появились, я первым делом осведомился, как они относятся к предложению купить медвежонка.

- Думали мы над этим и решили отказаться. Уж очень он мал и слаб,- услышал я в ответ.

- А как вы смотрите, если я его куплю?

- Дело твое,- ответил Тимофей Иванович, а жена его добавила:

- С ним ведь хлопот не оберешься. Ты подумай хорошенько.

- А я уже подумал,- весело возразил я. И тут же без утайки выложил свой план.

Сидоркины одобрили его, и я тотчас же отправился по оставленному женщиной адресу. На мой вопрос,сколько она хочет получить за малыша, жена охотника добродушно ответила:

- Сам смотри, сынок. Цен-то ведь на них ни в одном магазине не сыщешь. Авось сторгуемся.

Торговаться мы не стали. Я дал сто пятьдесят рублей*, старушка вручила мне медвежонка. Он пугливо, но вместе с тем доверчиво прильнул ко мне. И я тут же мысленно дал себе слово никогда не давать в обиду это крохотное существо.

*(*Пятнадцать рублей на нынешние деньги.*)

- Возьми его на счастье, сынок,- сказала на прощание старушка.- Может, из него хороший артист выйдет.

Ни она, ни я не могли, конечно, думать, что пройдет несколько лет и этот самый малыш превратится в исполина, чья слава пересечет границы многих стран и которого называть будут не иначе, как чудо-медведем.

* * *

С детства возникшая у меня привязанность к животным

теперь с появлением медвежонка переросла в настоящую любовь. Я пестовал его, как мать ребенка, создавал ему самые благоприятные условия для развития: строго по часам поил через соску теплым молоком, ежедневно готовил овсяную кашу и тертую морковь, добавляя к ней сахар.

Наивно думать, что обеспечением добротного питания исчерпывается забота о животном. Я устроил ему удобное и просторное ложе для сна и тщательно следил, чтобы оно постоянно было чистым, гигиеничным, ежедневно купал с мылом, расчесывал его мягкую шерсть. Наконец, водил его на прогулки, очень часто играл с ним, давая малышу возможность вдосталь порезвиться. Не было для него большего удовольствия, чем наши игры.

Вкусное здоровое питание, прогулки, различные гигиенические процедуры, игры, отдых - все это чередовалось в определенной последовательности, которую я строго выдерживал. Это было необходимо как для его здоровья, так и по чисто, так сказать, педагогическим соображениям - нужно было приучать медвежонка к дисциплине.

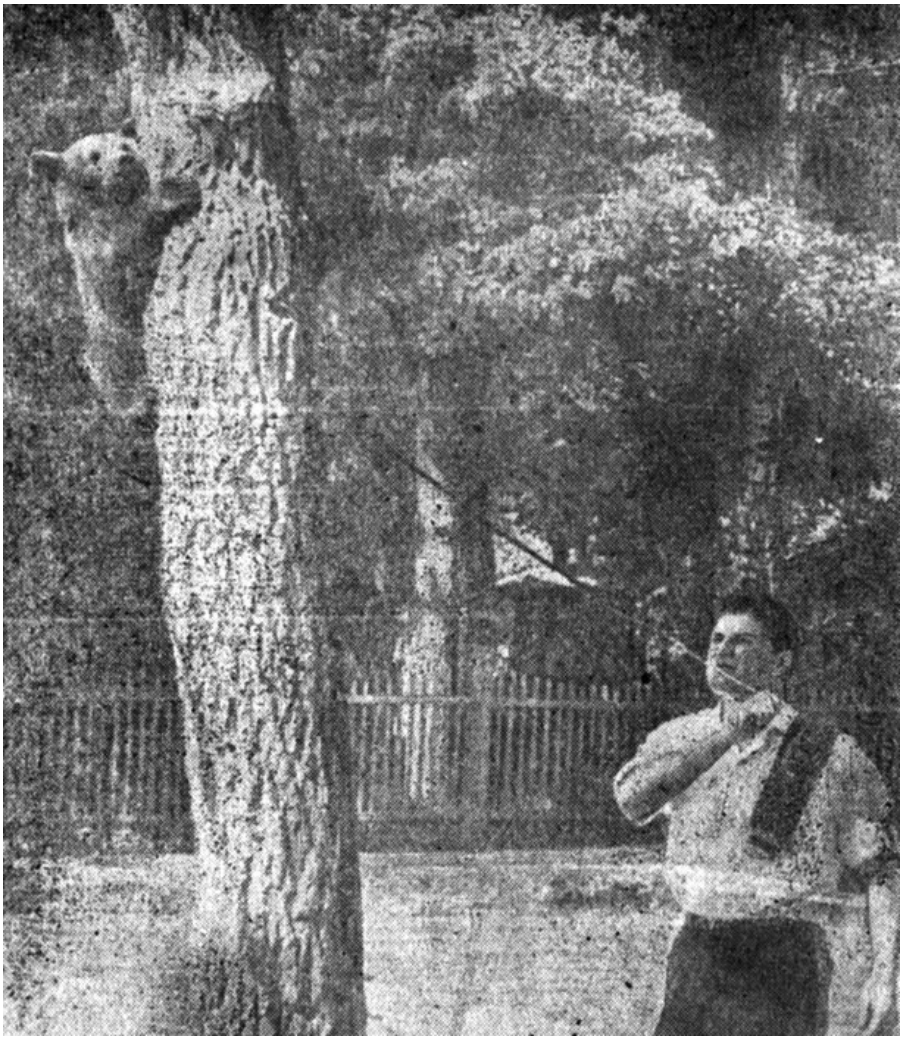
Здесь я должен заметить, что выхаживать малыша мне дружно помогали советом и делом все работники цирка и прежде всего коллектив нашего аттракциона. С особенной благодарностью я всегда вспоминаю, сколько доброго чувства проявили тогда Сидоркины, повседневно вникавшие во все детали выращивания медвежонка. А он в благотворной обстановке всеобщих неустанных забот рос себе и рос, с каждым днем становясь все более здоровым, резвым и необычайно красивым. Особую привлекательность придавала ему густо и пышно разросшаяся шелковистая темно-коричневая шерсть.

Все мои товарищи полюбили Мишутку - так он был окрещен поначалу. А потом, по совету Сидоркиных, мы решили дать ему имя их любимого морского льва, незадолго перед тем погибшего. Так мой малыш стал Гошей.

Гошино детство

Гоша - отличный мотоциклист

В Иркутске я снимал комнату у одинокой старушки с очень отзывчивым сердцем. Она не только охотно позволила мне приводить Гошу на квартиру, но вскоре настояла на том, чтобы он поселился вместе со мной.



Маленький Гоша очень любил лазить по деревьям и сердился на поводок

- Я помогу вам возиться с ним,- сказала хозяйка.

И она, действительно, очень помогала растить малыша - нередко готовила ему пищу, купала его и подолгу, к их обоюдному огромному удовольствию, играла с ласковым зверенышем, становившимся все более шаловливым.

По мере того как он взрослел, возрастало любопытство Гоши, каждый новый предмет вызывал в нем живейший интерес, требовавший немедленного удовлетворения. Разумеется, вещи, находившиеся в квартире, прежде всего привлекали его внимание. Увидев как-то раз в коридоре у двери хозяйкины меховые комнатные туфли, он испуганно застыл на месте и некоторое время пристально их разглядывал, держась на

почтительном расстоянии.

По-видимому, он принял их за каких-то зверьков, столкновение с которыми - кто его знает?- может оказаться не совсем приятным.

Однако что ж они так замерли? Может, сами испугались, завидя Гошу? Все может быть...

И, чуть осмелев, Гоша приблизился к туфлям, с любопытством осмотрел их, потом осторожно тронул лапой раз, другой. Не получив отпора, он с азартом принялся было их терзать, но тут я подхватил его на руки и понес в комнату, а он вертелся, оборачиваясь к странным незнакомцам, и все порывался соскочить с моих рук.

В другой раз, забравшись в комнату хозяйки и никого там не обнаружив, Гоша прежде всего разделался с чулками, свисавшими со стула, в одно мгновение он своими острыми когтями превратил их в клочья. Потом забрался на кровать и принялся ворошить постель...

Возвратившись после утренней репетиции, я, едва войдя во двор, услышал хозяйкины взволнованные возгласы:

- Ты что ж это натворил? Да как тебе не совестно?..

"Что произошло?- подумал я.- Кого это отчитывает хозяйка?"

До меня снова донеслось:

- Ай-ай-ай, а еще цирковой!.. И не стыдно?

Я опрометью бросился в хозяйкину комнату. Дверь была открыта. Переступив порог, я остолбенел: от пола до потолка вся комната была заполнена кружащимся пухом. С веселым визгом, подпрыгивая и кувыркаясь на кровати, Гоша, весь в пуху, вырывался от хозяйки, безуспешно пытавшейся унять проказника.

Я схватил его и унес.

- Все,- сказал я хозяйке,- жить ему здесь больше нельзя, заберу его в цирк. Вам же будет спокойнее.

Но добрая женщина со слезами на глазах стала меня упрашивать не делать этого. Видать, она успела привыкнуть к Гоше, полюбить его.

- Он же еще маленький, - старалась она меня разжалобить,- глуп еще...

А я подумал: "Это ваше счастье, что он еще мал".

Все же настоятельной просьбе хозяйки пришлось уступить. Однако на следующее утро, после того как Гоша, забравшись в кухонный шкаф, перебил все находившиеся в нем блюдца, чашки, тарелки да вдобавок вытащил пакет муки и рассыпал ее по полу, пришлось увести его в цирк.

Там во дворе посадили его на цепь. Но он и после этого не утихомирился: гоняясь за курами, схватил подвернувшегося на беду свою цыпленка и отгрыз ему голову. Пришлось соорудить для Гоши клетку. Установили ее таким образом, чтобы он имел достаточно тепла и свежего воздуха.

Медвежонок явно взрослел. Когда в свободное время я выводил Гошу на прогулку, любимым удовольствием его было лазить по деревьям. Делал он это с быстротой и ловкостью кошки. (Тут надо заметить, что, вопреки всяким россказням, медведи необычайно подвижны и ловки). Я всячески поощрял подобные упражнения, рассматривал их как некий подготовительный этап к началу дрессировки.

Мне давно хотелось приступить к дрессировке Гоши, но мое нетерпение сдерживали более опытные товарищи, в первую очередь Сидоркины, справедливо указывая, что он еще слишком мал. Все мы несколько раз совещались, намечая срок начала обучения. Наконец, было условлено, что, если развитие звереныша будет продолжаться столь же успешно, начать, пожалуй, можно будет первого сентября.

- Ведь в этот день,- пошутил кто-то,- все малыши садятся за парты.

Когда вокруг друзья

Продолжая усердно выполнять свою основную работу у Сидоркиных, я в то же время усиленно готовился к занятиям с Гошей. Накупил книжек о животных и методах их приручения. В библиотеках выискивал малейшие сведения о медведях, их нравах и повадках, о способах обращения с ними.

В одной из библиотек попалась мне книга о великом русском физиологе И. П. Павлове. Я о нем тогда почти ничего не знал. С жадностью прочитал книгу. Вот когда я особенно остро ощутил всю тяжесть недостатка знаний, если не сказать - отсутствия их. И как же горько я сожалел о многих бесцельно ушедших днях, как досадовал на себя, что упустил неисчислимое множество возможностей обогатиться знаниями; со всей резкостью упрекал себя за то, что, увы! так мало читал обычно.

"Как же можно приниматься за работу дрессировщика, - внутренне казнил я себя,- с таким скудным запасом знаний, на что это похоже?"

Признаюсь, были моменты, когда именно по этой причине я совсем уже решал бросить свою затею.

Значит, навсегда распрощаться с мечтой стать артистом?

Но не всем же быть артистами!

Такого рода мысли осаждали меня, едва я укладывался в постель, не давали уснуть, несмотря на ужасающую усталость.

И если все же настроения того периода не сломили мой дух, не принудили отступить, то этим я целиком обязан товарищам - артистам и рабочим, относившимся ко мне с дружеским участием, хотя, быть может, они и не догадывались, что творилось в моей душе.

По совету друзей я написал письмо в Москву, в Циркобъединение, с просьбой предоставить мне дополнительно несколько медведей, чтобы подготовить их к работе на манеже. С завидной быстротой прибыл ответ - короткий, всего из двух фраз, и очень внятный. Заканчивался он так: "...в связи с избытком номеров с крупными животными".

Отказ поверг меня в отчаяние. Первым побуждением было бросить все, уйти из цирка. Я даже вслух высказал это обступившим меня товарищам.

- Ты что это, Ваня,- отвечал мне старый коверный*, весельчак

и балагур, он был сейчас необычно серьезен,- с первой попытки - в кусты?.. Это, брат, не по-цирковому. У нас-то ведь, знаешь, как принято: хоть сто раз повтори, но пока трюк не сделан, попыток не прекращай.

*(*Коверный - цирковой комик.*)

В одно мгновение я попал под меткий перекрестный огонь, не оставивший камня на камне от моей, как кто- то из товарищей выразился, пораженческой позиции.

- Да как это можно?- доказывали они мне,- ведь ты почти уже настоящий дрессировщик, артист. А Гоша, он же замечательный медведь, такого в цирке еще не было...

Разговор о Гоше был выстрелом без промаха. Они хорошо знали, мои товарищи, кем был для меня Гоша уже в то время. Я, правда, пытался еще "отстреливаться".

- Гоша-то, конечно, очень хорош,- сказал я.- Но разве молено работать с одним медведем? Такого еще не бывало...

- Не було, так буде,- почему-то по-украински ответил коверный.- Хиба ж не так, хлопцы?

Со всех сторон посыпалось:

- Так, так...

- Верно.

- Какой может быть разговор!

Все-таки я еще не сдавался:

- Нет, придется уйти из цирка.

И тут один артист иронически спросил:

- Это ты сам придумал или сообща с Гошей?

Я рта не успел раскрыть, как старый коверный опередил меня:

- Ни, це вин сам, бо Гоша не такый дурень... Громкий смех прокатился по двору цирка. И хотя

надо мной смеялись, я понял, что это - борьба за меня.

Очень большое значение имеют для артиста, а тем более для начинающего, дружеская поддержка, интерес, проявляемый к его труду товарищами по искусству, вовремя услышанное доброе слово.

Но не всем же быть артистами!

Такого рода мысли осаждали меня, едва я укладывался в постель, не давали уснуть, несмотря на ужасающую усталость.

И если все же настроения того периода не сломили мой дух, не принудили отступить, то этим я целиком обязан товарищам - артистам и рабочим, относившимся ко мне с дружеским участием, хотя, быть может, они и не догадывались, что творилось в моей душе.

По совету друзей я написал письмо в Москву, в

Циркобъединение, с просьбой предоставить мне дополнительно несколько медведей, чтобы подготовить их к работе на манеже. С завидной быстротой прибыл ответ - короткий, всего из двух фраз, и очень внятный. Заканчивался он так: "...в связи с избытком номеров с крупными животными".

Отказ поверг меня в отчаяние. Первым побуждением было бросить все, уйти из цирка. Я даже вслух высказал это обступившим меня товарищам.

- Ты что это, Ваня,- отвечал мне старый коверный*, весельчак и балагур, он был сейчас необычно серьезен,- с первой попытки - в кусты?.. Это, брат, не по-цирковому. У нас-то ведь, знаешь, как принято: хоть сто раз повтори, но пока трюк не сделан, попыток не прекращай.

*(*Коверный - цирковой комик.*)

В одно мгновение я попал под меткий перекрестный огонь, не оставивший камня на камне от моей, как кто- то из товарищей выразился, пораженческой позиции.

- Да как это можно?- доказывали они мне,- ведь ты почти уже настоящий дрессировщик, артист. А Гоша, он же замечательный медведь, такого в цирке еще не было...

Разговор о Гоше был выстрелом без промаха. Они хорошо знали, мои товарищи, кем был для меня Гоша уже в то время. Я, правда, пытался еще "отстреливаться".

- Гоша-то, конечно, очень хорош,- сказал я.- Но разве молено работать с одним медведем? Такого еще не бывало...

- Не було, так буде,- почему-то по-украински ответил коверный.- Хиба ж не так, хлопцы?

Со всех сторон посыпалось:

- Так, так...

- Верно.

- Какой может быть разговор!

Все-таки я еще не сдавался:

- Нет, придется уйти из цирка.

И тут один артист иронически спросил:

- Это ты сам придумал или сообща с Гошей?

Я рта не успел раскрыть, как старый коверный опередил меня:

- Ни, це вин сам, бо Гоша не такый дурень... Громкий смех прокатился по двору цирка. И хотя

надо мной смеялись, я понял, что это - борьба за меня.

Очень большое значение имеют для артиста, а тем более для начинающего, дружеская поддержка, интерес, проявляемый к его труду товарищами по искусству, вовремя услышанное доброе слово.

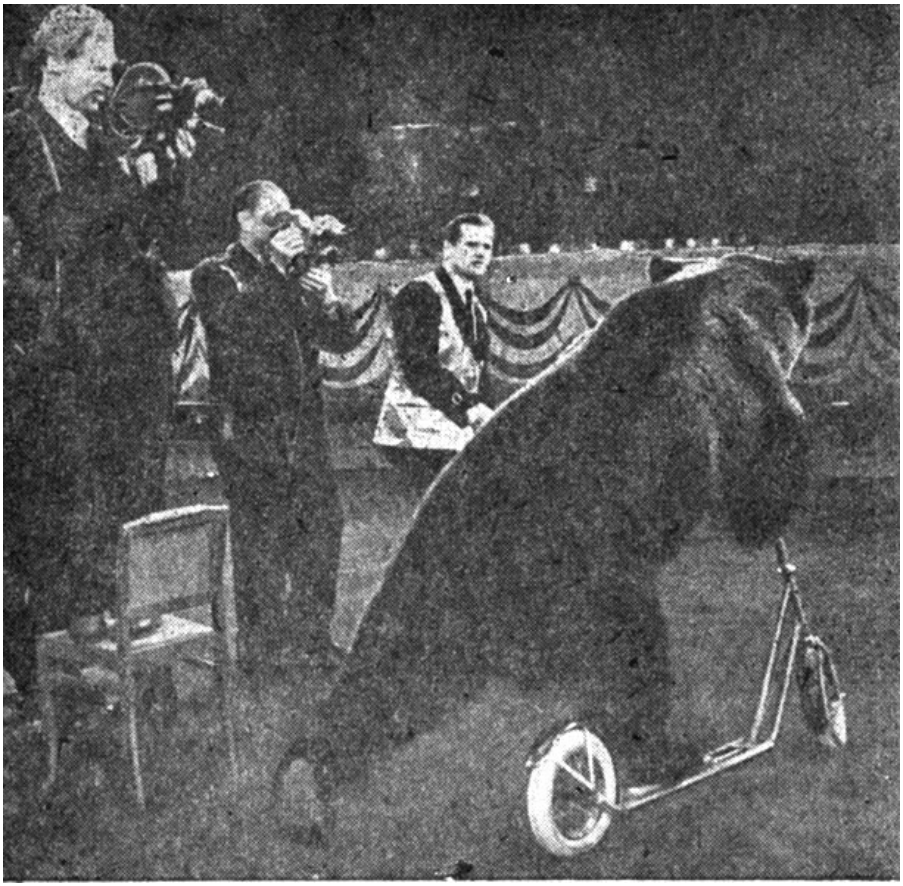
Насколько легче было бороться с Гошей маленьким. Теперь он стал грозным партнером

Гоша учится

В часы занятий

Утром первого сентября Гоша начал свой первый в жизни учебный год. Он был уже далеко не тем тщедушным, хилым замухрышкой, каким я приобрел его три месяца назад. Заметно подросший, плотный, с красивой шерстью, очень резвый, он невольно заставлял любоваться собой. Все наши артисты, души не чаявшие в нем, собрались посмотреть его первые уроки. Разумеется, они были не очень сложными.

Для начала я попробовал научить его ходить на задних лапах. Новый способ передвижения пришелся Гоше по душе, и он в первый же день охотно стал им пользоваться. Не следует забывать при этом, что понравились ему и так называемые вкусовые поощрения за успешное выполнение задачи, то есть попросту сахар.



Первый Гошин трюк - езда на самокате - остается его любимым трюком и сейчас

Затем я решил обучить его кататься на самокате. Опять-таки с обязательным вознаграждением за "смышленость". И уже довольно скоро медвежонок с лихим разбегом стал быстро гонять по асфальту циркового двора - ни дать ни взять озорной мальчишка, только что прибежавший из школы.

Мне кажется, что стоит несколько подробнее рассказать, как достигаются такие результаты, чтобы у читателя не сложилось впечатления, будто все это так просто. Дрессировать животных трудно. И дело здесь не только в опасности - если животное хищное - хотя и об опасности нельзя ни на одну секунду забывать. Главное заключается в сложности "объяснения" зверю, чего от него добиваются.

Гоша отлично овладел велосипедом и азартно выписывает 'восьмерки'

Речь, конечно, пойдет о нашей советской системе дрессировки, базирующейся на прочной научной основе, в отличие от методики, применяемой на Западе. Не случайно там люди моей профессии чаще всего именуются не дрессировщиками, а укротителями. Лично мне слово "укротитель" глубоко антипатично, с ним, на мой взгляд, связано представление не о разумной строгости, а о тупой, бессмысленной жестокости, о запугивании, внушении зверю

безотчетного страха, что враждебно нашей школе дрессуры.

Так вот, о самокате.

Прежде всего надо было "разъяснить" животному, что самокат ничего страшного собой не представляет, так сказать, познакомить их (более подробно о такого рода знакомстве я скажу позднее). Добившись этого, я поднял Гошу на задние лапы, а передние положил на руль.

Между двумя товарищами, вызвавшимися помочь мне, обязанности были распределены следующим образом. Один, поставив на площадку самоката заднюю лапу Гоши, удерживал ее в этом положении. Другой, пятясь, шел впереди самоката, неся в руках миску ароматного меда. Я же, держа поводок, следил за правильным положением всех четырех лап нашего питомца, не спускавшего глаз с маячащей впереди желанной миски.

Осторожно, чтобы не напугать медвежонка, мы тронулись в путь, по мере продвижения подкармливая малыша медом.

Многократно проделав эту процедуру, я добился усвоения Гошей того, что если передние лапы держать на руле, одну заднюю - на площадке самоката, а другой отталкиваться от земли, то медовому блаженству конца не будет.

Через некоторое время Гоша научился проделывать все эти манипуляции почти без всякой посторонней помощи. Я только продолжал еще держать его на поводке, что необходимо было для выработки баланса, а подкармливал уже не так часто - в зависимости от усердия, проявляемого четвероногим спортсменом.

По нескольку раз повторял я с ним каждое упражнение - ходьбу на задних лапах и катание на самокате. Гоша охотно выполнял их, неожиданно открыв для себя приятную возможность получать лакомства сверх обычных норм.

В нашем деле методическая, пунктуальная последовательность играет огромную роль. Когда медвежонок овладел самокатом, следовало приступить к обучению его езде на велосипеде. Тут при значительно большей сложности самого процесса дрессировки принципы ее сохраняются те же - ознакомление с новым предметом и вкусовое поощрение.

Велосипед ставится в козлы и очень прочно закрепляется таким образом, чтобы он совершенно не шатался, так как малейшие колебания машины могут вызвать испуг у животного. После того, как Гоша убедился в полной безобидности машины, мы с медом и сгущенным молоком в руках стали, как у нас в цирке говорят, заводить медвежонка на велосипед. Он, целиком поглощенный лакомством, охотно пошел, уселся в седло. На этом этапе моя задача состояла в том, чтобы малыш освоил

правильную посадку, сидел бы прямо, не горбясь, как это обычно делают медведи, и чтобы передние его лапы правильно, твердо лежали на руле. Одновременно мы ставили его задние лапы на педали, которые начинали усиленно вращать. Получая при этом умноженные порции своих любимых лакомств, не ощущая ничего неприятного, Гоша с удовольствием снова и снова повторял весь комплекс движений до тех пор, пока не освоил их в совершенстве. Особенно энергично он вращал педали, так как за это получал наибольшую порцию угощения.

Когда Гоша как следует овладел неподвижным велосипедом, установленным на станке, я перевел его на пол. Здесь, разумеется, все оказалось значительно сложнее: ведь теперь, когда вращались педали, машина с седоком начинала двигаться. А это ощущение медвежонку было знакомо отдаленно, только по самокату. Но там он имел дело с твердой, неподвижной опорой, хотя бы для одной лапы. Здесь же под обеими задними лапами - крутящиеся педали, а все тело, увлекаемое аппаратом, стремительно рвется вперед...

Вначале Гоша терялся, не зная, что и в какой последовательности делать. Чтобы напомнить ему, приходилось неоднократно возвращаться к станку, после чего мы снова и снова принимались за движущийся велосипед. Усадив медвежонка в седло и положив его передние лапы на руль, а задние - на педали, я левой рукой сам брался за руль, чтобы потихоньку направлять велосипед, а правой за хребет удерживал Гошу, чтобы он не свалился. Один из моих помощников все свое внимание сосредоточил на задних лапах животного, следя за тем, чтобы малыш ни в коем случае не убирал их с педалей во время движения; другой помощник, идя впереди с миской меда в руках, то и дело подкармливал его. Вначале приходилось резиной привязывать лапы к рулю и педалям, а потом, когда он привык, мы перестали их привязывать.

Когда в общих чертах медведь освоился с новым кругом обязанностей, возникла самая ответственная задача - нужно было выработать у него чувство баланса. Делалось это так. Во время тренировок я постепенно отпускал руль. Потом перестал поддерживать Гошу за хребет, а положение его тела регулировал только туго натянутым поводком. Почувствовав поводок слева, медвежонок всей силой отваливался в противоположную сторону. Так мы прокатывали его круг за кругом. Через несколько дней я стал потихоньку ослаблять поводок, а затем и вовсе снял его. Так Гоша научился ездить в одну только сторону - в правую. Тем же способом, но натягивая поводок справа, я затем приучил его ездить в левую сторону. После этого мы перешли к репетициям

"восьмерок". Тут уже пришлось попотеть нам с помощниками. Теперь оба они с двух сторон занимались вкусовым поощрением четвероногого велосипедиста, а я с поводком в руках перебегал слева направо и справа налево...

Хотя наш ученик и оказался очень "способным", все же не раз и не два приходилось чинить велосипед, который в довольно могучих лапах медвежонка нередко приобретал весьма печальный вид. В этих случаях мы утешались известным изречением о том, что искусство требует жертв.

После того, как Гоша отлично овладел велосипедом, нетрудно было обучить его езде на мотоцикле. И здесь принципы дрессуры остаются те же, однако нужно добиться, чтобы животное совершенно четко отличало велосипед от мотоцикла. Иначе, когда его сажаешь на мотоцикл, он нередко поднимает вдруг задние лапы, ища педали. И наоборот,- очутившись в велосипедном седле, задние лапы не ставит на педали, а кладет на раму.

С самого начала учеба во всех деталях обставлялась как живая, веселая игра, а ее Гоша очень любил, мы ведь с ним и раньше ежедневно подолгу играли. И вот уроки, начавшиеся первого сентября, он скорее всего воспринял как новую забаву, доставляющую еще большее удовольствие, чем всегда,- прежде- то он ничего не получал за игру, а теперь... Теперь ему очень часто доставались чудесные сладости, тающие в пасти и вызывающие блаженное слюнотечение... Он, конечно же, готов был без конца предаваться веселым и "вкусным" играм. Я же вырабатывал в нем условные рефлексы.

Для медведя один из самых сложных трюков - антипод, то есть вращение предметов ногами, лежа на спине. Видимо, большое значение имеет здесь то обстоятельство, что, лежа на спине, животное чувствует себя почти совершенно беззащитным. Состояние беспомощности, беззащитности перед возможной опасностью способно кого угодно привести в смятение. Например, такое умное и в общем спокойное животное, как слон, немедленно выходит из себя, едва услышит какой-нибудь шум, доносящийся сверху. Был, например, такой случай. Владимир Григорьевич Дуров, наш, на мой взгляд, артист номер один - не случайно именно ему первому в цирке еще в 1967 году было присвоено высокое звание народного артиста СССР - гастролировал как-то в Таганроге со своим "новым ковчегом". В обширнейшем репертуаре талантливого мастера была такая сценка. Дрессировщик ложился на манеж, а к нему, тяжело ступая своими ногами-столбами, медленно направлялся слои. Подойдя к лежащему на спине артисту, животное осторожно ставило на его

грудь свою ногу, потом, подняв ее, тихонько переступало через него, что неизменно вызывало восторг зрителей, высоко оценивавших сообразительность слона, его совершенно очевидное бережно-уважительное отношение к своему наставнику.

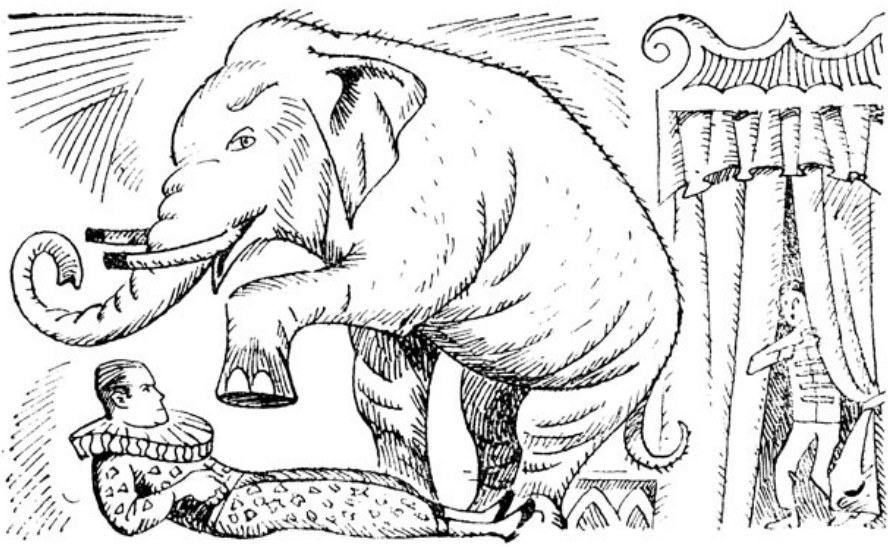
И вот что произошло однажды в Таганрогском цирке на вечернем представлении при показе этой сценки. Когда могучее животное, подойдя к распростертому на ковре артисту, уже занесло над ним ногу, чтобы тут же, легко касаясь, опустить ее на грудь В. Г. Дурова, в цирке внезапно погас свет...

"Только бы он не испугался",- пронеслось тогда в голове Дурова, и он ласково заговорил:

- Спокойно, Максик, спокойно. Все в порядке, Максинька...

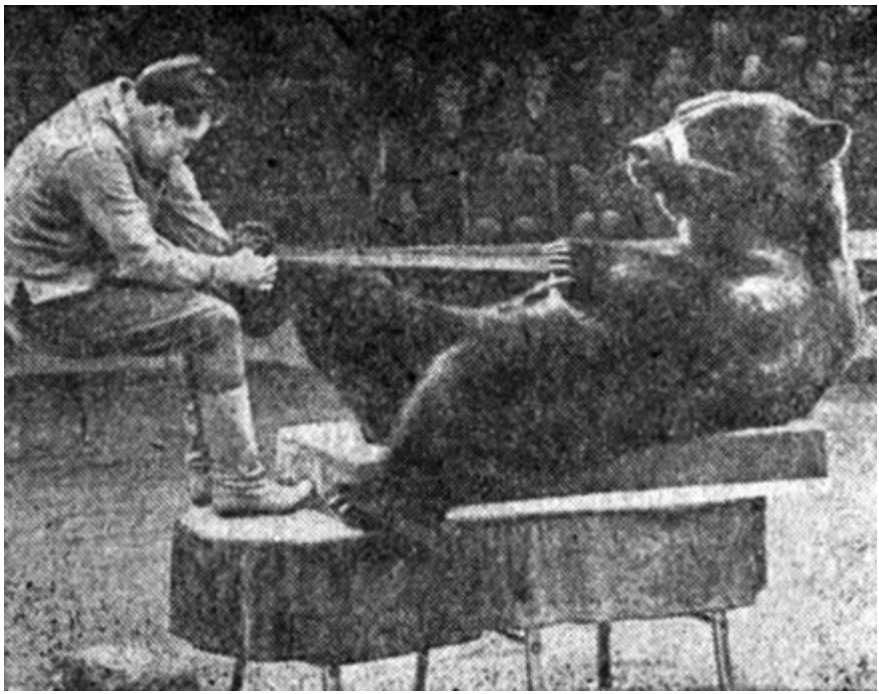
Когда через несколько томительных секунд свет зажегся, зрители, застывшие в ужасе,- они великолепно поняли, какая страшная опасность нависла в буквальном смысле этого слова над артистом,- увидели, что он, по-прежнему улыбаясь, лежит на арене, а над ним с поднятой ногой невозмутимо стоит Макс.

- Я тогда только опасался,- вспоминал потом В. Г. Дуров,- чтобы внезапно не раздался какой-нибудь-шум или резкий выкрик сверху.



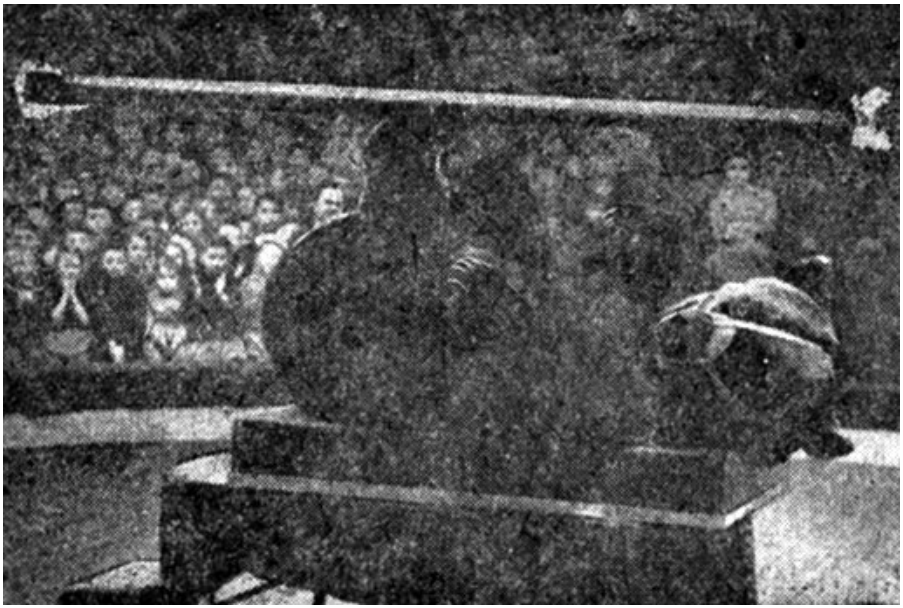
Дело в том, что слон не может поднять голову и посмотреть вверх. В силу этого он не в состоянии определить причину внезапно возникшего шума. Вот это- то незнание и вызывает у него чувство беззащитности перед неведомой опасностью, а следовательно, тревогу, беспокойство. То же состояние овладевает медведем, лежащим на спине. Вот почему дрессировка

его в антиподе требует большой осторожности, такта, абсолютного спокойствия и тщательной подготовки. При этом необходимо, чтобы зверь хорошо знал дрессировщика, испытывал к нему чувство абсолютного доверия, любил с ним забавляться.



Совсем это не легко - хоть немного подтянуть косолапого партнера

Во время игры дрессировщик как бы невзначай трогает лапы животного, разок-другой на мгновение кладет его на спину, но ни в коем случае не применяя силы, чтобы не испугать его. Через некоторое время, когда он уже не боится лежать на спине, надо начать фиксировать это положение, всячески при этом угощая медведя. Подкармливая Гошу лакомствами, я поднимал задние его лапы и, вытянув на один уровень, укладывал на них поначалу небольшую палочку.



Четвероногий антиподист жонглирует и огненной штангой

Сперва мой малыш приучился попросту держать эту палочку на вытянутых задних лапах. Потом я потихоньку стал перекладывать палочку: кончик, лежащий на правой лапе,- на левую и наоборот. Постепенно медвежонок сам начал ее вращать. И это ему понравилось. Игривый малыш принял новую забаву. Я же постепенно увеличивал размер и вес палки, которую Гоша уже с очевидным удовольствием ловко крутил над собой - еще бы, он ведь знал, что за это незамедлительно получит вкусную награду.

Повторяю, обучить зверя антиподу очень трудно. У меня было в разное время несколько медведей, которых я готовил в качестве дублеров Гоши. Все они превосходно научились езде на самокате, велосипеде и мотоцикле. Но ни один в совершенстве, как Гоша, так и не овладел искусством антипода.

Сочетание игры и вкусового воздействия (рыба, сахар, фрукты, мед)-главный метод, применявшийся мною при обучении Гоши в младенческом возрасте, Отсюда, однако, не следует, что данный метод - радикальнейшее средство приручения хищных животных, некая панацея, годная на все случаи. Нет, конечно. Даже мой скромный опыт дает основание утверждать, что универсальных рецептов дрессировки нет, да и быть не может. Все зависит от конкретного объекта, то есть от данного животного. Только с учетом его физических особенностей, нрава, повадок, возраста, природных наклонностей (помните, например, какими балансерскими способностями обладают морские львы?)

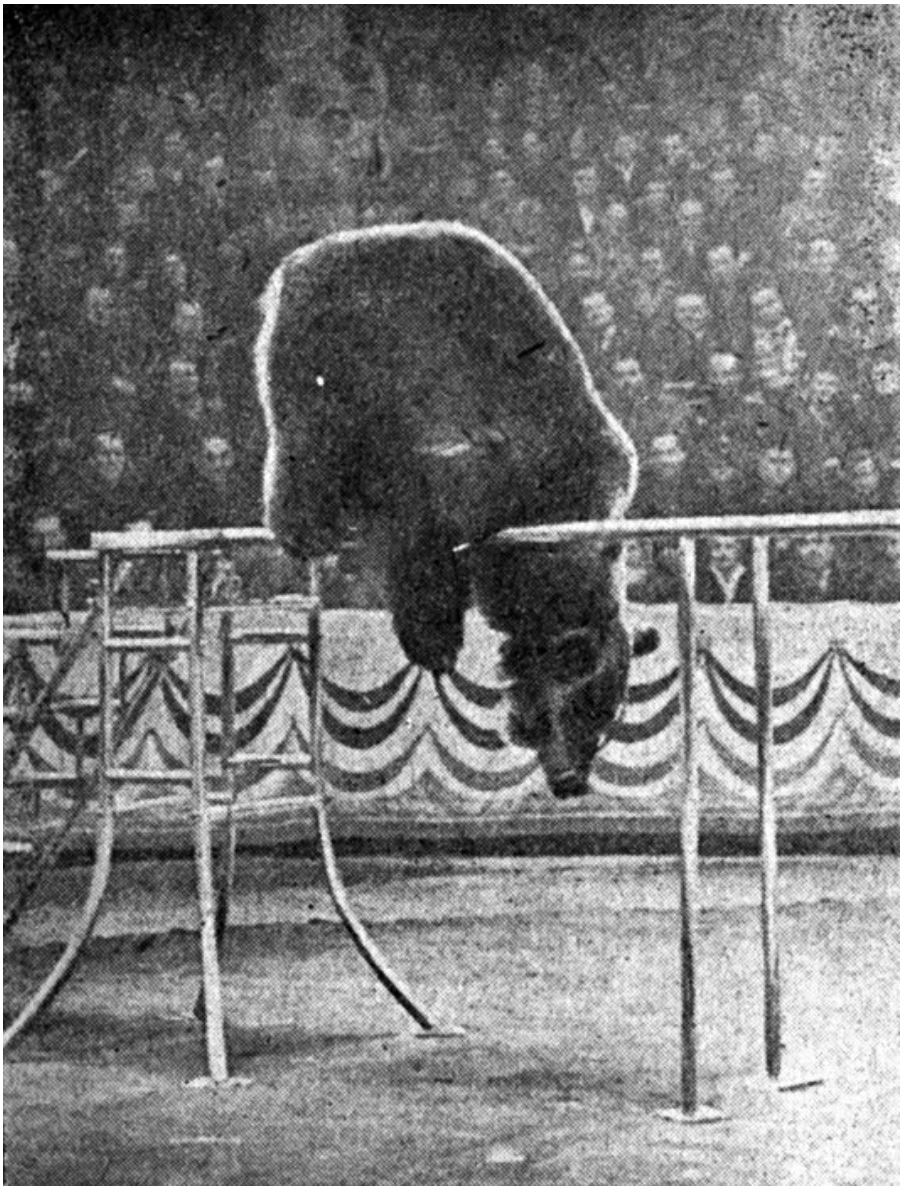
можно разработать правильную систему подготовки того или иного четвероногого артиста.

Каждое утро в точно определенное время начинались наши занятия. Гоша охотно шел на них, всякий раз предвкушая, вероятно, ожидающую его двойную радость.

Большое удовлетворение получал и я. Во-первых, сбылась наконец давняя моя мечта - я мог уже не тайком, а совершенно открыто заниматься любимым делом. Во-вторых, большое удовольствие доставляло мне общение с Гошей, оказавшимся довольно покладистым и "сообразительным" учеником: буквально на лету схватывал он порой мои требования.

На первых порах было очень важно не только тренировать медвежонка в определенных движениях и трюках, но и приучить его к цирковой обстановке, привить ему ряд навыков, без которых невозможно работать на арене. Сюда входят: привычка к выступлениям в присутствии публики, при ярком электрическом свете и под музыку; показ трюков в пределах небольшой площадки - манежа, ограниченного барьером, переступать через который абсолютно недопустимо, строжайше воспрещено; наконец, усвоение того, что реквизит не угрожает ему ничем, не представляет собой никакой опасности. Это последнее очень важное обстоятельство - развитие ориентировочного рефлекса, который И. П. Павлов назвал рефлексом на новизну раздражителя, рефлексом "что такое?".

Как вырабатывался этот рефлекс? К примеру, прежде чем начать тренировки на параллельных брусьях, следовало добиться, чтобы Гоша не страшился самого аппарата, ранее незнакомого, подходил к нему без всякой опаски. Держа медвежонка на поводке, я спокойно прохаживался с ним по двору неподалеку от брусьев, с каждым кругом все сокращая расстояние до них. Потом мы вплотную подошли к ним, и Гоша, с любопытством обнюхав брусья, на личном опыте убедился в их абсолютной безопасности. Как и следовало ожидать, он сразу же освоился и, взобравшись на брусья, стал сперва осторожно, потом все смелее передвигаться по ним всеми четырьмя лапами. Ощущение высоты, уже знакомое ему,- он ведь ежедневно во время прогулок взбирался на деревья - ничуть его не смущало. Деловито сопя, он вышагивал по брусьям, срывался, но не падал на землю, так как тут же инстинктивно цеплялся за них передними или задними лапами, потом вновь принимался ходить по брусьям.



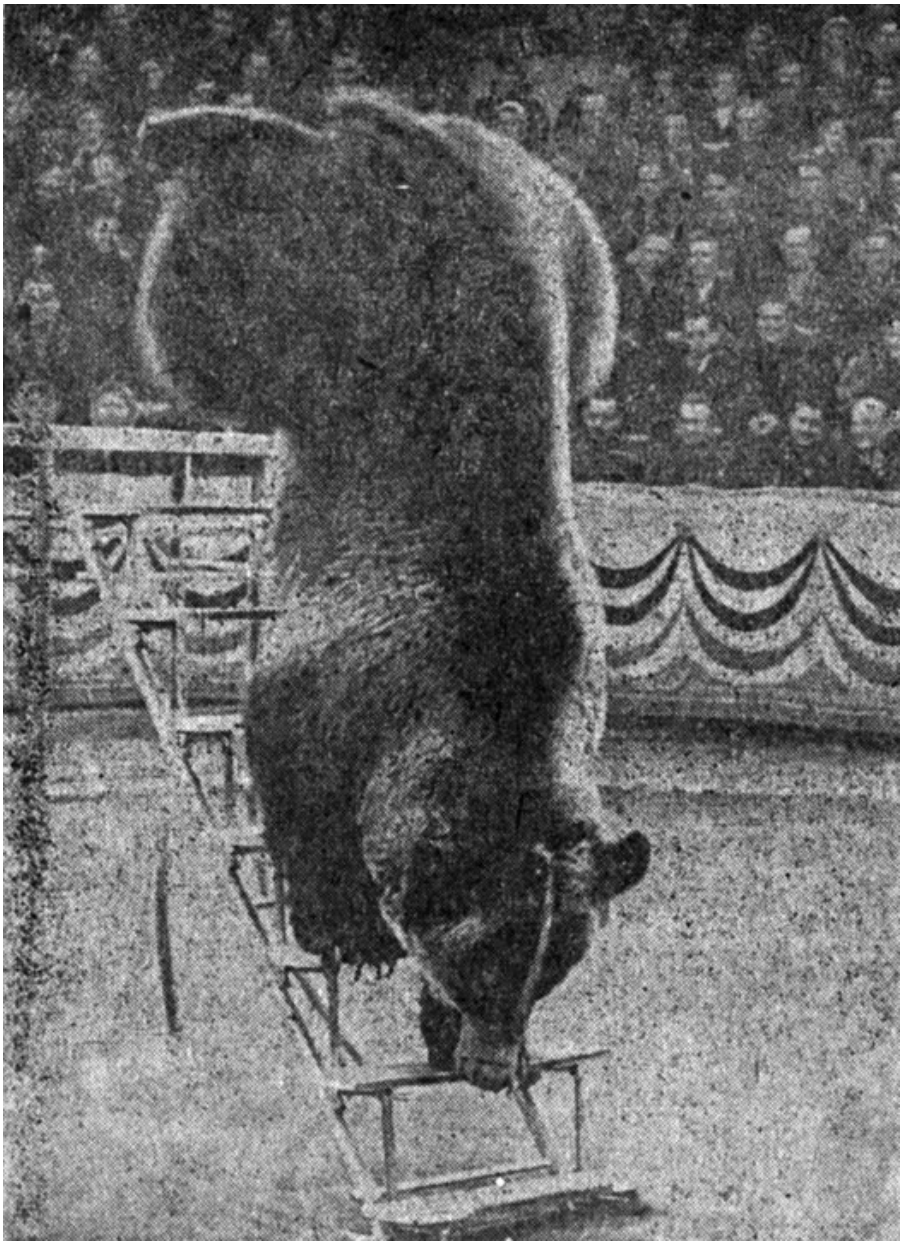
Есть кульбит!

К более сложным упражнениям я перешел несколько позднее, когда Гоша в совершенстве овладел искусством хождения на задних лапах по земле. После этого я начал приучать его таким же способом передвигаться на брусьях и добился успехов в удивительно короткий срок.

Первый трюк на брусьях был кульбит. На земле и в клетке Гоша частенько играл, лежа на спине. И вот однажды, вдосталь походив по брусьям на четырех лапах, он и тут вдруг улегся на

спину, за что немедленно получил от меня немного сахара. С удовольствием съев его, он попытался затем встать, но ничего не вышло - тело оказалось зажатым между брусьев. Стараясь освободиться, он случайно зацепился передними лапами за брусья и перевернулся, то есть сделал кульбит. Без промедления я поощрил его, на этот раз одним из самых любимых блюд - сгущенным молоком.

Таким образом были заложены основы условного рефлекса, позволяющего после дальнейшего его закрепления сделать лежание на брусьях, а затем кульбит привычным для животного.



Гоша стал делать кульбиты несколько раз подряд, выполняя их очень старательно, и после каждого поворачивал ко мне свою забавную мордочку, как бы говоря: "Давай чего-нибудь вкусненького, я ведь сделал то, что ты требовал. Не жадничай, раскошеливайся..."

Затем я начал с ним бороться. Поначалу борьба оказалась для него наименее привлекательным делом. Почему это происходило, я вначале не мог понять, но довольно скоро все стало ясно. Я

установил, что в тех редких случаях, когда победа доставалась Гоше, он готов был тут же снова начать борьбу. Мои же победы производили на него удручающее впечатление. А так как он был тогда еще мал, то, естественно, мне нетрудно было добиваться перевеса.

Для Гоши игра в чехарду - большое удовольствие. А для меня?

Выяснив причину Гошиной неприязни к борьбе, я стал, как говорят шашисты, играть с ним в поддавки, после чего дело у нас пошло вовсю.

Несколько лет я демонстрировал на манеже борьбу человека с медведем, и номер этот, насколько могу судить, был в нашем выступлении одним из тех, которые нравились зрителям.

Публика с интересом наблюдала, как мы оба, натужно пыхтя, с переменным успехом боролись сперва стоя, затем катались по ковру, покрывающему манеж. В финале медведь перебрасывал меня через себя и быстро убегал за кулисы. Я падал на обе лопатки и оставался неподвижно лежать, будто бы в обмороке. И Гоша выбегал опять на манеж, держа в передних лапах полное ведро воды. Не без удовольствия он окатывал меня водой, чтобы "привести в чувство", и, высоко подняв правую лапу, раскланивался с важным видом победителя.

Номер этот обычно имел успех, но несколько лет назад пришлось от него отказаться по той простой причине, что вес моего партнера к тому времени перевалил уже за 300 килограммов. И тут мы с Гошей поменялись ролями: теперь уже я стал испытывать неприязнь к борьбе...

Было два выхода из этого положения: либо догнать медведя по весу, либо прекратить бороться с ним.

Я выбрал последнее.

Труд побеждает трудности

Внимательный зритель всегда может обнаружить, что в группе медведей, исполняющих множество удивительных трюков, каждый делает только два-три. Но хорошо продуманное композиционное построение номера заставляет вас не размышлять над "талантливостью" того или иного четвероногого артиста, а с интересом следить за чередованием трюков, за ходом всего номера в целом, безотносительно к тому, какой из зверей что делает.

Я решил перешагнуть этот рубеж. Поразительные успехи Гоши в освоении различных трюков питали мою уверенность в том, что идею эту можно осуществить. Товарищи горячо поддержали меня.

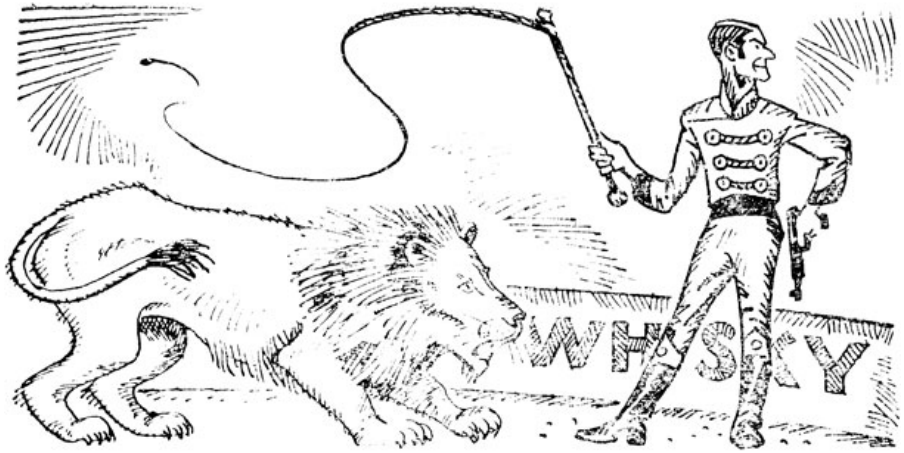
Вспоминая тот период, я неизменно испытываю чувство глубочайшей признательности многим товарищам, а особенно семье одного из патриархов советского циркового искусства народного артиста РСФСР Али-Бека Тузаровича Кантемирова, безвременно скончавшегося в 1975 году, на 93-м году своей жизни. Как драгоценную реликвию храню я подаренную мне двадцать лет назад фотографию, на которой замечательный артист снят на вздыбленном коне.

На фотографии следующая надпись:

Мое отцовское спасибо пареньку из Удмуртии, прославляющему родной советский цирк.Объездил полсвета, не знаю, кого можно поставить рядом с Ваней Кудрявцевым.Его Гоша делает больше, чем десяток медведей в любом известном аттракционе.

Али-Бек Кантемиров.

Я, конечно, очень хорошо сознаю, что столь восторженного отзыва не заслужил, что добрые чувства, вложенные в эту надпись, не что иное, как аванс, напутствие старейшины, желающего приободрить, влить свежие силы в своего молодого товарища. Участливое внимание прекрасного мастера и мудрого педагога, как и дружеское расположение всех остальных членов его семьи, имело для меня неоценимое значение, поддерживало, окрыляло.



Особенно много помогал мне Анатолий Кантемиров, человек пытливый, творческий, представляющий собой, на мой взгляд, образец советского артиста. Никогда он не замыкается в узкие рамки избранного жанра (конный цирк), интересуется в широком смысле всем многообразием нашего древнейшего искусства, собирает материалы по истории цирка. Анатолий всегда готов прийти на помощь товарищу, если нужно - часами репетировать с ним, всегда готов посоветовать, как добиться улучшения номера, как отшлифовать его. Мне он неоднократно оказывал очень большие творческие услуги. И когда зрители с шумным одобрением принимают один из труднейших элементов моего номера - игру с медведем в чехарду,- я с благодарностью думаю о том, как деятельно и заинтересованно участвовал в создании и отработке этого трюка мой друг Анатолий Кантемиров, сколько долгих часов терпеливо затратил он вместе со мной на обдумывание и практическую подготовку номера, к которому, казалось бы, никакого отношения не имел.

-Ну как, не боитесь медведя?-спросил прославленный космонавт,придя за кулисы

Мысль сделать из Гоши универсального артиста все больше и больше захватывала меня. Идея состояла в том, чтобы один медведь заменил целую группу как по количеству выполняемых трюков, так и по продолжительности выступления. При этом я, конечно же, имел в виду добиться, чтобы Гоша и в художественном отношении достиг превосходства над своими собратьями, а также чтобы он мог работать на любых площадках: на манеже цирка, на сцене, а в случае необходимости - на воде и в воздухе. Чрезвычайно прельщало то, что при удаче, а в ней я уже не сомневался, цирк наш получит портативный, компактный, не требующий больших затрат номер.

Дело это представляло, конечно, большую сложность. Даже человеку, который захочет одновременно освоить несколько специальностей, дается это очень нелегко. Что же говорить о животном, лишенном способности думать!

Для меня начался новый, едва ли не самый трудный этап. С большим упорством стал я обучать Гошу по особой, значительно расширенной программе. Не-достатка в помощниках и добрых советчиках я не испытывал и раньше, а теперь все артисты, с которыми сводила меня судьба, старались быть мне полезными,

чем только могли. Каждый, узнав мой замысел, стремился принять непосредственное участие в его быстрейшем осуществлении.

Прежде всего необходимо было глубже, вдумчивее изучить моего косолапого солиста, подумать о том, чтобы у него постоянно был достойный дублер, способный при любых обстоятельствах выступить вместо Гоши, выступить с таким же успехом. Значит, надо было найти такого же зверя. Но ведь не бывает одинаковых животных. У каждого свои повадки и наклонности, свой нрав: одни боязливы, другие любопытны, третьи флегматичны. Одни менее трудолюбивы, другие - более.

Я тогда готовил Гоше трех дублеров - Шмельку, Дика и Мишку. Это очень хорошие, "способные" медведи. Но вот первых двух никакими силами нельзя было заставить выполнять антипод, хотя все другие трюки они усвоили отлично. Только Мишка оказался вполне пригодным для роли дублера, хотя он заметно уступает Гоше и во внешности (Гоша вообще не имеет себе равных по великолепным физическим данным, изумительной стати), и в артистическом мастерстве, и в овладении антиподом. Мишка стал неизменно сопутствовать нам во всех странствиях как внутри страны, так и за ее пределами.

Методическое обучение Гоши пришлось видоизменить. Игра была несколько отодвинута на задний план, а главным делом стала выработка рефлексов с помощью вкусовых поощрений. Но после репетиций, как бы длительны они ни были, я обязательно играл с Гошей- ведь игра, веселая возня оставались самым излюбленным его занятием. Я постарался превратить это занятие в форму поощрения, преследующего определенную цель: если животному надоест изнурительная подчас репетиция, если в ходе ее ему что-либо не понравится, огорчительно подействует на него, то игра заставит все позабыть. В клетку он уйдет после этого в веселом, игривом состоянии, и можно ручаться, что потом не придется насильно выгонять его на репетицию, он и сам охотно пойдет, предчувствуя развлекательный финал.

К этому времени я уже имел известные навыки самостоятельного воспитания животных. Я знал, что надо к ним подходить чрезвычайно осторожно. Говоря об осторожности, я в данном случае имею в виду не только правила безопасности - этого я еще коснусь. Сейчас я говорю о предусмотрительности - каждый раз дрессировщик должен строить занятия, обязательно учитывая состояние животного. Лишь уяснив себе своеобразие характера животного, обычную манеру поведения, тщательно изучив все его природные особенности, дрессировщик может всякий раз определить настроение зверя, прежде чем приступить

к занятию с ним. Без этого нечего и помышлять о каком-либо существенном и прочном успехе.

Почему?

По той причине, что вы тогда не сможете уловить колебания духа своего питомца, сообразить, что он чем- то озабочен или почему-то возбужден, что он нездоров, в угнетенном состоянии и т. д. А не определив этого, никоим образом нельзя методически правильно, эффективно организовать занятие.

Другим обязательным условием представляется мне дружба с животным. Необходимо, чтобы, скажем, медведь испытывал потребность в общении со своим дрессировщиком, питал к нему привязанность и безусловное доверие. Не могу не вспомнить в этой связи свой первый разговор в Ижевске с директором зверинца, предупредившим меня, что и животных нельзя обманывать, если хочешь заслужить их доверие.

Чрезвычайно важно, чтобы на всех стадиях работы с хищником дрессировщик сохранял спокойствие, не выходил из себя. Следовательно, он должен иметь неистощимый запас терпения и хладнокровия. Если же ему не хватает выдержки и нервы его "распускаются", то своим поведением он способен лишь сбить с толку животное, поставить его в тупик. В подобном случае зверь непременно начнет в свою очередь раздражаться, а затем может и вовсе перестать слушаться.

Из этого совершенно не следует, что надо при всех обстоятельствах соблюдать некое христианское миролюбие. Отнюдь! Чтобы обеспечить хорошее, четкое исполнение всех своих требований, дрессировщик пользуется многими методами, не исключая и строгостей, добивается неукоснительного послушания от зверя. Но к строгостям, к болевому воздействию прибегать надо, на мой взгляд, очень осмотрительно, лишь в исключительные моменты, помня, что злоупотребление этим самым острым средством ведет к возникновению у животных рефлекса, выражающегося в ощущении боли при одном только приближении дрессировщика. Мне не раз приходилось видеть на Западе артистов, пользующихся только этой формой воздействия. В Париже довелось смотреть номер со львом. Едва появлялся дрессировщик, как громадный лев, пугливо озираясь, начинал пятиться. Тут же, при публике, артист обрушивал на него град ударов плетью и металлической палкой, постепенно приводя животное в ярость. Вся "соль" номера заключалась в том, что зверь, обезумевший от боли и гнева, все же послушно выполнял волю своего мучителя. Я смотрел на арену со смешанным чувством отвращения и стыда.

В том-то и сложность нашей профессии, что ее

представителям необходимо обладать большим комплексом разносторонних моральных качеств, среди них гуманностью. Нельзя, думается мне, работать с животными, не любя их.

Другое дело, ни при каких обстоятельствах не позволять своим питомцам почувствовать их могущество, выйти из повиновения. К примеру, Гоша, весящий сейчас около полутонны, способен одним ударом лапы сломать позвоночный столб лошади. В то же время он настолько послушен, что его огромную силу я останавливаю громким окриком, рывком в его сторону, не говоря уже об угрожающе поднятом хлысте. И главное здесь то, что при всем добром отношении к нему я еще ни разу ни в какой форме не проявил в работе с ним робости, испуга или малодушия, то есть не дал ему ни малейшего повода заподозрить, что он физически сильнее меня. Что бы ни творилось порой у меня на сердце, даже если бы я ощущал инстинктивную боязнь, Гоша этого не должен замечать. В тот день, когда он что-либо подобное обнаружит, мне, я уверен, придется навсегда расстаться с ним.

Мы с Гошей артисты

Непревзойденный мастер дрессировки хищников, наш старейшина в этой области, народный артист республики Борис Эдер в своей книге "Мои питомцы", подчеркивая сложность процесса дрессировки медведей, вместе с тем отмечает, что их сообразительность и восприимчивость иногда поражали даже его. Необычайно интересная глава, посвященная бурым медведям, заканчивается такими словами: "На основании практических наблюдений я могу с уверенностью сказать, что с бурыми медведями можно подготовить еще много замечательных номеров, так как они в состоянии проделывать очень сложные акробатические и гимнастические упражнения, связанные с точностью баланса".

В абсолютной точности этого вывода я убедился на своем в сущности малом опыте работы с Гошей. Пусть не покажется читателю нескромностью с моей стороны такое сравнение: если обычно в цирке медведь выполнял, как уже было сказано, два-три трюка, то мне удалось своего косолапого артиста обучить тринадцати различным трюкам. Причем в ряде случаев это очень сложные упражнения, немыслимые без овладения многими цирковыми жанрами: почти всеми разновидностями гимнастики, включая воздушную, антиподом, эквилибристикой, балансированием, жонглированием, борьбой, вело- и мотогонками.

Нет худа без добра. Я ведь тогда еще работал ассистентом у

Сидоркиных и потому мог готовить своего медведя только урывками - по ночам и в выходные дни, причем репетиции проходили не на манеже, а во дворах и конюшнях цирков в Риге, Горьком и других городах, где нам доводилось работать в то время. Это обстоятельство наложило определенный отпечаток на характер Гоши, закалило его, приучило к терпимости, невзыскательности. Он и поныне очень быстро приспосабливается к любой обстановке, не смущаясь и не капризничая, демонстрирует свое искусство в самых непритязательных условиях.

В конце 1955 года Сидоркины полностью переключились на работу с морскими львами, а медвежий цирк передали Чжен Хай-тину. Я уже тогда хорошо знал и выводил на манеж всех медведей, в том числе даже самую злющую медведицу Машку. К слову сказать, она однажды укусила мне руку чуть ниже локтя и сделала это настолько усердно, что месяца полтора я был обречен на вынужденное безделье.

Чтобы познакомить нового исполнителя с медведями, я был назначен в его номер тренером-дрессировщиком. С ним мы основательно работали около года, а попутно я продолжал занятия с Гошей, вкладывая в них всю душу. Трюками, о которых говорилось выше, он уже достаточно хорошо овладел, оставалось лишь отшлифовать каждый из них да отработать композиционное построение номера.

Вот какой была последовательность упражнений. Вначале мы разыгрывали сцену встречи медведя-охотника с цыганкой, которую изображал я. Нагруженный многочисленными трофеями, переброшенными через плечо, медведь, возвращаясь после удачливой охоты, неожиданно встречает цыганку. Начав ему гадать, она ловко снимает с медведя всю добытую дичь. В заключение, напевая, она уже совсем было собирается уйти, но тут вдруг выясняется, что охотник не такой уж ротозей, как казалось поначалу. Он догоняет плутовку, отбирает дичь, а бессовестную гадалку заставляет заняться трудом.

Затем шел вальс, забавно исполняемый Гошей с большой куклой. После этого медведь совершал три круга по манежу на самокате и уезжал за кулисы, где получал кусочек сахара. На аплодисменты он выбегал, делая подряд несколько передних кульбитов.

Потом косолапый артист исполнял серию комбинированных трюков на параллельных брусьях и приставленных к ним лестницах: ходил на задних лапах, передвигался в стойке на передних лапах. Эти упражнения сменялись антиподом: лежа на спине, Гоша в абсолютной темноте в таком необычайном темпе

жонглировал факелом, зажженным с обоих концов, что казалось, в эпицентре цирка вращается в горизонтальном положении огненное колесо.

Тут наступала очередь демонстрировать воздушную гимнастику, и мой питомец выполнял упражнения на трапеции.

Все это время я стоял в стороне, в проходе у форганга*. Но после трапеции я вновь становился активным участником представления - начинались состязания в борьбе между человеком и зверем.

*(*Форганг - артистический выход на манеж.*)

Мастерство балансера и эквилибриста Гоша показывал, стоя на шаре, быстро катящемся по арене. Затем он ездил на велосипеде, после чего я опять включался в работу: в абсолютной темноте мы вместе начинали гонки на двух мотоциклах с включенными фарами. В заключение номера мы демонстрировали игру в чехарду.

Изо дня в день я терпеливо обучал заметно подросшего медведя, не переставая любоваться поразительными успехами своего необычайно сообразительного ученика. Особенно хорошо давалась ему езда на велосипеде. И поныне в зрительном зале стоит веселое оживление, когда Гоша азартно выписывает "восьмерки", поднимаясь при этом над седлом сантиметров на десять, чтобы яростнее нажимать на педали.

Слухами, говорят, земля полнится. Разговоры о необыкновенно "талантливом" медведе докатились до Главного управления цирков*. Министерства культуры СССР, откуда к нам частенько наведывались режиссеры. Некоторые из них, любопытства ради побывав на моих занятиях с Гошей, горячо одобрили идею создать номер с одним медведем.

*(*Ныне - Союзгосцирк.*)

- С одним, но зато с каким! - восхищенно говорили мои друзья представителям Главка, убеждая их посмотреть Гошу.

Теперь уже не столько я, сколько товарищи - артисты, директора и другие работники цирков хлопотали о том, чтобы мне поскорее предоставили возможность работать самостоятельно. И в конце ноября 1956 года моя мечта сбылась- из Москвы поступила телеграмма о том, что я зачислен в коллектив "Цирк на сцене", работавший тогда в Молдавии.

...Среди ночи я несколько раз вставал, чтобы снова и снова перечитать лаконичный текст служебной телеграммы. Нет, это не было ни сном, ни галлюцинацией, в руках я держал настоящий, абсолютно достоверный документ.

Наша премьера

В последний день мая 1975 года прямо за кулисами цирка в Николаеве состоялась теплая дружеская пирушка. В ней приняла участие очень небольшая группа людей - их было всего трое - и один медведь. Собственно, пировал именно он, а люди только усердно потчевали его разной вкусной снедью по случаю знаменательного дня в жизни этого животного.

Признаться, не обошлось и без выпивки. Виновника торжества угостили двумя... Нет, не угадали, не бутылками и не бокалами, а двумя банками его самого излюбленного напитка - сгущенного молока...

Так в двадцать первый раз был отмечен день Гошиных именин.

Вообще в нашей с Гошей жизни двузначные числа,

образуемые тройкой и единицей, 31 и 13 - счастливые: 31 мая я приобрел в Иркутске косолапого друга, с которым мы вот уже столько лет не расстаемся, трудимся вместе. Эту дату мы ежегодно отмечаем как день Гошиных именин. Именинника в его праздник полагается побаловать. И я, конечно же, устраиваю ему пиршество. Гоша получает вдоволь лакомств: меда, фруктов, конфет.

13 - тоже знаменательная для нас обоих дата. 13 декабря 1956 года мы с четвероногим партнером приняли артистическое крещение. И хотя было это не на арене - событие произошло в одном из сельских клубов Молдавии, в трех десятках километров от столицы республики,- в памяти моей оно оставило глубочайший след. Мне приходилось потом выступать с Гошей на крупнейших манежах нашей страны, включая и Московский, на аренах Софии и Лондона, Рио-де-Жанейро и Варшавы, Монтевидео и Хельсинки, Джакарты и Токио, но первый наш выход в мир искусства, состоявшийся на скромной сцене колхозного клуба, мне не забыть.

Стоя за кулисами, я со страхом и нетерпением ждал, когда будет объявлен мой номер, мысленно без конца повторяя фразу:

- Артист Иван Кудрявцев и его дрессированный медведь Гоша!

Один раз я даже вслух - правда, вышло очень тихо - произнес эти слова. Товарищ, стоявший неподалеку, подумав, что я

обращаюсь к нему, обернулся:

- Ты что-то спросил?

Я смущенно пробормотал:

- Ты не знаешь, который час?

- Без двадцати десять.

И тут я услышал жидкие аплодисменты из зала и яростный шепот:

- Где же Кудрявцев, чего он там зазевался?

Словно в тумане вышел я с Гошей на сцену. Как мы работали, как реагировали зрители, я совершенно не чувствовал.

Перед началом спектакля я написал на бумажке последовательный порядок трюков и приколол ее в укромном уголке на сцене. Увидя это, товарищи мои сразу же все поняли.

- Ты не волнуйся,- говорили они мне,- не торопись, фиксируй трюки и не забывай кланяться.

Кланяться я тогда не умел, да и почему-то считал этот жест никчемным. На том представлении я бы, наверное, ни разу не поклонился, если бы не настойчивые подсказки из-за кулис, подчиняясь которым, я раза три кланялся. Однако делал это с таким "изяществом", что, как потом уверял комик нашей группы, "совершенно невозможно было разобрать, кто там медведь, а кто дрессировщик..."

Финальным трюком была борьба. Мы оба вошли в раж и, сколько она длилась, я не в состоянии был установить. Помню лишь, как все наши артисты под горячие рукоплескания зрителей вышли на сцену и сами стали аплодировать нам с Гошей. Товарищи от всего сердца поздравляли меня с премьерой, с началом артистического пути.

На желанном пути

Итак, мы с Гошей стали артистами. Началась для нас новая жизнь.

После гастролей в Молдавии коллектив "Цирк на сцене" был направлен во Львов для выступлений перед детьми на елках в дни зимних каникул.

Между прочим, путь из Кишинева во Львов Гоша проделал один в пустом и холодном товарном вагоне. В конце декабря 1956 года в тех краях, где мы находились, стояли трескучие морозы, а в вагоне печки не оказалось. Пришлось нам разлучиться. Учитывая то обстоятельство, что в отличие от меня партнер располагал великолепной природной шубой, я оставил его в этом вагоне, сам же отправился пассажирским поездом, предварительно положив в клетку зверя четыре буханки хлеба, некоторые другие припасы и очень плотно закрыв дверь вагона, чтобы ни при каких обстоятельствах выбраться он не смог.

Уехал, а на душе у меня было очень неспокойно. Я знал, что одному Гоше долго оставаться нельзя, его ведь нужно поить, кормить, чистить, наконец, развлекать. Два дня спустя я сделал остановку в Черновцах, чтобы встретить и накормить Гошу. Едва прибыл состав, в котором он ехал, я сразу же направился к нему. Подхожу к вагону и уже издали вижу, дверь приоткрыта.

- Неужели сбежал?- обожгла тревожная мысль.

Каково же было мое удивление, когда, войдя в вагон, я убедился, что все в порядке. Свернувшись клубочком и мурлыча, Гоша сосал свои лапы. Рядом с ним лежало буханок шесть хлеба.

Я никак не мог сообразить, откуда они взялись. Но все выяснилось довольно быстро. Минут через пять после моего прихода подошла к вагону группа железнодорожников. Они рассказали, что на одной из остановок недалеко от Черновцев, услышав рычание из вагона, открыли дверь, предположив, что там собака. Когда же увидели, что это медведь, они принесли ему хлеба. Медведь тут же по достоинству оценил хлеб, но съел, однако, не весь, часть оставил на будущее.

Я поблагодарил этих славных людей, почистил и напоил Гошу, а затем, пополнив его запас продовольствия, удалился.

Еще через двое суток я встретился с ним во Львове. Здесь наш коллектив работал очень интенсивно. Но особенно большая нагрузка выпала на долю Гоши, выступавшего несколько раз ежедневно.

Был в нашей бригаде артист разговорного жанра, сатирик Михаил. Обычно, проходя на сцену, он с некоторым недоверием поглядывал на моего четвероногого партнера, но довольно скоро от его подозрительности следа не осталось, и они крепко подружились (настолько крепко, что мне даже пришлось удерживать артиста от чересчур частого и близкого общения с медведем, которое могло неожиданно для них не очень-то хорошо завершиться).

В одном областном центре незадолго перед началом концерта внезапно заболел артист, чье выступление по времени занимало большую часть представления. Наш администратор был в полном отчаянии.

И вот сатирик наш предложил:

- Надо увеличить время работы Гоши, и все. Вы ведь знаете, что это за медведь?!

Найдя меня за кулисами, Михаил сказал:

- Быстро выводи Гошу, его вызывают на военный совет.

- На какой совет?-недоуменно спросил я. (Забыл сказать, что собрались мы на выступление в Доме офицеров.) Артист объяснил, в чем дело.

- Понимаешь,- закончил он,- надо им показать, на что способен Гоша.

Взяв медведя, я пошел "к ним", то есть в кабинет начальника. Посмотрев несколько Гошиных трюков, начальник повеселел.

- А что, товарищи,- сказал он.- Здорово у него получается...

Концерт начался вовремя и прошел успешно.

Как-то после одного из выступлений Гоше пришлось за недостатком транспорта переезжать в другой город в обычном автобусе вместе с артистами. Два с половиной часа он спокойно сидел рядом с замирающим от страха шофером, упираясь в его

ногу левой задней лапой... Когда мы прибыли на место, шофер, выбравшись из машины, скинул свою куртку - от нее шел пар...

- Ну и баню же ты мне задал, косолапый черт,- добродушно ругнулся водитель, восхищенно глядя на зверя.

В начале 1957 года коллектив "Цирк на сцене" приехал в город Черновцы, где нам предстояло дать несколько представлений. Здесь, в одном из помещений, примыкающих непосредственно к сцене, поставили Гошину клетку. И вот в первый же вечер произошел эпизод, лишь по счастливой случайности завершившийся благополучно.

Деревянная клетка с медведем оказалась возле батареи центрального отопления. Сперва все было нормально, но через некоторое время батарея сильно нагрелась, что совсем не понравилось Гоше, и он принялся недовольно ворчать. Однако более подходящего места для клетки не оказалось. Мне стало жаль косолапого друга, и я решил взять его с собой на киносеанс - до начала нашего представления артистам и работникам Дома офицеров показывали комедию "Карнавальная ночь".

Поначалу, усевшись рядом, Гоша внимательно следил за перипетиями действия на экране. Но очень скоро ему приелась возня с подготовкой новогоднего бала. А может быть, он с самого начала раскусил тупоумного директора клуба и дальнейшее развитие событий ему было ясно. Так или иначе, но уже минут через десять он беспокойно заерзал, потом стал пересаживаться с одного стула на другой, мешая сидящим сзади зрителям. Ничего другого не оставалось делать, как водворить его обратно в клетку. Так я и сделал, после чего вернулся в зал. Но не прошло и получаса, как из фойе донеслись какие-то истерические вопли. Вслед за тем взволнованный мужской голос вскричал:

- Чей медведь? Где его хозяин?

Я сломя голову выбежал в фойе, где глазам моим представилась следующая картина.

Возле буфета, испуганно прижимаясь к стене, застыли с белыми как мел лицами двое мужчин. А неподалеку от них спокойно прохаживался между столиками... Гоша. Потом он направился к киоску с мороженым... Бросившись к медведю, я схватил его за ошейник и повел восвояси, успев заметить, как неистово вопя, пригнулась в своем киоске мороженщица, с головой накрывшаяся скатертью, сорванной с прилавка. Рассказывали, что и после того, как я увел Гошу, мороженщицу долго не могли уговорить выйти из ее не очень-то надежного убежища.

Оказалось, что Гоша сумел прогрызть в деревянной клетке отверстие, достаточное, чтобы выбраться на свободу, и пошел

прогуливаться по помещению. В тот раз, к счастью, дело закончилось лишь тем, что несколько человек были перепуганы.

...Была туманная, слякотная погода, когда наш грузовик мчался из Черновиц в Луцк. Днем почти непрестанно валил мокрый снег, а к вечеру начало подмораживать. Сидя рядом с шофером, я каждый раз беспокойно посматривал в кузов, где в своей клетке находился Гоша. Несмотря на теплую шубу, он, видимо, чувствовал себя в эту погоду не очень-то уютно.

Неожиданно при очередном повороте машина вдруг пошла юзом, потом ее несколько раз резко встряхнуло, и мы очутились в нескольких метрах от дороги. Хрупкий ледок затрещал под грузовиком, который стал медленно оседать. Вокруг машины блеснула вода...

- Попали в болото,- досадливо пробормотал водитель. Он открыл дверцу кабины и, став на подножку, осмотрелся.

- Плохо дело,- разюмировал шофер,- чувствуете, как садится машина?

Я молча кивнул.

- Что делать-то будем, как выбираться отсюда? Идти по болоту опасно...

Быстро созрело решение. Забравшись в кузов, я выпустил из клетки Гошу. Привязал к ошейнику медведя длинную веревку. Потом размахнулся и метнул на дорогу буханку хлеба.

Гоша тотчас смекнул, что надо делать. Он прыгнул за борт и, покряхтывая, устремился вперед, к хлебу, лежавшему на дороге.

Мы видели, что его лапы довольно глубоко погружаются в холодное, топкое месиво, и все же, хоть с трудом, но он заметно продвигался к цели. Через одну-две минуты, стоя на твердой земле, он с аппетитом впился зубами в хлеб.

- Гоша, ко мне!- крикнул я и начал вместе с водителем тянуть его за веревку.

Не переставая жевать, он повернул голову ко мне и нехотя двинулся в обратный путь. Едва он сошел с дороги, мы перестали его притягивать. Я снова метнул буханку. Так мы повторяли несколько раз. Гоша шел за буханками и тянул по очереди нас (мы ложились плашмя на болото) и свою клетку - для нее мы, срубив несколько березок, сделали нечто вроде мостков. Так мы и очутились на твердой почве.

Из стоявшего неподалеку стога мы набрали в клетку сена, а сверху накрыли ее брезентом. Гоша устроился не без комфорта. Сам же я, закрыв клетку, стал ходить вокруг нее, притопывая, чтобы хоть немного согреться. Шофер отправился искать помощь.

Целую ночь я бродил вокруг клетки, борясь со сном и страшным холодом. Изредка входил в клетку и начинал бороться

с Гошей. Это на несколько минут согревало, хотя и увеличивало усталость. Под утро я услышал приближающийся рокот трактора. Это возвращался шофер, с ним прибыл тракторист из ближнего колхоза. Вместе вытащили машину, и мы отправились в путь. Через несколько часов прибыли в Луцк.

Однако на этом наши злоключения не кончились. Дирекция местного театра решительно отказалась оставить здесь медведя без специального присмотра в ненадежной клетке - во время дорожного происшествия она была основательно повреждена.

Что было делать?

Обратиться к администратору? Тут я должен сказать, что нашему очень дружному коллективу, составленному из замечательных тружеников, не повезло с администратором. Он относился к своим обязанностям спустя рукава, созданию условий для артистов почти не уделял внимания. К тому же человек этот любил праздный, разгульный образ жизни. Вот и теперь в этот критический момент он как сквозь землю провалился, не позабыв, как нам рассказали в гостинице, прихватить с собой несколько бутылок вина...

Выручил и на этот раз неистощимый на выдумки наш сатирик.

- Раз администратор исчез, значит, номер в гостинице ему не нужен,- рассудил коллега Михаил. - Между тем для себя он заботливо снял самый лучший номер - люкс. Вот вы с Гошей там и поживите, покуда администратор не позаботится о ремонте клетки. Верно, друзья?

Артисты единодушно поддержали эту затею.

Мы отправились в гостиницу. В вестибюле наш сатирик серьезно и участливо начал спрашивать Гошу:

- Бедный Гоша! Ты устал? Хочешь спать?

Медведь жалобно мычал в ответ.

- А спать тебе негде?

Гоша сокрушенно потряс головой. Потом начал проделывать все свои трюки.

Мы обратились к дежурному гостиницы, прося ключ от номера нашего администратора и говоря, что медведь - артист, очень много работает, и ему необходим отдых, а на улице морозно, что он очень умный, смирный и аккуратный зверь и вести себя будет хорошо.

Ключ дали нам сразу. Но... не поверили, что это медведь. Решили, что это человек, напяливший на себя медвежью шкуру. Теперь уже нам пришлось убеждать администраторов, что медведь - это медведь.

Среди ночи я был разбужен громким требовательным стуком

в дверь. Взяв Гошу за поводок, я подошел и открыл ее.

На пороге, пьяно покачиваясь, стоял администратор. Он уже хотел было шагнуть в комнату, но внезапно увидел стоящего во весь могучий рост Гошу. Не поверив своим глазам, пьяница мотнул головой, словно избавляясь от галлюцинации.

- К-к-то, к-к-кто это?- пролепетал он.

- Это Гоша,- ответил я.- Ему негде ночевать, вот он и пожаловал к вам...

- Ну и пускай отдыхает, пускай,- испуганно пятясь, пробормотал администратор.

Я захлопнул за ним дверь.

Утром, когда все артисты, в том числе и мы с Гошей, пришли в театр, администратор был уже там. И сообщил, что клетка отремонтирована.

...Товарный поезд мчал нас с Гошей в Калининград Погода была суровая, морозы на Украине достигали тогда 20-25 градусов. Предупрежденный о том, что путь займет не более шести суток, я захватил продовольствия и топлива на этот срок.

Прошло шесть суток. И вот уже в железную печурку брошена последняя лопата угля. В стареньком вагоне стало студено.

Мой четвероногий спутник, не в пример мне, легко сносил неудобства жилья на колесах. И теперь, когда мы с ним остались возле остывшей печурки, он, тихо посапывая, частенько поглядывал на меня, как мне казалось, с искренним сочувствием. Он будто говорил: "Бедняга, жаль, что у тебя нет такой шубы, как у меня. Очень жаль..."

Поезд вдруг остановился. Я вышел из вагона, захватив ведро для угля, в надежде раздобыть немного топлива. Увы, это была не станция. Вокруг расстилалась бесконечная снежная равнина, озаряемая холодным светом. Где-то далеко впереди тревожно маячил красный глазок светофора. Я прошел вперед к паровозу. Возле него я увидел человека, что-то исправляющего у переднего колеса. Это был помощник машиниста. Изложив свою просьбу, я услышал угрюмый ответ:

- Надо было на станции запастись углем.

Тогда, возвратившись в вагон, я взял Гошу за поводок, поставил во весь рост, нацепил ему на правую переднюю лапу ведро и в таком виде подвел к паровозу. Здесь, деловито сопя, Гоша зажал дужку ведра в зубах (он был без намордника) и, взявшись за поручни, стал взбираться в будку.

- Эй, да ты кто такой?- испуганно выкрикнул машинист, увидя на ступеньках этого непрошеного гостя.- Чего тебе надо?

Я придержал Гошу и ответил за него:

- Ничего особенного, ведерко угля, а то у нас холодно в

вагоне, а ваш помощник не хочет этого понять...

Нужно ли добавлять, что уже через минуту мы с Гошей возвращались к себе, держа доверху наполненное углем ведро.

Через два часа мы снова где-то остановились. В дверь вагона кто-то забарабанил.

- Кто там? В чем дело?

- Открывай,- послышалось,- а то замерзнешь.

Возле вагона стоял машинист, держа в руках мешок угля.

Так мы получили за Гошино "выступление" дополнительную оплату. До конца пути у нас было тепло.

Мы переезжали из города в город. Выступали в Кишиневе, Львове, Ровно, Житомире и других местах. Везде зрители с неизменной симпатией принимали косолапого артиста, его веселые трюки. И это было величайшей наградой для меня.

Не обходилось, правда, без скептиков, которые иногда с поражающей настойчивостью допытывались, кто таков артист, переодетый в медвежью шкуру. Однажды в Калининграде два таких скептика пробрались за кулисы, но даже тут, увидя Гошу в клетке, они продолжали понимающе перемигиваться, дескать, знаем мы эти ваши приемчики, нас не проведешь... Приблизившись к клетке, один из них крикнул Гоше:

- А ну, скидай шкуру!

Другой в это время вплотную подошел к клетке. Гоша поднялся, молниеносным движением сорвал с отпрянувшего человека шляпу и, недовольно ворча, изорвал ее в клочья.

Мне рассказывали - сам я не присутствовал при этой сцене,- что, ни слова не проронив больше, оба скептика моментально исчезли, будто их ветром сдуло.

Осенью 1957 года меня вызвали в Москву и включили в группу участников цирковой кавалькады, направлявшейся по маршруту Москва - Донбасс - Кубань. Это большое красочное, подлинно народное зрелище было организовано в честь 40-летия Великого Октября.

Первое представление было дано 10 октября перед выездом из Москвы на автозаводе имени Лихачева. Потом мы с частыми остановками двинулись в путь. Исколесив почти весь Донбасс, отправились через Ростовскую область на Кубань. Это были дни, совпавшие с запуском в нашей стране первого искусственного спутника Земли. Надо ли говорить, как это нас вдохновляло.

После участия в кавалькаде я на длительное время остался в Москве. В ту зиму слава Гоши сразу гигантски шагнула вперед. Он участвовал в новогодних представлениях на елке в Колонном зале Дома Союзов, где ежедневно тысячи детей восторженно аплодировали косолапому артисту.

Новогодние представления в Колонном зале завершились 18 января большим молодежным балом. На этом балу со мной приключился необычайно конфузный случай.

...Мы с Гошей вполне успешно завершали свое выступление. Оставались только мотогонки. И в первую же секунду, по моей неосмотрительности, оба мы упали. Легко вообразить, что произошло с публикой в это время. Люди стали прижиматься к стенам, естественно, опасаясь близости медведя. Многие девушки в суматохе уронили сумки, из которых стали вываливаться пудреницы, платки, конфеты...

Гоша кинулся подбирать сладости, не трогая ничего другого. И тогда большинство девушек осмелели, начали собирать свои вещицы.

...Быстро настигнув партнера, я встал с ним рядом, опасаясь какого-нибудь несчастья. Но медведь был настроен совершенно миролюбиво.

После новогодних представлений мы с Гошей принимали участие в празднике русской зимы, впервые проходившем на Центральном стадионе имени В. И. Ленина. В этом интереснейшем зрелище участвовало около пятисот профессиональных и самодеятельных артистов.

Затем мы оба удостоились большой чести - нас включили в программу Московского цирка.

Потом был первый выезд за границу. Шесть номеров от СССР были включены в большую болгаро-советскую программу, демонстрировавшуюся в передвижном цирке "Аврора". Мы побывали в восьми городах Болгарии, где нас, советских артистов, встречали так искренне, с таким сердечным расположением, как принимают только самых лучших, самых верных и преданных друзей.

Вернувшись из Болгарии, мы на время оставили цирк, чтобы заняться смежным искусством. Гоше, а вместе с ним и мне предстояло впервые в жизни сниматься в кино.

Кинокомедия "Косолапый друг" посвящалась 40-летию советского цирка. Два месяца понадобилось выходцу из сибирской тайги, чтобы подготовиться к новой роли. С честью выдержал он пробные съемки, проходившие в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. Тысячи взрослых и детей с интересом наблюдали, как кинооператоры снимают лохматого спортсмена, чинно восседающего на мотороллере.

Тут, в парке, я слышал "авторитетные" разъяснения, вероятно, очень "осведомленных" людей, что это, конечно, не медведь, а переодетый актер.

- Фальшь, ее сразу видать.

- Достается киноактерам - в медвежьей шкуре при такой жаре.

Я уже не реагировал на подобные реплики, опасался только, чтобы эти люди не вздумали, по примеру злосчастного калининградца, проверять свои догадки...

Благодаря фильму мне посчастливилось работать вместе с прославленными нашими актерами Н. Боголюбовым, Т. Пельтцер, К. Сорокиным, С. Филипповым и другими. Некоторых из них мне даже пришлось дублировать в тех кадрах, где артист непосредственно общается с медведем.

Это была наша первая, но отнюдь не последняя работа в кинематографе. Несколько раз потом мы с Гошей снимались в телевизионных и хроникальных фильмах, а два года спустя он стал звездой французского экрана. Но об этом разговор пойдет дальше.

Летом 1959 года во время премьеры программы "Счастливого плавания" (о ней я еще расскажу) в Москве появился аргентинский импрессарио, пригласивший большую группу артистов советского цирка на гастроли в Южную Америку. В эту группу вошел и я.

Наш цирк в Бразилии

Самое большое за свою артистическую жизнь путешествие Гоша совершил в марте 1960 года - из Москвы в Бразилию. До Копенгагена он летел отдельно от нас - грузовым самолетом. А затем нас перевезла Скандинавская аэросистема (SAS).

Рейс оказался исключительно тяжелым. Когда турбореактивный лайнер "ИЛ-18" оторвался от бетонной полосы Шереметьевского аэродрома, термометр показывал 30 градусов мороза. А через неполные сутки мы уже изнемогали от тропической жары.

Стремительный межконтинентальный перелет с неистовой болтанкой и резкой сменой температур Гоша перенес легко, во всяком случае лучше, чем артисты. В пути он не терял присущего ему оптимизма, а также аппетита, который, к слову сказать, никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяет ему. Когда наш самолет летел над океаном, Гоша ревом напомнил мне, что пора обедать. Подавая ему дорожный рацион, я спросил его, понимает ли он важность предстоящих гастролей. Зверь только потряс головой. "Еще бы",- словно говорил он, аппетитно разгрызая рыбу.

Как самому спокойному и непритязательному пассажиру, командир лайнера шотландец подарил Гоше сумку (SAS), в которой оказалось несколько банок с медом и вареньем. Гоша был очень рад лакомому подарку.

Хочется рассказать об одном примечательном эпизоде, который произошел на пути в Бразилию. Самолет приземлился для заправки на аэродроме африканского континента в английской колонии. В аэропорту к нам подошли два молодых негра из обслуживающего персонала. Юноши заговорили на своем родном языке, которого мы, конечно, не понимали. Желая все же как-то объясниться с ними, мы, тыча себя пальцами в грудь, сказали:

- Москва. Советский Союз. Спутник.

Мы полагали, что парни поймут эти ставшие уже интернациональными слова. По они никак не реагировали. Тогда мой ассистент, показывая рукой на самолет, мешая русские и английские слова, сказал:

- Там русский медведь.

Негры попятились. В их широко раскрытых глазах мы прочитали изумление. Так, стоя на почтительном расстоянии, они оглядывали нас с головы до ног. Не понимая причины столь странного поведения юношей, мы переглянулись. Наблюдавший

эту сцену английский чиновник пояснил:

- Эти ребята неграмотны. Они недавно пришли из деревни. Когда вы произнесли слово медведь...- тут чиновник несколько замялся.- Видите ли, слово "медведь" здесь истолковывается как "русский". Они впервые видят русского человека, ну и немного... удивились, что вы не совсем такие, какими вас тут принято изображать...

Мы пригласили переводчика и с его помощью постарались рассказать неграм кое-что о себе и о нашей стране. Рассказав о цели поездки советских артистов, я упомянул свое родное село в Удмуртии, в котором нет ни одного неграмотного. Среди моих односельчан есть и агрономы, и инженеры, и врачи. А вот я - деревенский парень - стал артистом.

Юноши глядели на нас, не отрываясь, ловя каждое слово. Слушал нас и английский чиновник, заметно нервничавший во время беседы. Когда объявили посадку, мы крепко пожали руки неграм, а те горячо воскликнули:

- Ленин! Москва! Совьет!

- О, наши негры быстро усвоили ваш язык,- с кривой усмешкой заметил чиновник.

Когда самолет, поднявшись в воздух, сделал круг над аэродромом, я глянул в иллюминатор: на белом бетоне взлетной полосы отчетливо вырисовывались смуглые, полуобнаженные фигуры негритянских юношей, высоко поднявших над головами руки.

Как смутно мы, советские люди, порой представляем себе облик колониализма. Вот только что он предстал перед нами во всей своей мерзости: первоклассный аэродром, оснащенный новейшей техникой, современный реактивный самолет и рядом - неграмотные, нищие африканцы, которых колонизаторы заставляют работать на себя.

Забегая несколько вперед, замечу, что и в Южной Америке кое-кто пытается изобразить советских людей этакими дикими северными медведями. Мы были глубоко возмущены, когда, прибыв в Рио-де-Жанейро, увидели на стенах домов огромные рекламные щиты, на которых был нарисован медведь с цепью на шее, а по сторонам - бородатые клоуны в лаптях. Руководитель нашей группы, директор Московского цирка Л. Асанов, решительно потребовал убрать эту оскорбительную "рекламу".

Попытки реакционных элементов очернить советских людей лопнули как мыльный пузырь после первого же нашего выступления, которое состоялось на арене крупнейшего в Южной Америке крытого стадиона "Мараказиньо". Но об этом позднее.

...Самолет, идя на посадку, сделал крутой вираж, и вдали

возникло хаотическое нагромождение бело-голубых небоскребов, словно высеченных из гигантских ледяных глыб, замысловатый лабиринт улиц, террасами спускающихся к пляжам, которые протянулись на десятки километров.

Впрочем, первое мимолетное впечатление сразу же вытеснялось другим. Я имею в виду фото-, кино- и телекорреспондентов, которые взяли нас в "клещи", как только мы ступили на землю. Для того чтобы удовлетворить их любопытство, потребовалась бы многочасовая пресс-конференция, но мы были утомлены воздушным путешествием, кроме того, нужно было как можно быстрее выгрузить из самолета животных. Я только собрался сказать это особенно напористому журналисту, который через переводчика задал мне добрый десяток вопросов, когда на трапе в сопровождении моего ассистента появился Гоша. В левой лапе он держал чемодан с наклейкой - по-русски и португальски на ней было написано: "Москва - Рио-де-Жанейро". На голове у медведя была шапка для предохранения от палящего солнца. При виде медведя темпераментные журналисты пришли в восторг. Покинув нас, они с ловкостью спринтеров, обгоняя друг друга и щелкая на ходу затворами аппаратов, ринулись к трапу. Гоша неторопливо спускался по ступеням, время от времени поднимая в знак приветствия правую лапу.

Наконец мы вырвались из журналистского окружения и отправились в город.

Для наших выступлений был предоставлен стадион "Мараказиньо", вмещающий двадцать тысяч зрителей. На следующий день после прибытия мы приступили к репетициям. Все, кроме меня. Обстоятельства неожиданно для меня сложились таким образом, что один из сложнейших трюков, исполняемых Гошей, оказался под угрозой срыва.

Дело в том, что по совету импрессарио мотоциклы, на которых мы обычно работаем, были оставлены в Москве. Импрессарио заверил нас, что машины можно приобрести в Бразилии. В течение нескольких дней мы обошли с десяток магазинов, но подходящих мотоциклов в них не оказалось. Когда я потерял уже надежду, в отель "Амбосадор", в котором мы поселились, явился респектабельный мужчина, оказавшийся владельцем мотофирмы.

- Сеньор Кудрявцев,- сказал он,- я слышал, что вы ищете мотоцикл. Могу предложить вам на выбор машины различных классов и габаритов.

Несколько дней спустя в одной из бразильских газет было напечатано объявление следующего содержания:

Мотоциклом нашей фирмы свободно управляет даже медведь

Гоша.

Следуйте его примеру! Покупайте наши мотоциклы, лучшие на обоих полушариях.

А под объявлением, которое сопровождалось фотографией Гоши, восседающего на бразильском мотоцикле, была фамилия знакомого уже мне главы мотофирмы.

Владельцы других фирм, прочитав это объявление, в свою очередь предприняли активные шаги. Одни просили у меня разрешения угостить Гошу чем-либо, чтобы заснять его в таком виде. Другие настойчиво приглашали, чтоб Гоша позировал перед фотообъективом рядом с телевизором и холодильником новых марок... А страховая компания оповестила всех, что "чудо-медведь знаменитый Жоржито застрахован на рекордную сумму - 5 ООО ООО крузейро".

Бразилия - страна кофе. Это основной продукт национального экспорта. Но к нему основательно приложили руку США, чьи монополии регулируют производство кофе, диктуют цены, получают баснословные прибыли. Национальный институт кофе стремился освободиться от этой зависимости. Бразильская общественность с большим удовлетворением встретила весть о заключении торгового соглашения на поставку кофе в Советский Союз. Подписание этого соглашения совпало с нашими гастролями в Рио, и фирмы, естественно, не преминули воспользоваться выступлениями советского цирка для рекламы бразильского кофе. "Медведь Жоржито в восторге от нашего кофе..." Эта надпись стояла под снимками, которые опубликовали десятки бразильских газет, показавших Гошу с чашкой кофе в лапах.

Хорошо прокатиться под пальмами Бразилии. Красиво, только жарко

Таким образом, Гоша еще до премьеры, не приложив, собственно, никакого труда, стяжал широкую популярность в Бразилии. Скажу откровенно: эта рекламная шумиха была мне не по душе. Как и все артисты, я стремился, чтобы о нас и наших четвероногих друзьях зрители судили не по трескучим рекламным объявлениям, а по работе на арене.

Советский цирк оказался в центре внимания бразильской общественности, и когда наступил вечер премьеры, стадион "Мараказиньо" был забит до отказа.

Программа наших выступлений была исключительно насыщенной. В ней были представлены самые разнообразные жанры циркового искусства. Свое мастерство демонстрировали знаменитый комик Михаил Румянцев (Карандаш), замечательные клоуны Юрий Никулин и Михаил Шуйдин, силовой жонглер Всеволод Херц, гимнасты на турнике Николаевы, исполнительница пластического этюда молодая артистка Галина Торбеева, воздушные гимнасты Петр и Ирина Щетинины, дрессировщица собачек Виктория Ольховикова.

Стоя за кулисами, я внимательно прислушивался к реакции аудитории. Меня ни на минуту не оставляло чувство острого беспокойства: поймут ли нас зрители? Вдруг раздался пронзительный свист. (Я тогда еще не знал, что за океаном в такой необычной форме аудитория выражает свое одобрение.) Оглушительно затрещали хлопушки, и, наконец, шквал аплодисментов, крики "браво"- возгласы, не требующие перевода и на всех широтах выражающие одно и то же...

И вот объявляется мой номер. Зрители восторженно встретили великана-медведя, имя которого "Жоржито" уже несколько дней не сходило со страниц газет.

Интерес к нашему четвероногому артисту, по-видимому, был вызван не только его уморительными трюками, но и тем, что для бразильцев медведь является диковиной. Животный мир Бразилии исключительно богат и разнообразен. Но медведей там нет.

После премьеры зрители долго не расходились, наиболее любопытные пытались проникнуть за кулисы, чтобы на близком расстоянии поглядеть на чудо-зверя. Среди зрителей, как это нередко бывает, нашлись и скептики, представители той широко распространенной категории людей, которые придерживаются девиза, сформулированного в свое время Козьмой Прутковым: "Не верь глазам своим".

Однажды к нам за кулисы пришел старый священник. Извинившись за вторжение, он напрямик заявил о цели своего прихода. Посетитель усомнился в том, действительно ли Гоша медведь.

- Немыслимо,- заметил он,- чтобы зверь, которого господь лишил разума, был способен выполнять столь сложные трюки.

Я предложил священнику познакомиться с Гошей. Посетитель прикоснулся к нему тростью. Медведь понюхал ее, полизал разок-другой, а потом, уставившись в гостя своими озорными глазами, неожиданно зарычал, продемонстрировав при этом свою клыкастую пасть.

Священник, несмотря на свой преклонный возраст, быстро отскочил в сторону... Потом, придя в себя, он задумчиво промолвил:

- Нет, это действительно не человек и не черт. Теперь я не удивлюсь, если он заговорит...

Местные газеты посвящали нашему цирку статьи, заметки, публиковавшиеся под броскими, сенсационными заголовками:

"Московский цирк - это чудо!" "Большой Московский цирк навсегда завоевал наши сердца! А Гоша - русский медведь - своим блестящим выступлением покорил бразильцев, и уже тысячи зрителей после его выступления остались восхищенными, с открытым ртом!"

"Во всех поездках Московского цирка",- писала одна газета,- Жоржито посещает зоопарки. Там он развлекается, играя со своими сородичами". В вечерней газете сообщалось: "Иван Кудрявцев всегда первым приходит в цирк рано утром. У него заключен моральный договор с Жоржито - водить его гулять. Медведь очень любит упражнения по утрам. В большом парке стадиона "Мараказиньо" московский медведь весело развлекается, бегая и прыгая, как ребенок. В сущности, он ведь еще маленький".

Бразильская печать отнеслась к нашему коллективу с большим вниманием. После премьеры по просьбе представителей печати мы провели пресс-конференцию, в которой участвовало триста корреспондентов газет, радио и телевидения. После того как мы ответили на вопросы журналистов, они поделились своими впечатлениями о советском цирке. В наш адрес было сказано много лестных слов. Весьма характерным было выступление одного бразильского корреспондента, который, как нам рассказали, отнюдь не питал симпатии к Советской стране. Он, между прочим, сказал:

- Для меня безразлично, кто именно сегодня выступал: немцы, французы или русские. Важно другое: это грандиозно! И поэтому я аплодировал до боли в ладонях.

Несколько дней спустя представители общественности Рио обратились к нам с просьбой дать спектакль в фонд помощи неимущим. Мы, конечно, согласились. На представлении присутствовало около двадцати тысяч зрителей, заранее оповещенных газетами, что советские артисты жертвуют весь сбор для оказания помощи беднякам.

Бразильские бедняки

Райская страна. Для кого?

Трудно не поддаться чарам этого города, особенно в ночные часы, когда утопающие в тропической зелени авениды заливает море огней. "Витриной Бразилии" рекламные путеводители называют такие районы Рио, как Копакабана и Ботафогу. Спору нет, "витрина" оформлена эффектно. Вдоль пляжа, протянувшегося на четыре километра, высятся многоэтажные отели, пансионы, виллы, соперничающие между собой ультрамодерной архитектурой. По утрам, когда от океана веет прохладой, пляж заполняют богатые туристы, съезжающиеся из многих стран Старого и Нового Света, а с наступлением вечера на берегу отдыхают те, кто не имеет крова, безработные.

С фешенебельной авениды Копакабаны я свернул в сторону и, пройдя метров 300-500, увидел сколоченные из фанеры и кусков жести лачуги. Официальная статистика сообщала, что в этих трущобах ютится пятьсот тысяч человек из трех миллионов жителей Рио. Разумеется, ни электричества, ни водопровода в этих лачугах нет. Глядя на женщин, согнувшихся под тяжестью бидонов с водой,- ее приходится тащить по крутому стометровому склону,- глядя на полуголых мальчишек, копающихся посреди захламленных улиц, я вспоминал рекламные проспекты, восхваляющие "витрину Бразилии". Нет, на красочных панорамах с видами великолепного города не было ни безработных на пляже, ни женщин с бидонами на голове, ни жалких лачуг...

Филантропические общества Рио время от времени проводят сбор пожертвований, любительские и профессиональные спектакли, лотереи в фонд помощи неимущим. Я задумался над этим словом, с которым я и мои сверстники знакомы лишь по литературе. В дореволюционной России тоже устраивались концерты, базары, лотереи в пользу "недостаточных" студентов, приютских сирот, голодающих крестьян из губерний, пораженных засухой. И вот сейчас мы уже не в книгах, а лицом к лицу встретились с этими страшными уродствами капиталистического бытия. Как бы ни старались художники-декораторы приукрасить фасад Рио, который во всех туристских проспектах афишируется как "райская страна", никакие ухищрения не могут скрыть нищеты рабочих кварталов, изможденных малышей, которых родители вынуждены посылать на фабрики и заводы, толпы крестьян, бежавших в город в поисках работы и хлеба из выжженной солнцем пампы.

Райская страна? Да, но не для всех. Под созвездием Южного

Креста, сияющего в небе Бразилии, тысячи и тысячи тружеников лишены работы, хлеба, крова.

Очень многое кажется необычным советскому человеку, впервые приезжающему в Рио. На улицах можно увидеть много людей, фланирующих босиком. Национальная мода? Нет, объяснил нам переводчик. Обувь, импортируемая зарубежными фирмами, стоит дорого, она недоступна рабочим, мелким служащим, крестьянам. Статистики подсчитали, что 45 процентов населения Бразилии отказалось от обуви как от недоступной роскоши...

В один из выходных дней мы отправились на представление местного цирка. Автобус долго колесил по окраинам и, выбравшись наконец из лабиринта узких улиц, выехал за город. Нас несколько удивила такая отдаленность цирка от центра. Переводчик объяснил, что специального помещения для цирковых выступлений в Рио нет, поэтому пришлось установить шапито за городской чертой. Когда автобус остановился, мы не сразу заметили сбитый из фанерных щитов "барабан"- шапито с прохудившимся брезентовым куполом, высота которого не превышала шести метров. Над фасадом тускло мерцала лампочка.

У входа нас встретил хозяин цирка. Один из наших артистов извинился за невольное опоздание.

- О, пусть сеньоры не беспокоятся,- ответил владелец шапито.- Мы начнем представление, когда соберется публика.

Но публика почему-то не собиралась, в зале было не более ста зрителей. Наконец, заиграла радиола - дела в цирке идут неважно, содержать оркестр невыгодно,- и на арену, диаметр которой не превышает семи метров (при общепринятом стандарте тринадцать метров), вышли первые исполнители. Мы заметили, что на манеже не было даже опилок - рваный брезент, такой же, как и на куполе, положен прямо на песок. Не было и униформистов, их обязанности выполняли сами артисты, одетые в грязные поношенные костюмы. Бесспорно, артисты работали в хорошем темпе, номера чередовались один за другим, в программе были представлены многие жанры. Одного лишь не было в представлении - праздничной атмосферы веселья и красоты, без которых немыслимо цирковое зрелище.

После спектакля бразильские коллеги пригласили нас за кулисы. Впрочем, едва ли можно назвать кулисами тесные вагончики, которые одновременно служат артистам и местом для переодевания перед выходом на манеж, и жильем. Завязался разговор за традиционной чашкой кофе. Хозяева забросали нас вопросами о жизни и условиях работы советских артистов. Вопросов было столько, что едва ли хватило бы короткой

бразильской ночи, чтобы ответить на них. Мы пригласили своих коллег приехать на наше представление и потом продолжить дружескую беседу.

Вскоре они посетили нас. Стадион, как всегда, был заполнен - ни одного свободного места, и директору нашей группы стоило немало трудов, чтобы разместить наших гостей. Представление произвело на них большое впечатление. Они с одинаковым энтузиазмом отзывались и об исполнительском мастерстве советских артистов, и о наших нарядных костюмах, выполненных с большим вкусом.

- Вы, вероятно, очень богаты, если можете позволить себе такую роскошь,- сказал один из бразильских артистов.

Богаты ли мы? Да, конечно. В ту минуту я вспомнил по аналогии один эпизод, который описан в книге о великом советском летчике Валерии Чкалове.

Это было в середине 30-х годов, когда Чкалов совершил рекордный для того времени перелет из Москвы в США через Северный полюс. На аэродроме советского летчика обступили американские журналисты.

- Мистер Чкалов, вы очень богаты?- спросил один репортер.

- Да, да,- ответил летчик.

- Какой же суммой исчисляется ваш капитал?

- Сто восемьдесят миллионов.

Репортер оторопел:

- Долларов или рублей?

- Ни то, ни другое, 180 миллионов, весь советский народ работает на меня, как и я на него. Вот мое богатство,- ответил летчик.

Это чувство переживали и мы, рассказывая бразильским друзьям о своей работе и жизни. Слушатели были поражены, когда узнали, что в СССР есть специальное училище циркового и эстрадного искусства, в котором будущие артисты не только обучаются бесплатно, но и получают стипендию, а после учебы их безвозмездно снабжают реквизитом, костюмами, аппаратурой для работы, что в Советском Союзе строятся оснащенные современной техникой фундаментальные здания цирков, что государство предоставляет артистам, как и всем трудящимся, бесплатно квартиры, предоставляет оплачиваемый отпуск и путевки в санатории.

Словно сказку из "Тысячи и одной ночи" слушали бразильцы этот рассказ.

- Нам и во сне такое не снилось,- с грустной улыбкой заметил один из слушателей.

Общаясь изо дня в день с бразильцами, мы убедились в их

большой симпатии к нашему народу, к его достижениям в экономике, культуре, науке и искусстве.

Незадолго до отъезда из Рио импрессарио пригласил нас посетить знаменитый пляж Копакабана. Мы приняли приглашение, соблазнившись отдыхом на берегу океана. Захватили с собой и Гошу.

Любезность импрессарио оказалась, однако, не совсем бескорыстной, как мы это потом поняли. Стояла изнурительная жара, и "весь Рио" был на пляже. Появление медведя, ставшего любимцем публики, произвело шумную сенсацию. Гоша с удовольствием забрался в воду, долго кувыркался в пенистых волнах, а потом, выбравшись на берег, играя, совершил каскад трюков, которые привели в восторг окружающих его зрителей. Фоторепортеры, которые, надо полагать, не случайно оказались тут, засняли купающегося Гошу. Его импровизированное выступление передавалось по телевидению.

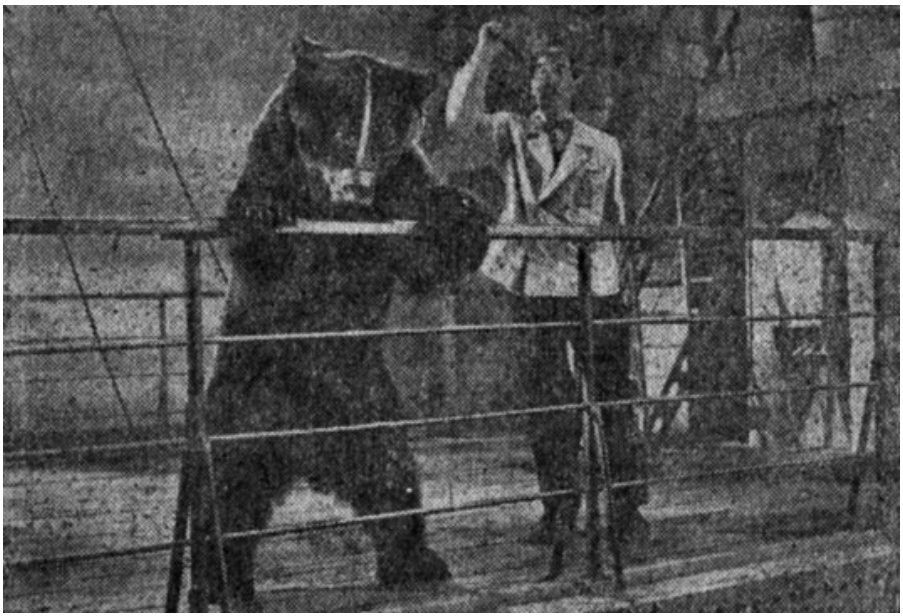
Гоша становится кинозвездой

Расклеив афиши, Гоша с интересом изучает их. Кадр из фильма 'Косолапый друг'

Гастроли в Южной Америке подходили к концу. А через несколько дней мы с Гошей должны были во Франции начать сниматься в кинокомедии "Медведь". Он - в качестве исполнителя главной роли, я - в качестве дублера одного из артистов.

Жарким июньским днем мы начали грузиться в два самолета - пассажирский и грузовой. У всей нашей группы было хорошее, радостное настроение по вполне понятным причинам: мы дружно и хорошо поработали в Южной Америке, дав за срок немногим более трех месяцев сто восемь выступлений, на которых побывало около миллиона зрителей. Мы успешно пропагандировали наше советское искусство, нашу советскую жизнь. А сердце радовала скорая встреча с Родиной. Вдали от Родины, с невообразимой, невероятной остротой начинаешь чувствовать, как тебя тянет родная земля. Недели через две "музейное" настроение, как бы ни

была экзотична страна, проходит бесследно, и хочется скорей домой - одно чувство заполняет сердце.



И артист С. Филиппов, и артист Гоша - оба любят посмешить зрителей. Кадр из фильма 'Косолапый друг'

А сопоставляя тамошние порядки с нашими, каждый артист еще сильнее проникся глубочайшей любовью к своей социалистической стране, великой и доброй, могучей и ласковой, заботливой и справедливой; хотелось вслед за Маяковским воскликнуть:

...Завидуйте!
Я - гражданин
Советского Союза!

Итак, мои товарищи направлялись прямиком домой, и я им страшно завидовал: мое возвращение откладывалось из-за предстоящих съемок во Франции. Между тем, пожалуй, ни у кого из нашей группы не было причины более веской, чем у меня, так рваться домой - я ведь еще не видел своей дочурки, родившейся в Москве в дни моего пребывания на чужбине... Но делать нечего, надо было набраться терпения и ждать. Моя профессия научила меня многому, в том числе и терпеливому ожиданию.

...Самолет был быстро загружен. В последний раз собрались мы в уютном помещении советского консульства в Монтевидео, куда мы приходили ежедневно в течение трехнедельных гастролей в Уругвае, чтобы почитать советские газеты и журналы, посмотреть советский кинофильм или сразиться с

соотечественниками в шахматы.

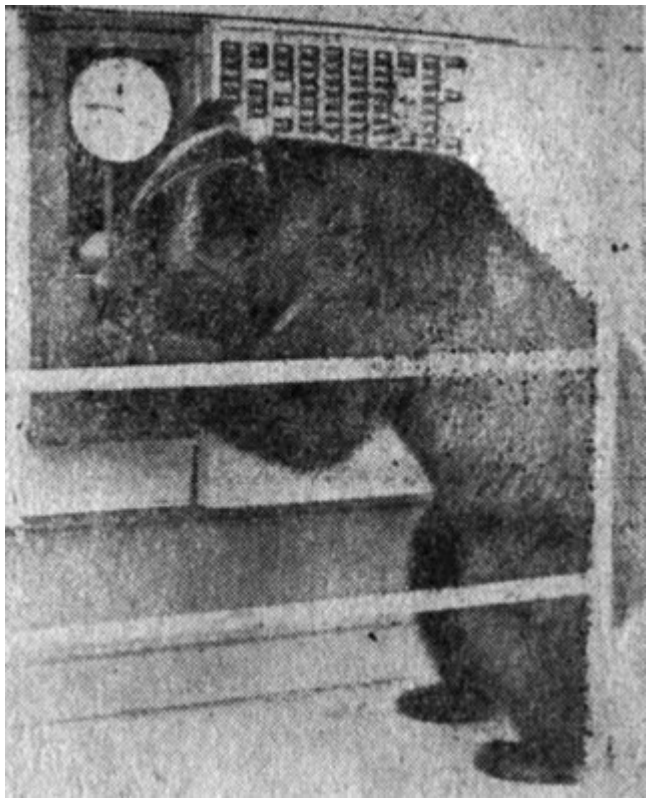
А рано утром мы уже были в воздухе. Предстоял долгий путь: Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро и далее через Африку во Францию.

Снова в путь!

На третий день полета, воскресным днем, мы достигли наконец Парижа. Здесь нас ждали. Сотрудники кинокомпании, среди которых я узнал уже знакомых мне режиссера и оператора будущего фильма "Медведь", встретили нас очень радушно.

Прежде всего нас пригласили посмотреть... уже заснятый

фильм "Медведь". Я, конечно, охотно принял это предложение, хотя, признаться, недоумевал: что же остается делать Гоше, если фильм готов? Но едва началась демонстрация картины, едва на экране возникли первые кадры с медведем, как все стало ясно: заглавную роль играл... актер, вырядившийся в медвежью шкуру. Обстоятельство это обнаружилось тотчас же, причем даже вовсе неискушенными людьми.



Гоша у табельных часов. Кадр из фильма 'Медведь'

Режиссер Эдмон Сешан попросил переводчицу сказать мне следующее:

- Мы уже отчаялись заполучить Гошу, и другого выхода, кроме как снимать эту мертвую шкуру, у нас не было, несмотря на то, что в течение полутора месяцев у нас "держали экзамен" многие медведи, которых привозили из Италии, Англии. Ни один из них не подошел на эту роль.

- Мы очень просим вас, мсье Кудрявцев,- продолжал режиссер,- помочь нам заменить Гошей кое-какие моменты в отснятой картине. Как, по-вашему, сумеет он сделать что-либо подобное тому, что было показано сейчас на экране?

Каковы же были его удивление и радость, когда я заверил, что Гоша все это, решительно все успешно выполнит.

- Более того,- добавил я,- думаю, что рамки комедии можно и нужно расширить, тогда она будет значительно привлекательнее для зрителя. Что же касается Гоши, то вы скоро убедитесь в необычайной широте диапазона его актерского таланта. Он ведь уже не новичок в кино,- заключил я, имея в виду участие моего питомца в советской комедии "Косолапый друг" и в нескольких телевизионных и документальных фильмах.

И такси не надо. Кадр из фильма 'Косолапый друг'

В ответ режиссер обрадованно стиснул обе мои руки.

Идея создать фильм "Медведь" принадлежит режиссеру Эдмону Сешану и видному французскому журналисту и кинодраматургу Роже Можу. Она возникла после того, как они оба побывали на одном из представлений в Московском цирке.

Репетиция перед съемками фильма 'Медведь'

Шла тогда - это происходило летом 1959 года - водяная феерия "Счастливого плавания", поставленная главным режиссером Московского цирка М. С. Местечкиным. Готовилась она очень тщательно. В частности, специально с этой целью я в мае - за два месяца до премьеры - отправился в Липецк. Там мне предстояло подготовить для водяной пантомимы два трюка, подсказанные Борисом Афанасьевичем Эдером. Первый трюк состоял в том, чтобы Гоша, выступая как гребец, перевозил в лодке трех медвежат. Водяной велосипед был вторым трюком.

В Липецке ежедневно большие толпы людей собирались на берегах реки, чтобы посмотреть необычайное зрелище: два

человека (я и ассистент) вместе с медведем на плоту упражняются в гребле. Потом зверь, как заправский спортсмен, усаживается на велосипед, закрепленный на плоту, и быстро лапами вращает педали. Иногда из-за чрезмерного старания четвероногого спортсмена плот переворачивался - и тогда все трое, под общий хохот зрителей, толпящихся на берегу, оказывались в воде. В этих случаях мы с ассистентом, быстро схватив поводок, занимали позицию по обе стороны медведя и вплавь устремлялись к берегу.

А потом все повторялось снова и снова. Терпеливо и настойчиво мы продолжали изо дня в день репетировать.

Плот на воде

На нашем плоту было установлено колесо, к нему привязывали весла. Первое время Гоша не мог понять, что от него требуется, и никак не хотел класть передние лапы на весла. Пришлось резиной привязывать весла к лапам. Но вскоре он довольно хорошо освоил гребные движения, а на первом же представлении в Московском цирке, состоявшемся 1 июля 1959 года, он так энергично орудовал веслами, что брызги летели чуть ли не до последнего ряда.

То же самое происходило, когда он усаживался на водяной велосипед. Поднимая фонтаны воды, Гоша усердно крутил педали. В зале это вызывало веселое оживление, было много смеха. Но мне пришлось выслушать немало замечаний по поводу Гошиной резвости на воде.

В программе "Счастливого плавания"-ярком, необыкновенном зрелище - центральное место принадлежало замечательному нашему клоуну Олегу Попову.

Из представителей животного мира, участвовавших в водяной

феерии, бесспорное первенство досталось Гоше, имевшему большой успех у зрителей. Я был безмерно счастлив прочитать тогда в августовском номере журнала "Советский цирк" высокую профессиональную оценку моего скромного труда.

Программа привлекла внимание самых широких кругов зрителей как советских, так и иностранных. Однажды на представлении побывали французские кинематографисты - Эдмон Сешан и Роже Можу. Оба они - крупные мастера фильмов о животных - знакомы советским зрителям по поэтичному короткометражному фильму "История золотой рыбки", а также по картине о летчиках "Небо над головой".

После спектакля Эдмон Сешан зашел к нам за кулисы. Он был восхищен Гошей, называл его настоящим артистом, сказал, что эти как бы осмысленные действия моего питомца наталкивают на мысль создать фильм о говорящем медведе.

Гоша учится писать. Репетиция сценки из фильма 'Медведь'

В тот июльский день и была задумана кинокомедия "Медведь".

Спустя несколько месяцев после памятного вечера нашего знакомства Эдмон Сешан вместе с оператором снова прибыл в Москву, имея уже в руках готовый сценарий. В лесах Подмосковья на фоне зимней природы было снято несколько сцен. Тогда же между Союзгосцирком и французской кинофирмой был подписан контракт, предусматривающий наше с Гошей участие в картине "Медведь",

Сюжет этой комедии представляется мне довольно любопытным.

...В парижском зоопарке был громадный и свирепый медведь. Однажды, разозлившись, он набросился на служителя и разорвал его. Зверя застрелили, а из его шкуры сделали огромное чучело, которое установили у входа в зоопарк. Вместо прежнего медведя в зоопарк привезли нового - звезду цирка (в картине показано, как Гоша работает на арене, выполняя различные трюки). Для этого медведя нужен служитель. Им становится незаметный, тихий и неловкий человек, долгое время мытарствовавший в бесплодных поисках хоть какой-нибудь работы. Теперь, когда наконец ему удалось устроиться, в душе его поселился ужасающий страх перед зверем, которого приходится обслуживать. Страх этот охватывает все существо нового служителя Медара, узнавшего об участи, постигшей его предшественника. Эту историю Медару рассказывают другие служащие, когда он приходит наниматься в зоопарк и у входа натыкается на чучело громадного медведя.

Известный итальянский комик Ренато Рассель превосходно играет роль этого человека, который только из боязни вновь остаться без работы соглашается быть смотрителем медведя. Но страх ни на секунду не покидает его, еще больше увеличивая его природную робость и неуклюжесть. На этой почве происходит много смешных эпизодов, до тех пор пока... Пока однажды медведь, заметив испуг Медара, спокойно и мягко не сказал ему человеческим голосом:

- Полноте, перестаньте бояться, я ведь вас не съем!

Совершенно огорошенный Медар бежит к своему начальству - старшему смотрителю (его играет известный актер Франсис Бланш; этого актера советские зрители знают по фильму "Бабетта идет на войну"). Сочтя, что подчиненный пьян, старший смотритель строго выговаривает ему. Делать нечего, приходится смириться с этими тяжкими обстоятельствами, чтобы только не потерять с таким трудом найденную наконец работу. Преодолевая душевный трепет, гложущий сердце страх, новичок продолжает ухаживать за зверем, чистит клетку и т. д. И вот постепенно исчезает его гнетущая боязнь. Мало того, между смотрителем и необыкновенным медведем завязывается все более крепнущая дружба.

С этого момента и я активно включился в киносъемки. В тех эпизодах, где Медар близко соприкасается с медведем, разумеется, надо было дублировать актера. Это и выпало на мою долю, тем более, что по комплекции, да и вообще по фигуре мы с Ренато Расселем походим друг на друга.

...Итак, человек и зверь крепко подружились, условившись хранить в тайне от всех чудесный дар медведя - умение говорить. Смотритель, находясь на службе, почти все время проводит в клетке у приятеля. Медведь забавляет его всевозможными анекдотами из жизни своих лесных приятелей. В свою очередь человек обучает зверя французской грамматике, всячески развлекает его.

Однажды во время игры в белот (есть у французов такая карточная игра) между приятелями произошел раздор - медведь заметил попытку партнера передернуть карту. Они стали громко спорить. Шум этот достигает ушей старшего смотрителя, тупого и жестокого солдафона. Приблизившись к клетке, он с изумлением слышит, что медведь и человек разговаривают. Опрометью кинувшись в дирекцию, где в это время собрались ученые, старший смотритель сбивчиво докладывает о том, что он сию минуту наблюдал. Пораженные директор и ученые немедленно направляются к месту происшествия. Но, заслышав их приближение, медведь швыряет карты. Смотритель их быстро подбирает, прячет и как ни в чем не бывало принимается чистить клетку... Директор делает строгое внушение старшему смотрителю, которого заподозрил в неумеренном употреблении спиртного.

Должен заметить, что создателям этой картины удалось ввести в комедию некоторые критические мотивы социального характера. В образе старшего смотрителя, жестокого и бездушного человека, упивающегося своей властью над нижестоящими служащими, заставляющего их бездумно заучивать идиотскую "теорию веника образца 1911 года", выполнять другие абсолютно бессмысленные, никчемные дела,- в этом образе дана прозрачная пародия на пораженный бюрократической ржавчиной административный аппарат тогдашней Франции.

В то же время новичок-смотритель, человек добрый, простой, сердечный, и его подопечный, медведь, как бы олицетворяют положительное начало. Оба они, разумеется, привлекают симпатии зрителей.

Работа над картиной "Медведь" была необычайно увлекательной, она раскрыла некоторые новые стороны Гошиного "таланта", вновь показала необычайную сообразительность этого удивительного животного. Есть в фильме такой эпизод. Гоша, будучи еще молодым, во время работы в парке провинился в чем-то. Его наказали, заперев в чулане. И вот здесь, среди всевозможного хлама, в котором, коротая время, копается Гоша, он обнаруживает старенький школьный портфель. Зверя

разбирает любопытство: что же там внутри? Удерживая портфель лапами, медведь зубами разрывает его и находит учебник грамматики французского языка. Скуки ради он начинает листать книжку. О, да это что-то интересное... Посмотрим! Зверь увлечен, он быстро листает книгу, осваивает заключенные в ней правила. Таким образом он и научился говорить.

В этом эпизоде самое забавное, с моей точки зрения,- сценка первого знакомства с учебником, когда, снедаемый любопытством, медведь лихорадочно листает его страницы.

Как же снималась эта сцена?

Внутри учебника я некоторые страницы густо намазал медом. Затем, уложив книгу в портфель, спрятал его под обломки кирпичей, старую сбрую и прочую рухлядь, заполнявшую чулан.

Дальше все шло как по маслу. Учуяв запах своего самого любимого блюда, Гоша принимался за поиски, лапами разгребал хлам, все время тычась в него мордой. Найдя, наконец, портфель, он нетерпеливо разрывал его зубами, вытаскивая книгу, и языком принимался листать ее, добираясь до заветных сладких страниц.

Так выполнялась часть мимической задачи. Но была еще необходимость заставить медведя жестикулировать таким образом, чтобы зритель поверил, будто он вслух учит грамматику. Для этого я дал Гоше несколько ломтей сырого хлеба. Куски его прилипали к деснам. Движением языка и подергиванием щеки Гоша силился снять его, строя совершенно уморительные рожи. В этих местах накладывалась, как говорят кинематографисты, звуковая запись. Это был смешной текст - разучивание грамматических правил. Особый комизм сценке придавало следующее: когда хлеб сильно прилипал к деснам, Гоша старался извлечь его когтями. Эти жесты зритель толковал, конечно, иначе, считал, что зверь заучивает труднопроизносимые слова, лапами старательно поворачивая во рту язык. Такой иллюзии способствовал и специальный текст, звучавший при этих движениях животного.

В картине много других смешных перипетий. Таков, например, "роман" Гоши с обитательницей того же зоопарка - белой медведицей. "Образованный" бурый медведь шлет ей любовное письмо, но белая красавица, увы, неграмотна. И полученное послание она равнодушно разрывает на клочки. Очень забавно, когда, тоскуя по возлюбленной, Гоша влезает на дерево и долго сидит неподвижно, с грустью глядя в ту сторону, где обитает предмет его страсти. Вообще вся история взаимоотношений возлюбленных очень комична. И особое значение имело тут необычайное актерское "дарование" Гоши, от которого французские кинематографисты были в восторге.

Советский журналист О. Широков, будучи во Франции, видел эту кинокомедию, беседовал с ее создателями. О том, что они говорили, он писал в журнале "Советский цирк":

"Гоша - замечательный актер,- рассказывал мне после просмотра "Медведя" автор сценария Гоже Можу.- Мы долго подыскивали исполнителя на эту роль. Экзамен держали несколько медведей, но ни один из них не подошел. Тогда мы решили обратиться к советским организациям с просьбой предоставить нам Гошу для участия в фильме. И вот Гоша на экране. Он необычайно талантлив Он не только послушно исполняет заданные ему сцены, но нередко импровизирует прямо перед кинокамерой. Его импровизации всегда смешны и удачны. После того как начали снимать Гошу, мы вместе с режиссером Эдмоном Сешаном внесли в сценарий немало изменений, которые "подсказал" нам Гоша".

"С таким партнером легко работать,- делится своими впечатлениями актер Франсис Бланш,- Гоша - настоящая "звезда" экрана, с тем лишь отличием, что у него нет капризов, присущих обычно избалованным славой и рекламой кинозвездам, и он вникает в роль",- шутит актер.

Сразу после окончания съемок мы с Гошей отправились домой. И тут бы мне хотелось привести еще одну выдержку из печати - заметку "Самый тяжелый пассажир":

"Самым тяжелым пассажиром, которого пришлось перевозить между Францией и СССР авиационной компании "Эр Франс", оказался, по сообщению газеты "Юманите", артист цирка и кино весом 300 килограммов и ростом 1 метр 90 сантиметров. Это медведь Гоша. После участия в съемках фильма "Медведь", где он был партнером Франсиса Бланша и итальянского комика Расселя, Гоша возвратился самолетом домой".

Так завершился еще одни этап в артистической биографии моего спутника по арене.

Неожиданный рейс

Весной 1961 года мы гастролировали в Минске. В столице Советской Белоруссии мне и раньше приходилось бывать, но сейчас, в самую прекрасную пору года, одетый в зеленый наряд мая город был особенно хорош. Из окна гостиницы "Беларусь", в которой я поселился, открывалась перспектива уходящих вдаль широких улиц и площадей с массивами зданий современной архитектуры. Минск буквально утопал в зелени - аллеи кленов, декоративные кустарники, газоны цветов великолепно дополняли городской пейзаж.

Вспомнилось, что, путешествуя по белу свету, я не раз встречал за рубежом мощные МАЗы, дизельные тракторы и другие машины с маркой предприятий Минска. И каждая такая встреча радовала как привет любимой Родины.

...После Минска предстояли гастроли в Сочи. И вот уже упакованы ящики с реквизитом, отправлены афиши,- все готово к отъезду. Ежевечерние представления порядком утомили меня и, естественно, я заранее предвкушал удовольствие отдохнуть на берегу Черного моря. Но...

Как часто нежданно-негаданно вторгаются эти коварные "но" в жизнь артиста.

Накануне отъезда в Сочи я получил из Москвы телеграмму: "Немедленно вышлите медицинские справки для поездки в Японию".

Итак, вместо Черного моря надо было отправиться к берегам Тихого океана. Лишь во Владивостоке я узнал причину срочного вызова.

В цирковую программу для Японии наряду с другими номерами была включена группа наездников под руководством М. Туганова и номер Н. Ольховикова - жонглера на лошади. И вот перед самым отъездом в Японию, когда артисты прибыли во Владивосток, стало известно, что японское правительство не разрешило привозить копытных животных. Запрещение мотивировалось опасением, как бы лошади не завезли в Японию... сибирскую язву. Наши представители убеждали японцев, что сибирская язва, как и многие другие инфекционные заболевания животных, в Советском Союзе давно искоренена, что цирковые лошади находятся под постоянным тщательным ветеринарным наблюдением и никакой опасности не представляют. Японцы стояли, однако, на своем.

Пока длились эти переговоры, которые, кстати, завершились успешно,- японцы все же разрешили привезти наших лошадей,-

Союзгосцирк, чтобы не сорвать гастроли, и направил мне телеграмму в Минск.

Из Владивостока мы отбыли теплоходом "Александр Можайский". Родные берега остались за кормой.

На следующий день ветер стал крепчать. Теплоход заметно покачивало. Потом его стало встряхивать. Бушующий вал в один миг с особой силой ударил в задраенный иллюминатор, пол каюты неожиданно оказался там, где только что был потолок. Пока я делал робкую попытку переместить свой корпус из горизонтального в вертикальное положение, дверь стремительно распахнулась, и в каюту вбежал сотрудник, ухаживающий за нашими животными. Глаза его были расширены до ужаса, задыхаясь, он крикнул:

- Медведь... съел...

И, не договорив, опрометью кинулся вон.

Его панические возгласы подняли всех на ноги. Забыв о качке, цепляясь руками за стенки, я выскочил на палубу. И был окачен с ног до головы косматой бешеной волной, хлестнувшей через борт. Задыхаясь, я побежал в трюм. Воображение рисовало жуткую картину. Еще один трап, другой-и я на месте происшествия...

Что же заставило сотрудника поднять тревогу? Клетки с животными моряки поставили на растяжках на некотором расстоянии друг от друга, но разбушевавшийся океан сблизил их, и тогда рядом с Гошей оказалась клетка с голубями народного артиста РСФСР Эмиля Кио. При виде голубей у Гоши разгорелся аппетит. С пеной у рта он заметался, норовя достать их лапой. Одного голубя ему удалось сцапать. В то время, когда Гоша, облизываясь, пытался продолжить охоту, появился наш сотрудник. Испугавшись, как бы Гоша не проглотил всех пернатых артистов, служащий и кинулся в каюту с паническим воплем: "Медведь съел!"...

Японские встречи

Японские друзья

Каждый раз, отправляясь в дальний путь, перед встречей с незнакомой страной я стараюсь еще дома узнать ее. Хотя, разумеется, никакая справочная литература, географический очерк, документальный фильм не откроют вам своеобразие, национальный колорит страны, душу народа с такой полнотой, как непосредственные наблюдения, личное общение с людьми.

В порту Иокогама нас встретила огромная толпа. И первое, что мы услышали, была "Катюша", которую пели мужчины, женщины, дети. Поющие держали в руках транспаранты, на которых по-русски были начертаны слова: "Добро пожаловать, дорогие друзья!"

"Катюшу" сменили японские песни. Они звучали непрерывно до тех пор, пока продолжались таможенные формальности, а когда мы сошли на берег, то оказались в горячих объятиях. То и дело раздавались возгласы: "Русские - хорошо!", "Мир!" "Дружба!" В порту нас ожидали автобусы, украшенные по японскому обычаю разноцветными бумажными лентами. На крыши автобусов забралась группа японцев, размахивавших красными флагами. Мы заметили, что некоторые из них были одеты в медвежьи шкуры. Неужели в честь Гоши? Так и есть. В толпе отчетливо слышались скандирующие голоса: "Го-ша! Го-ша!.."

Гоша тем временем вместе с другими нашими животными был перегружен на японскую шхуну, а спустя два часа доставлен на карантинный пункт.

Боюсь, что первая встреча на японской земле оставила у Гоши и его четвероногих "коллег" менее приятные воспоминания, чем у нас, артистов. Дело в том, что местные власти в целях профилактики установили для животных трехсуточный карантин, поместив их в тесный сарай. Сквозь дырявую крышу проникали палящие лучи солнца, от которых некуда было деться. И без того спертый воздух в сарае был отравлен ядовитыми испарениями от химикатов, которыми дезинфицировали помещение. Но если медведь все же стойко переносил душную атмосферу карантина, то другие, менее "выдержанные" животные, по-своему протестовали против подобного отношения.

Тут-то и приключилась история, которая неожиданно получила широкую гласность. Героем этой истории стал Чижик - всеобщая любимица, пушистая собачка, с которой работал артист Середа. Спасаясь от палящего солнца, Чижик, изловчившись, выбрался из клетки и, как сообщили потом японские газеты, "скрылся в неизвестном направлении".

Японские журналисты, учтя большой интерес своих соотечественников к советскому цирку, использовали бегство Чижика для очередной сенсации. Сообщения о пропаже собачки попали на первые полосы многих газет. Одни газеты, доброжелательно настроенные к нам,- таких, надо сказать, оказалось большинство - напечатали о происшествии небольшие заметки, в которых содержалась просьба в случае поимки Чижика передать его владельцу. Другие же, реакционно настроенные корреспонденты, следуя, видимо, примеру своих заокеанских коллег, решили сделать на нашем Чижике политический "бизнес". С самым серьезным видом они писали о том, что бегство Чижика из советского цирка имеет, видите ли, "символический смысл". Досужие репортеры пустились в пространные рассуждения о том что четвероногому артисту "надоел социализм", и, оказавшись в "свободном мире", он "выбрал свободу".

Эти нелепые измышления, естественно, вызывали у нас улыбку. Но вместе с тем они не могли не заставить и задуматься. Плохи, видно, дела у буржуазной прессы, если даже исчезновение нашей собачки служит ей предлогом для антисоветских упражнений.

Несколько дней спустя Чижик, заметно отощавший, сам прибежал к нам в отель. Весело помахивая пушистым хвостом, он громко тявкал, ошалело тычась артистам в колени; словом, всем поведением красноречиво выражал свою неуемную радость по поводу благополучного возвращения.

Впоследствии во время гастрольных выступлений на цирковой арене своей сообразительностью он неизменно вызывал

горячие аплодисменты зрителей, среди которых наверняка были и незадачливые репортеры, столь ретиво пытавшиеся сделать нашего четвероногого артиста объектом своих неумных измышлений.

Наш переезд из Иокогамы в Токио был организован японским импрессарио с полным соблюдением церемониала парадного циркового шествия.

Стоял нестерпимый зной, от которого ни нас, артистов, ни животных не спасали бамбуковые зонты. Всеобщее внимание, как всегда, привлекал Гоша, который следовал в открытом "персональном" грузовике. Поднявшись во весь свой исполинский рост, он то и дело махал правой лапой, галантно приветствуя толпу. Но неистовое японское солнце с каждым часом палило все жарче, и медведь не стерпел: схватившись лапами за голову, он, рванув поводок, залез в клетку, по-видимому, надеясь обрести в ней желанную прохладу.

...Вот и Токио. Оповещенные афишами и газетами о предстоящих гастролях советского цирка, жители японской столицы горячо приветствовали артистов, проделывавших в открытых движущихся машинах акробатические и гимнастические упражнения.

Сейчас, мысленно перебирая впечатления от первой встречи с Токио, я вспоминаю прежде всего пестрые рекламные вывески. Иероглифы чередуются с латинскими буквами. Это - реклама американских фирм, наглядное свидетельство интенсивного проникновения заокеанских бизнесменов в экономику Японии.

Улицы в Токио не имеют названий. Впрочем, для одной сделано исключение. Главной магистрали города присвоено название Гинза, что в переводе означает "Серебряная".

Гинза запружена американскими машинами, в витринах - американские товары, вокруг слышится английская речь. А что же здесь японское? И вдруг увидел: усталой, шаркающей походкой, стуча деревянными гэта, шагает "человек-сандвич" - живая реклама: на его спине и груди прикреплены два щита с надписью: "Посетите наш универмаг..."

Свернув с Гинзы, я оказался в лабиринте улиц. После бешеной неоновой свистопляски, после грохота электрички, мчащейся по эстакаде, я с изумлением увидел пейзаж, который словно сошел с шелкового панно, вытканного руками искусного художника: уютный домик с раздвижными картонными стенами и садик с низкорослыми деревьями сакуры - дикой японской вишни.

Домики с картонными стенами - нет, это не экзотика, которой так умиляются богатые туристы. Американские бомбы

сожгли во время войны десятки тысяч домов, миллионы токийцев остались без крова. Квартиры в новых каменных домах не по карману ни рабочим, ни ремесленникам, ни мелким служащим. Вот они и вынуждены селиться в наспех построенных маленьких домах, где круглый год, особенно в пору зимних дождей, не исчезает сырость.

Народ Японии, изведавший ужасы войны, переживший трагедию Хиросимы и Нагасаки, высоко ценит миролюбивую политику Советского Союза. Мы были свидетелями многочисленных проявлений сердечных чувств трудящихся к нашей Родине.

Еще в юности я много слышал о японском искусстве - изобразительном, театральном, хоровом,- сложившемся на основе богатых национальных традиций. Я читал об японском классическом театре "Кабуки". В этом театре - он дважды с успехом гастролировал в Советском Союзе - все роли, в том числе и женские, исполняют только мужчины. Репертуар театра состоит из пьес на мифологические темы и на сюжеты из жизни средневековых самураев. Любопытно, что представления - они идут под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов - длятся подчас с утра до вечера.

Есть в Токио и национальный женский театр, в составе которого двести пятьдесят актрис. В отличие от "Кабуки" здесь и мужские роли исполняют женщины. Мы с интересом смотрели спектакль этого своеобразного, единственного в мире женского театра.

Большие перемены, которые произошли в послевоенной Японии, пробудили интерес людей к жгучим проблемам современности. Зрителей уже не удовлетворяют драмы о самураях, они стремятся увидеть пьесы, посвященные актуальным темам. Такие пьесы идут на сцене одного из ведущих театров Японии "Дзенсиндза" ("Вперед"). В его репертуаре, наряду с лучшими произведениями национальной и мировой драматургии, пьесы русских классиков и советских драматургов. Большой успех этих спектаклей у зрителей свидетельствует о растущем интересе японской общественности к Советскому Союзу, к его искусству, проникнутому идеями гуманизма, мира и дружбы между народами.

Особенно популярны советская музыка, песни. Об этом красноречиво свидетельствует репертуар участников знаменитого движения "Поющие голоса", возглавляемого известной певицей Акико Сэки, которая за свою деятельность на благо мира была удостоена международной Ленинской премии мира. Нам говорили, что хоры "Поющих голосов" созданы более чем в ста

двадцати пунктах Японии, при центральном хоре организована музыкальная школа, в которой учатся пению наиболее одаренные мужчины и женщины.

Песня - "ута" - для трудового люда не только источник эстетического наслаждения, это - острое оружие в борьбе за мир, против тех, кто торгует свободой и независимостью своего отечества.

Нам рассказывали любопытные детали движения "Поющие голоса". Последний ежегодный фестиваль их превратился в яркую политическую демонстрацию, хоры вышли на эстраду со знаменами и транспарантами, на которых были написаны слова, выражающие волю всего японского народа: "Против подготовки к войне, за мир!", "Против японо-американского военного договора!"

В репертуаре "Поющих голосов" много советских песен: "Россия", "Рябинушка", "Подмосковные вечера" и, конечно же, наша родная "Катюша", которой нас встретили в Иокогаме. В Японии, кстати, имеются ансамбли "Катюша" и "Березка", созданные бывшими военнопленными, которые после разгрома Квантунской армии находились в плену на Дальнем Востоке. Советские песни, исполняемые этими ансамблями, пользуются огромным успехом.

Мне довелось присутствовать на концерте одного из хоров в Токио. Репертуар его был обширен: национальные песни, хоровые произведения народов мира, в том числе и наша советская песня, которая, по словам Акико Сэки, "сама идет от человека к человеку, помогая понять душу советского народа". В заключение концерта хор исполнил песню на слова .современного японского поэта Масиока Тосикаду. У этой песни красноречивое название "В борьбе за мир я сложил эту песню, сестра":

Воля к миру от сердец летит к сердцам.

Так от ветки к ветке зеленеют ивы...
Нету счета молодым листкам!
Мы не дрогнем, мы молчать не будем!
Смерти мы не отдадим детей!
Целый мир встает, гремит на радость людям.
Песня мира бомбы атомной сильней!

У нас было много встреч с японскими артистами, с общественными деятелями, рабочими. Не ошибусь, если скажу, что эти встречи представляли для японцев не меньший интерес, чем для нас, советских артистов. Мы старались ближе узнать друг друга, установить сердечный контакт, который содействует дружбе.

Мне особенно запомнилась встреча в городе Саппоро на заводе консервных банок, на котором работают преимущественно женщины.

Как живут японские работницы? За равный с мужчинами труд они получают значительно меньшую плату. Большинство женщин, особенно незамужние, обязаны проживать в заводских общежитиях, где каждый их шаг под строгим контролем. На многих предприятиях используют детский труд. По селам рыскают вербовщики, и гонимые нуждой люди вынуждены за мизерную плату заключать контракты и отдавать своих малышей на фабрики и заводы, то есть фактически продавать их.

Тяжело положение женщин-работниц, и все же оно ни в какое сравнение не идет с условиями жизни японских крестьянок. Нищета заставляет их посылать дочерей в город, и многие почитают за счастье, если девочке удается поступить в школу гейш.

О гейшах я слышал давно, но впервые увидел их во время экскурсии, которую устроил для нас импрессарио. По дороге он рассказал, что в Японии существуют школы, в которых девочек обучают искусству чайной церемонии, пению, танцам, умению развлекать гостя.

Я спросил, обучаются ли в школах гейш девочки из зажиточных семей. Собеседник замялся и после паузы ответил:

- Обычно их вербуют в деревнях. Сами понимаете, крестьянину трудно прокормить большую семью, а если в семье несколько девочек, к тому же хорошеньких...

...Наша машина остановилась на небольшой поляне, от которой лучами расходились аллеи. Одна из них вела к реке. Мы заметили на ней парусную яхту и несколько весельных лодок.

Направились к берегу реки. Из парусника навстречу вышла девушка в кимоно, перехваченном широким цветастым поясом. Это была гейша, в обязанности которой входило опекать гостей. Мы заинтересовались ее историей. Она оказалась обычной, похожей на историю многих девушек. В семье рыбака было шесть девочек, и чтобы прокормить пятерых, в школу гейш за небольшую плату, полученную от вербовщика, послали ее, самую старшую. Тем, кто работает в ресторане, приходится хуже. Ее голос нравится туристам, она неплохо зарабатывает и помогает семье. Может быть, уважаемые гости желают послушать ее? О, она с удовольствием споет.

И над рекой, озаренной последними лучами заходящего солнца, зазвучала древняя песня о лотосе, сорванном ураганным ветром.

Я слушал песню-плач о прекрасном цветке, который не может

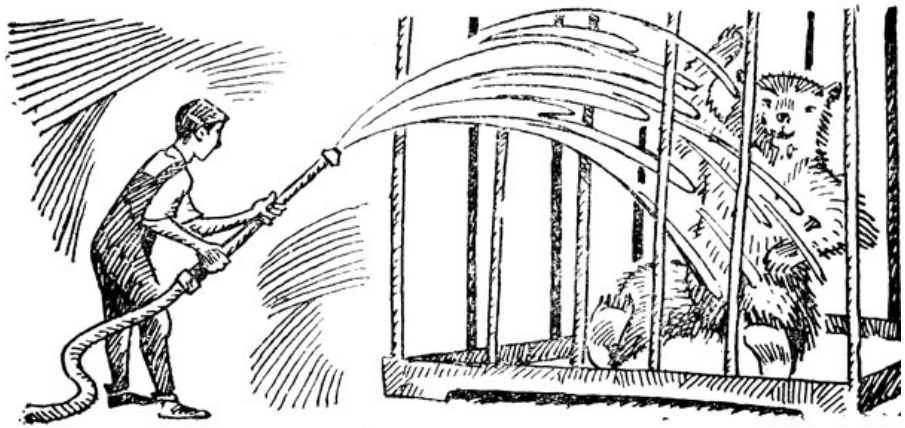
уже радовать людей, и думал о печальной судьбе крестьянской девушки, насильно оторванной от семьи, от отцовской хижины и так бессмысленно растрачивающей свою жизнь, свой талант...

Многое поражало нас в тот день.

Мы увидели легко скользившую по реке белоснежную яхту, которую тянули, впрягшись в лямки, десять мускулистых людей, бредущих по берегу. "Что за чушь,- подумал я,- проще ведь включить мотор, чем волочить яхту таким допотопным способом". Но богатые туристы - любители экзотики. Ни парусом, ни мотором их не удивишь, и поэтому люди впрягаются в лямки, и, согнувшись в три погибели, тянут судно.

Я невольно вспомнил репинских бурлаков. Впрочем, разница была: если волжские бурлаки тянули баркас джутовыми веревками, то японских поденщиков снабдили капроновым тросом. Чем не примета времени?..

"Браво, Гоша!"



Под несмолкаемый гром аплодисментов проходили выступления наших артистов: эквилибриста Е. Милаева, воздушной гимнастки Р. Немчинской, танцовщицы на проволоке В. Сербиной, группы акробатов-прыгунов под руководством В. Довейко и других. Первое отделение заключал я, второе отводилось целиком иллюзионному аттракциону под руководством народного артиста РСФСР Эмиля Кио.

Токийский стадион, вмещающий восемь тысяч человек, бывал переполнен, как и стадионы других городов.

Реакцию зрителей на наше представление весьма красноречиво выражали японские газеты. Они писали: "Такого рекорда в цирковом искусстве Япония еще не знала". Газеты и зрители называли Э. Кио "волшебным магом". А о Гоше писали так:

"Нельзя не отметить блестящее выступление Гоши. Он работает так великолепно, что в зрительном зале раздаются - возгласы, не человек ли это в медвежьей шкуре".

Наши гастроли начались в самую жаркую пору японского лета. Это обстоятельство в немалой степени сказалось на нашем самочувствии. Особенно изнуряюще влиял зной на Гошу, задыхавшегося в своей роскошной шубе. Не только зрители, но и мы, артисты, не могли не восхищаться выносливостью и трудолюбием медведя. Атмосфера парной, царящая в крытом

стадионе, была не под силу даже местным жителям. Не проходило вечера, чтобы скорая помощь не увозила с представления восемь - девять человек, потерявших сознание.

А Гоша работал. И как работал! Ежедневно по два, а по воскресным дням - три раза. Я, однако, понимал, что если не позаботиться о медведе, он едва ли выдержит такую нагрузку до конца гастролей.

Надо сказать, что фирма, пригласившая нас в Японию, сделала все возможное, чтобы улучшить условия работы. В служебных помещениях включили вентиляторы и установки кондиционирования воздуха. Баллоны с кислородом были установлены за кулисами и в зрительном зале. Но все эти меры оказались малоэффективными. Работая, Гоша задыхался, из пасти шла пена, в его глазах я читал немое страдание, и мне

становилось больно за животное, безропотно сносившее муки зноя. Он стремился быстрее, в более ускоренном темпе отработать положенное и исчезнуть с арены. За кулисами он сразу бежал в клетку, где его ждал холодный душ. Надо было видеть, с каким наслаждением он кувыркался под водяными струями, подставляя им морду, живот, лапы!

Вскоре Гоша оказался под опекой японской ассоциации охраны животных, которая любезно предложила свои услуги по уходу за ним. Вот когда у него началась райская жизнь. Сотрудники ассоциации каждое утро привозили на грузовой машине тонну льда и подкладывали его под клетку. Поначалу зверь с недоверием наблюдал за манипуляциями незнакомцев, но, учуяв прохладу, стал весело резвиться, пытаясь лапами достать лед. Обычно это ему удавалось. Расколов глыбу на мелкие кусочки, он клал их себе под живот, на морду, прижимался к ним ушами. Лед соскальзывал, тогда Гоша переворачивался на спину и с помощью задних лап жонглировал льдинками. Поиграв вдоволь, медведь облизывал льдинки, сосал их, как ребенок леденцы.

Такие сцены, повторяющиеся каждое утро, собирали уйму зрителей, которые со смехом наблюдали забавные упражнения медведя.

Перед началом гастролей я был предупрежден администрацией и представителями местных властей о необходимости строго соблюдать во время выступлений Гоши правила техники безопасности. Дело в том, что некогда в Японии обитало много медведей, причинявших большой ущерб населению. Доходило до того, что они совершали разбойничьи набеги на селения, уничтожали скот, опустошали сады, огороды. Хищники столь бесцеремонно вели себя, что люди должны были оградить свои жилища металлическими прутьями. Впоследствии все медведи в Японии были уничтожены, но зловещая слава о них продолжает жить.

Я заверил импрессарио, что можно не беспокоиться, Гоша никому вреда не причинит. Однако во время представлений в проходах стадиона стояли полицейские с автоматами наготове. Но Гоша ни разу не дал ни малейшего повода для "боевых действий". Покоренные ловкостью медведя, зрители восторженно рукоплескали, и даже полицейские в проходах, закинув за спины автоматы, что есть силы хлопали, присоединив свои голоса к тысячеустым возгласам: "Браво, Гоша!".

Гоша в центре рекламы

MOSCOW
CIRCUS

Много приемов используют в капиталистических странах конкурирующие друг с другом фирмы для сбыта своих товаров. И все же Япония, на мой взгляд, перещеголяла даже наиболее развитые западные страны. Японская реклама кричит вывесками, плакатами, объявлениями с каждого дома. Она назойливо преследует человека на каждом шагу.

На следующий же день после токийской премьеры, когда я спускался по лестнице в "Принц-отеле", меня кто-то окликнул:

- Кудрявцев-сан?

Я обернулся. Ко мне подошли три японца, один из них, церемонно кланяясь, представился:

- Директор рекламного бюро фирмы "Хонда", выпускающей лучшие в мире мотоциклы. А эти господа,- он указал на своих спутников, вежливо приподнявших панамы,- инженеры-конструкторы и совладельцы фирмы. У нас к вам деловое предложение.

Я попросил гостей изложить их предложение.

- Видите ли,- продолжал директор,- вчера мы присутствовали на представлении советского цирка. Мы видели, как ваш знаменитый Гоша управляет мотоциклом. И вот у них,- жест в сторону инженеров,- возникла мысль, не смог ли бы ваш медведь овладеть японской мотоциклетной техникой?

Я ответил, что изучение японской техники не входит в программу наших гастролей, Гоша крайне перегружен ежевечерними представлениями. К тому же, добавил я шутливо, у него нет водительских прав на управление японским мотоциклом.

- О, если дело только в этом,- воскликнул директор,- тогда все в порядке. Вот эти господа,- еще один жест в сторону инженеров,- готовы взять на себя все хлопоты, лишь бы... вы оказали нам честь и согласились посадить Гошу на мотоцикл фирмы "Хонда", о котором, поверьте, мечтает каждый спортсмен.

Я задал другой вопрос: какой смысл пересаживать Гошу на японскую машину, если он успешно выполняет все свои трюки на нашем превосходном отечественном мотоцикле, который, кстати, изготовлен в столице моей родной Удмуртии - Ижевске?

- О, мы вовсе не сомневаемся в достоинствах вашего мотоцикла, они известны,- рассыпался в комплиментах собеседник,- но, видите ли, ваш Гоша - знаменитость, и если мы сообщим, что он выполняет свои чудесные трюки на мотоцикле "Хонда", публику это заинтересует...

Оказывается, они уже успели и мотоциклы доставить к

стадиону. Увидев гостей, Гоша зарычал.

Японцы отошли на почтительное расстояние, спросив:

- Что говорит медведь?

- Он говорит, что не хочет расстаться с ижевским мотоциклом, он ему напоминает о Родине,- ответил я.

А однажды Гоша едва не оказался виновником конфликта между двумя американскими фирмами, наводнившими Японию "кока-колой" и "пепси-колой". Когда стало известно, что во время представлений он пьет "пепси-колу", представители фирмы, импортирующей этот напиток, начали здесь же на стадионе поносить своих конкурентов, обращаясь к зрителям с громкими возгласами: "Не пейте "кока-колу"! Пейте только "пепси-колу", наш напиток лучший в мире. Его предпочитает даже медведь Гоша!"

С ростом популярности Гоши росло внимание к нему торгово-промышленных фирм, которые широко рекламировали свои товары, связывая с ними имя Гоши. В одной из газет была напечатана статья, утверждающая, что "русский медведь - лучший покупатель". Поводом для публикации этой статьи явился следующий эпизод.

Однажды нас с группой клоунов пригласили посетить вместе с Гошей крупный Токийский универмаг. Универмаг располагает просторным залом, представляющим собой своеобразный зверинец. С рекламной целью здесь демонстрируются обезьяны, лисы, экзотические птицы. Демонстрируя их публике, фирма рассчитывает, что привлеченные даровым зрелищем японцы, пусть даже некоторая их часть, станут покупателями. Зная, что наш импрессарио установил высокие цены на билеты, недоступные для трудового люда, я решил принять приглашение и познакомить с искусством Гоши тех, кто не мог увидеть его на арене. Руководители фирмы не преминули заблаговременно оповестить публику о нашем бесплатном выступлении. В объявлении подчеркивалось, что в день выступления русского медведя цены на товары будут значительно снижены. Замечу, что цены действительно были несколько снижены, но, разумеется, только на залежавшиеся товары.

Когда мы прибыли в универмаг, там уже собралась огромная толпа. На второй этаж Гоша поднялся по эскалатору, но когда толпа стиснула нас и дальней-шее пребывание медведя в столь тесном контакте с людьми стало опасным, мы пересели в просторный лифт, поднявший нас на десятый этаж. В зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Люди плотной стеной окружили площадку, огражденную металлической сеткой. Как только Гоша, с трудом протиснувшись на импровизированную

арену, поднял лапу, приветствуя зрителей, грянули аплодисменты. Они не утихали на протяжении трех представлений, длившихся около трех часов.

Не раз мы были свидетелями многочисленных проявлений сердечных чувств трудящихся Японии к Советскому Союзу. Никогда не забудется день 6 августа 1961 года, когда Московское радио передало сообщение ТАСС о запуске в СССР космического корабля "Восток-2" с Германом Титовым на борту. Эта радостная весть молниеносно облетела всю Японию. В отеле, на улицах, на стадионе к нам подходили незнакомые люди и горячо поздравляли с новой выдающейся победой советского народа в освоении космоса. Слушая эти искренние поздравления, каждый из нас испытывал невыразимое чувство гордости за нашу Родину.

...Почти четыре месяца продолжалось гастрольное турне по Японии. Нас горячо принимали десятки тысяч зрителей пяти крупнейших городов страны. А в середине октября мы снова прибыли в Иокогаму. Реквизит, клетки с животными, весь багаж был уже погружен на теплоход. Последние километры пути. Приближаемся к порту. На причале нас уже ожидали сотни людей. И как в тот памятный день, когда мы впервые ступили на японскую землю, они встретили нас песней. Улыбки, рукопожатия, цветы. И трогательные слова благодарности, просьба передать привет советскому народу.

- Приезжайте опять!

- Спасибо!

- Сайонара - до свидания!..

Мы поднимаемся на борт, но стихийная манифестация дружбы продолжается. С причала нам бросают рулоны бумажных лент, концы которых держат в руках провожающие. И когда теплоход медленно отваливает от причала, бумажные рулоны разматываются, и цветные ленты, словно удерживая судно, тянутся между нами и берегом.

Теплоход выходит в открытое море.

Без передышки

Приятно было плыть на "Александре Можайском", этой частице советской территории, домой. Были незабываемые дни XXII съезда партии. С непередаваемым чувством гордости и волнения прислушивались мы к передачам из Москвы, транслировавшимся радиостанцией "Александра Можайского", ловили каждое слово сообщений о жизни родной страны.

...Глубокой ночью стояли мы, большая группа советских артистов, на верхней палубе и сквозь густую бархатную темень, окутывавшую море, пристально разглядывали золотую россыпь медленно приближающихся, но все еще очень далеких огней. Они размеренно покачивались вдали и, отраженные в воде, растекались у горизонта.

- Неужели мы уже дома? - как бы размышляя вслух, негромко произнес кто-то.- Даже не верится в это счастье.

- Уже, уже,- торжествующе подтвердило сразу несколько голосов.

Огни между тем становились все ближе и ближе. Вскоре мы уже смогли разглядеть очертания больших построек на берегу, ажурные вышки высоченных портальных кранов. А в половине третьего ночи "Александр Можайский" мягко коснулся причальной стенки: мы прибыли в Находку - крупнейший порт советского Приморья.

Когда были выполнены все полагающиеся в этих случаях пограничные и таможенные формальности и люди начали сходить на берег, к нам кинулся какой- то человек в плаще и шляпе с портфелем в руках. Это был встречавший нас директор Владивостокского цирка. Мы совершенно затискали его в объятиях. Еле дыша, бедняга взмолился:

- Пустите, пустите же, черти, сил моих нет!

Наконец ему удалось освободиться. Тогда он извлек из портфеля и протянул мне листок бумаги:

- Читай. Телеграмма из Союзгосцирка. Тебя касается.

Я развернул ее и прочел: "Немедленно организуйте отправку Кудрявцева с Гошей самолетом в Москву".

"Что бы это могло значить? - подумал я.- Очевидно, предстоит участвовать в цирковых представлениях для делегатов партийного съезда".

С мыслью об этом я и улетел в Москву. И тут выяснилось, что я ошибся. Выступления нам с Гошей предстояли, но только не в Москве, а очень далеко от нее. Оказалось, наш номер включен в большую программу артистов советского цирка, направляющихся

на гастроли в Индонезию.

Распрощавшись с Гошей, оставшимся для кратковременного отдыха при Московском цирке, я выехал в Минск, где формировалась наша индонезийская программа, составленная из номеров пятидесяти артистов. Здесь я тоже имел возможность несколько передохнуть. Дело в том, что мне в сущности не надо было репетировать главную часть своего выступления - после четырехмесячной работы в Японии нужды в этом не было. Здесь, в Минске, я лишь принимал участие в репетициях парад-пролога, которым начиналась программа.

Тут же, в Минске, мы читали книги, брошюры, статьи в газетах и журналах об Индонезии, стараясь хоть немного познакомиться с этой замечательной страной.

С огромным интересом смотрели мы документальный фильм о пребывании советской делегации в Индонезии с визитом дружбы. Еще не будучи в этой стране, мы уже убедились, какие крепкие узы искреннего, сердечного расположения связывают народы Индонезии и Советского Союза. И каждый из нас старательно готовился к поездке, стремясь внести своим искусством пусть скромный вклад в укрепление дружбы наших стран.

Подготовка, длившаяся более месяца, была наконец завершена. Возглавила нашу группу Галина Алексеевна Шевелева, заместитель директора Московского цирка - человек необычайной энергии, горячо любящий и превосходно знающий все стороны нашего искусства.

...Последний ноябрьский день 1961 года в Москве был настоящим зимним днем - холодным и снежным. Прошло всего полтора месяца с тех пор, как мы покинули жаркую Японию. И теперь все мы наслаждались свежестью русского мороза, удивительно бодрящего, как бы вливающего в человека энергию и силу.

Пока в самолете готовили жилье для Гоши и его дублера Мишки, сам он прогуливался с одним из моих помощников возле здания аэропорта. Медведь, повизгивая от удовольствия, кувыркался в снегу, резвился, глубоко, полной грудью вдыхал свежий утренний воздух, всем своим видом выражая восторженное ощущение жизни, вызванное милой русской зимой.

Страна трех тысяч островов

Все, кому довелось побывать в далекой Индонезии, образно называют ее райским садом. В самом деле, банановые рощи, плантации чая и каучуконосов щедро дарят людям плоды их труда. Правда, эти дары сравнительно недавно стали достоянием народа. Более трех с половиной веков на индонезийской земле хозяйничали голландские колонизаторы. Следы их господства и поныне видны: в стране много неграмотных, не хватает врачей, на островах - нам рассказы-вали - есть селения, где уклад жизни за последние века не претерпел никаких существенных изменений.

Наши гастроли начались в пору тропических ливней. Здесь это обозначает наступление зимы. Температура снизилась до 20° тепла. Но если местные жители поеживались от "холода", то Гоша изнывал от жары - ведь только сутки назад он кувыркался в снегу и наслаждался московским морозом.

Я попросил рабочего из технического персонала принести три вентилятора. Парень поначалу изумленно раскрыл глаза, а потом громко засмеялся.

- О, ваш артист - веселый человек,- сказал он переводчику, видимо, приняв мою просьбу за шутку.

Вообще, надо сказать, простые индонезийцы - очень общительные и веселые люди, любят смех, шутки. Я был свидетелем любопытной сцены. На улице столкнулись два рикши. Коляски стукнулись с такой силой, что у одной отвалилось

колесо, а сами рикши со своими пассажирами упали на мостовую. "Ну, сейчас начнется",- подумал я. Но рикши, придя в себя, поднялись на ноги, глянули друг на друга и расхохотались. Потом стали чинить коляски, дружелюбно обмениваясь репликами.

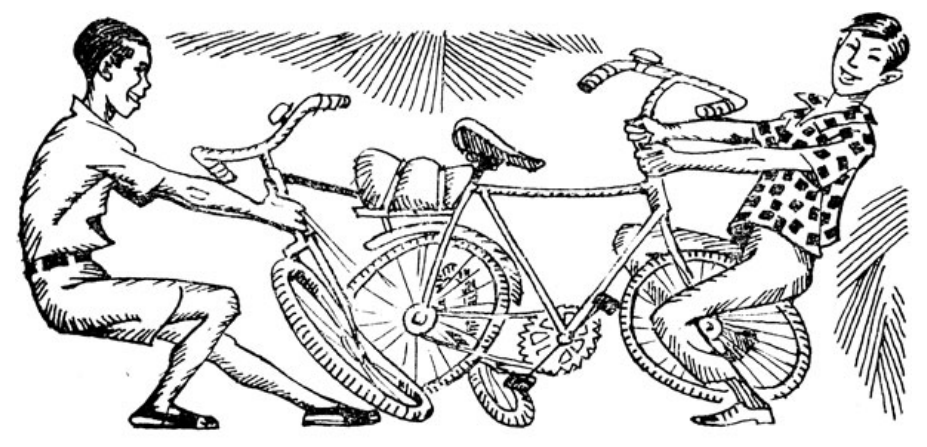
5 декабря состоялась наша премьера. Дворец спорта не смог вместить всех желающих присутствовать на открытии гастролей советского цирка.

Трудно сказать, какому номеру программы зрители отдали предпочтение. Они с одинаковым энтузиазмом рукоплескали турнистам Николаевым и икарийским играм группы Плинера, от души хохотали, когда артисты Кожуховы жонглировали соломенными шляпами.

В рецензиях на наши выступления газеты подчеркивали, что гастроли советского цирка - большое, радостное событие в культурной жизни Джакарты. Высоко оценив мастерство советских артистов, газеты отмечали, что гости из Советского Союза не ограничиваются выступлениями на арене. Они по-братски помогают любителям - в Индонезии еще не было тогда своего профессионального цирка - овладеть цирковым искусством. Газеты были единодушны в своих оценках.

Между прочим, в городе было мало афиш о гастролях нашего цирка. Мы спросили, почему нас так слабо рекламируют. Представитель Комитета по организации гастролей, к которому мы обратились с этим вопросом, сказал:

- А зачем вам реклама? У вас и так полно зрителей.



Индонезийская "зима" быстро отшумела тропическими ливнями, и в декабре мы почувствовали, что представляет собой на Яве так называемое нормальное лето. После выступлений, встреч с индонезийскими друзьями, после прогулки в джунглях и

экскурсии по городу, когда ртутный столбик на термометре, пересекая красную черту, останавливался за цифрой сорок, мы с наслаждением отдыхали в тенистом саду посольского городка. Особенно манил нас бассейн с прохладной водой,

Здесь, в посольском саду, произошла встреча, надолго запомнившаяся каждому участнику гастролей. Гуляя по саду, я заметил, что у подъезда посольства остановилась "Волга". Из машины вышел посол СССР в Индонезии и вслед за ним - среднего роста коренастый молодой человек. Нельзя было не узнать этого мужественного человека, чьи портреты обошли всю мировую печать и чье имя было на устах миллионов.

- Знакомьтесь, это Герман Степанович Титов - звезда Вселенной.

Все мы с волнением пожимали руку Космонавта-2. В моей памяти возникли волнующие толпы, ликующие возгласы на токийском стадионе, горячие поздравления незнакомых мне людей и охватившее меня чувство острой радости, когда там, в Японии, вдали от родной земли я впервые услышал имя этого человека.

Друзья в Джакарте нам говорили: кто не был на острове Бали, тот не видел Индонезию. И вот после завершения гастролей министр культуры Индонезии предложил нам совершить трехдневную экскурсию в этот волшебный край индонезийской земли. Полуторачасовой перелет - и мы на Бали.

Здешние индонезийцы ведут такой же образ жизни, как их дальние предки двести - триста лет тому назад. Живут большими семьями, родами. У каждого рода свои боги - "злые" и "добрые" духи. Ежедневно около изображения бога кладут пищу - мясо и фрукты, чтобы умилостивить божество. Здесь принято "кормить" и набальзамированных покойников, которых перед погребением переносят с места на место, чтобы обмануть злых духов.

И рядом с жертвенником, рядом со старинными селениями рода, с ритуальными плясками - современной архитектуры аэровокзал. У его входа по старинному обычаю нас встретили смуглые красавицы, одетые в длинные, ярких расцветок платья. В руках у них были тарелки с лепестками ароматных цветов, которыми они осыпали нас, а потом преподнесли каждому букеты цветов. Тем временем другие девушки исполняли национальный танец, пленивший нас своей грациозностью.

Но лепестки цветов и танец девушек были лишь прелюдией торжественной встречи, которой, как нам объяснил гид, балийцы удостаивают лишь самых дорогих гостей. Вечером нас пригласили в театр. В нем нет ни стен, ни дверей, одна только крыша на бамбуковых шестах, защищающая артистов и зрителей

от дождя. На сцене, устланной циновками, расположился оркестр. Зазвучала медленная, убаюкивающая мелодия. Затем на сцену вышли артисты в масках. Так начался этот своеобразный спектакль-концерт, в котором артисты изображали злых и добрых духов, их борьбу и конечное торжество добра над злом. Сюжет этого представления уходит корнями в далекое прошлое, в нем выражен свободолюбивый дух индонезийцев, их ненависть к колонизаторам, грабившим богатства страны.

После спектакля артисты пригласили нас в гости. Они проявили живой интерес к Советскому Союзу, расспрашивали нас, как живут и работают советские артисты. На прощание мы подарили гостеприимным хозяевам сувениры, но их было немного: за время гастролей в Индонезии наш сувенирный фонд заметно отощал. У меня оказалось несколько фотографий, на которых я был заснят с Гошей, один снимок я протянул стоявшей рядом девушке. Это заметили другие, и в тот же миг я был атакован: степенные, мало улыбавшиеся минуту тому назад балийцы весьма решительно выхватили из моих рук остальные снимки.

Позволю себе короткое отступление о сувенирах. Охотники за сувенирами, где бы ни был наш цирк, буквально одолевали всех наших артистов. Помню, в Бразилии артисты лишались пуговиц - почитатели насильно отрывали их от пальто и костюмов,- лишались шнурков от ботинок.

А Гоша даже слегка полысел - у него брали шерсть на память. В Японии униформисты просили наших артистов расписываться на рубашках. Зная, какая тяжелая "рука" у Гоши, за него предусмотрительно расписывался я.

Из жаркой Индонезии мы вернулись в зимнюю заснеженную Москву.

Мы "открываем" Турцию

Весной 1965 года были успешно завершены переговоры между турецким антрепренером Керим-беем и Союзгосцирком, стороны заключили контракт. Большой группе советских артистов - в нее входило 57 человек - предстояло "открыть" новую страну на гастрольной карте нашего цирка. И вот 12 июня на прекрасном белоснежном лайнере "Литва" Черноморского пароходства мы вышли из Одессы, взяв курс к турецким берегам. Как-то она нас примет, эта близкая, но совсем нам не знакомая страна?

Спустя двое суток после того, как мы покинули солнечную, веселую Одессу, глазам нашим представился большой экзотический город со множеством белых минаретов мечетей, словно поднимающихся из морских глубин. Это был Стамбул - цель нашего путешествия, первый и, пожалуй, основной пункт наших гастролей, которые должны были начаться здесь через три дня.

Как и во многих других странах, в Турции нет специальных цирковых зданий, и для выступлений в Стамбуле нам был предоставлен местный Дворец спорта - удобное, вполне современное здание.

День нашего прибытия был необычайно жаркий, знойный. Но мы тотчас же энергично занялись подготовкой к началу работы - подвесили аппаратуру, оборудовали манеж, артистические гардеробные, создали конюшни. В короткий срок нам удалось превратить огромное спортивное помещение, вмещающее почти 4600 человек, в настоящий, хорошо оснащенный цирк.

И вот вечером 17 июня при огромном стечении публики состоялась премьера. На ней присутствовали видные представители общественности, культурных и деловых кругов. Среди них были глава Стамбульского муниципалитета Хашим Есан, губернатор Ниязи Аки, командующий Стамбульским военным округом Селями Пекюн.

Из турецкой столицы Анкары на премьеру прибыли многие сотрудники нашего посольства и генерального консульства во главе с послом Н. С. Рыжовым.

Когда я припоминаю тот теплый вечер, перед моим мысленным взором возникает удивительная картина: высоко-высоко над городом в глубокой бархатной синеве висит пронзительно сверкающий серп луны в окружении нереально крупных звезд, усеявших весь небосклон, будто добрый волшебник распростер над нами свой сказочный кафтан. Этим поразительным зрелищем все мы любовались, выбегая после

своего номера во двор, чтобы освежиться глотком прохладного вечернего воздуха, в то время как зал грохотал аплодисментами и восторженными возгласами зрителей.

Разумеется, как и в западных странах, в Турции тоже не было недостатка в людях, встретивших нас настороженно, а то и откровенно враждебно. Помню, что фасад здания, где проходили наши гастроли, был в день нашего приезда обильно облеплен антисоветскими листовками- подлыми и глупыми. Их авторы явно рассчитывали запугать и нас, и турецкую публику. Но из этой злобной затеи ничего не получилось, Скорее наоборот. Чем больше неистовствовали антисоветские молодчики, тем больший интерес и симпатию у самых широких масс вызывала наша группа, спокойно, с достоинством делавшая свое дело от начала до конца.

Первое представление как бы задало тон всей гастрольной поездке. Об этом можно судить по таким данным: за двухмесячное пребывание в Стамбуле состоялось 78 представлений,-которые посмотрели, по подсчетам турецкой стороны, примерно двести пятьдесят тысяч зрителей. Между прочим, на одном из спектаклей присутствовала большая группа высших чинов турецкой армии во главе с начальником генерального штаба. От его имени нам были преподнесены три огромные корзины цветов. Нам передали, что начальнику генштаба понравилось не только искусство наших мастеров арены. Человек военный, он обратил внимание на присущую советским артистам безупречную дисциплину и, как нам говорили тогда, порекомендовал всему генералитету побывать на наших представлениях.

Особенно радостно и усердно работали мы по так называемым народным дням. Этими днями были среды, когда мы давали по два представления, билеты на которые продавались по значительно - на 25-30 процентов - сниженным ценам. (Замечу, кстати, что для детей и студентов билеты всегда были удешевленными.) Длиннющие очереди в народные дни выстраивались задолго до открытия кассы. Еще с ночи тысячи стамбульцев терпеливо дожидались возможности приобрести заветные билеты.

В середине августа мы, быстро демонтировав манеж, перекочевали в Измир, где в то время проходила XXXIV традиционная международная ярмарка.

Наши спектакли в Измире проходили в неизменно переполненном шапито, вмещающем 3600 зрителей. Несмотря на угнетающую жару, коллектив наш там давал почти ежедневно по два спектакля - за 32 дня 59 представлений, на которых побывало

около двухсот тысяч человек. Глава муниципалитета господин Осмар Кебар пригласил советских артистов снова приехать в Измир.

Надо сказать, что турецкая печать в общем-то доброжелательно отнеслась к нам, широко освещая гастроли, помещая множество фотографий. Особым расположением прессы пользовался мой Гоша, чьи снимки не сходили со страниц газет и журналов самых различных направлений. И какими только лестными эпитетами его не награждали!

Но, конечно, нашлись и в турецкой печати люди, не гнушающиеся нечистоплотными приемами. Какая- то буйная журналистская головушка насочинила, на-пример, будто заслуженная артистка РСФСР Нина Логачева ежедневно танцует на проволоке с риском для двух жизней, так как она, мол, на... шестом месяце беременности. Вот-де, до каких форм эксплуатации артистов "у них там" доходит.

Другой репортер (впрочем, возможно, и не другой, а тот же самый) ошеломил читателей сообщением о том, что наша самая юная исполнительница 19-летняя Наташа Голубцова якобы по уши влюбилась в одного молодого турка. Нехитрая, малоизящная стряпня эта понадобилась для сногсшибательной сенсации: очаровательная советская артистка, дескать, до такой степени влюблена, что готова хоть сейчас оставить родину ради предмета своей любви. Не более и не менее!

Когда на одной из пресс-конференций наш руководитель попытался вразумить авторов (или автора) этих неумных измышлений, кто-то под общий хохот собравшихся неуклюже объяснил:

- Да ведь это вам же делает рекламу...

Что и говорить - оправдание! Вполне на уровне поступков.

Разумеется, отравить нам настроение этими выдумками или помешать успеху нашей работы не удалось. Тем более, повторяю, что самые широкие круги турецкой общественности, в том числе и работники печати, всячески выражали нам свои симпатии.

Мне хочется познакомить читателей с рассказами моих товарищей об этой памятной поездке. Эти рассказы дают ясное представление о том, как мы "открывали" эту страну и как нас там принимали.

Рассказ дрессировщика тигров Александра Александрова-Федотова

- Трогательных встреч и эпизодов у нас было очень много. Меня, например, неоднократно люди узнавали на улице, очевидно, по синему берету, который я постоянно ношу. Многие подходили ко мне, пожимали руки, хлопали по плечу. И, чтобы

уж я окончательно убедился, что меня ни с кем не путают, говорили:

- Каплан! Каплан!*

*(*Каплан - по-турецки означает тигр. (Прим. редакции.)*)

Очень внимательно относились к нам турецкие рабочие в цирке и униформисты. Помню, как были обеспокоены эти славные люди, когда тигр Акбар, выйдя дважды из повиновения, пытался броситься на меня. И как они были искренне рады, что оба раза все обошлось благополучно. Это мне навсегда запомнилось.

Рассказ дрессировщика собачек Николая Ермакова

- Мне особенно врезалось в память то, что произошло в день нашего прибытия в Стамбул. Возле Дворца спорта тогда толпились сотни зевак, разглядывая наших четвероногих питомцев - тигров, собачек, лошадей, медведей... Вдруг подошла грузовая машина, доставившая из порта очередную партию нашего груза. На сей раз это было сено для лошадей туркменских джигитов Давлета Ходжабаева. И тут произошло неожиданное: шесть или семь человек весьма преклонного возраста буквально ринулись к грузовику. Схватив по клочку сена, они стали бережно укладывать их в платочки.

- Русское сено!.. Его дух за версту слыхать,- сказала нам со слезами на глазах одна из пожилых женщин на чистом русском языке.

Как оказалось, эти люди - бывшие русские белогвардейцы, которых революция выплеснула за борт родной страны. Теперь они доживают свои дни, снедаемые едва ли не самой страшной болезнью - ностальгией, тоской по родине...

Русское сено

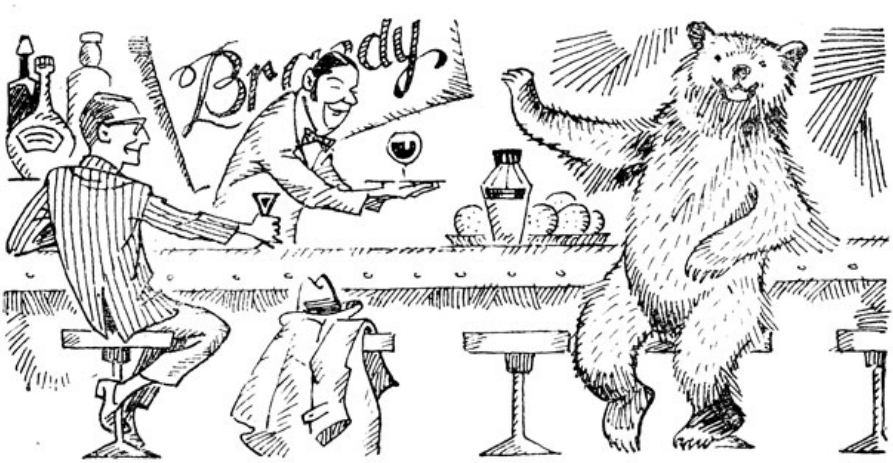
Рассказ клоуна Ивана Девяткина

- Мне очень запомнилась буря, разыгравшаяся в Измире за три дня до конца наших гастролей. С утра ветер был слабый, но к вечеру он рассвирепел, словно взбесился. И вот во время представления в набитом до отказа шапито вдруг повалило одну из опорных мачт. Мы с партнером Евгением Кружковым как раз исполняли в этот момент сценку "Насос". И вдруг такое несчастье - огромная металлическая мачта чуть не обрушилась на головы зрителей. Но они не растерялись: несколько человек тотчас же подхватили ее, что-то громко выкрикивая нам. И тут же мы услышали возглас нашего переводчика:

- Они говорят: "Продолжайте, все в порядке!"

И наметившаяся было вынужденная пауза была немедленно заполнена... Впрочем, ведь заполнять паузы - главное в профессии коверных клоунов.

Поездка в Канаду



Более года отбирали кандидатуры артистов для очередных зарубежных гастролей, которые должны были начаться в сентябре 1967 года. Да оно и понятно - предстояли чрезвычайно ответственные выступления в Канаде на Всемирной выставке "ЭКСПО-67".

Мы с Гошей также были удостоены чести быть включенными в программу этих гастролей.

Как обычно, прежде всего направили к месту будущих выступлений четвероногих артистов. Первого августа из Ленинграда на пароходе "Альметьевск" отплыли к берегам Канады лев Урал - участник иллюзионного аттракциона Игоря Кио, шестнадцать лошадей, двадцать собак, а также мой Гоша со своим дублером Гошей-2.

Первая группа артистов в составе шести человек, в которую вошел и я, вылетела из Москвы в Канаду 28 августа на советском лайнере "ТУ-124". Раньше мне не доводилось на нем летать. И теперь я могу сказать, что эта превосходная машина по своим удобствам и комфорту может удовлетворить самого придирчивого и капризного пассажира. Девять часов полета за беседой с товарищами прошли очень. незаметно, и вот уже самолет начал снижаться. Под нами - центральный аэропорт Монреаля.

По всей дороге из аэропорта в мотель, где мы остановились, а затем и в самом городе, везде, где только было возможно: в витринах магазинов и гостиниц, в парикмахерских, на

всевозможных стендах - всюду можно было видеть большие портреты Гоши на велосипеде во весь рост. По радио и телевидению очень часто передавалось следующее откровенно зазывное объявление: "На стадионе "Арена Ричард" выступает знаменитый русский бриллиантовый медведь с человеческими мозгами".

В Монреаль той осенью люди ехали, плыли, летели со всей планеты на Всемирную выставку "ЭКСПО-67". Она превратилась в те дни в своеобразную гигантскую площадку фестиваля мирового искусства. Тут были симфонический оркестр из Мельбурна, Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии, бельгийский балет XX века, пять крупнейших оперных театров, в том числе Большой театр Союза ССР, и множество других известных во всем мире творческих коллективов, о которых наперебой рассказывали газеты, журналы, радио, телевидение, афиши, щиты, сверкающая всеми цветами яркая световая реклама, заполнившая витрины магазинов, окна бесчисленных кафе и ресторанов, фронтоны и крыши домов, даже небо над городом...

Весь этот бурлящий, непрестанно движущийся, многоцветный и яростный поток зазывно шумел и гудел, приглашая всех и вся непременно познакомиться, посетить, увидеть, насладиться бесконечным множеством различных зрелищ - от самых примитивных до действительно первоклассных произведений искусства, отмеченных печатью подлинного таланта, высокого вдохновения.

В первый же день приезда мне довелось выступить на трех телестудиях. Особенно запечатлелось в моей памяти посещение студии, расположенной на самой территории "ЭКСПО-67". После того как Гоша показал перед аппаратом ряд своих трюков, я ответил на несколько вопросов диктора, касающихся главным образом Гошиной биографии. После этого Гоша, сопровождаемый мною и переводчиком, удостоился чести спуститься из зала студии в бар по винтообразной лестнице - ее там именовали лестницей "звезд", так как ею обычно пользовались только очень известные актеры и другие почетные гости.

Между прочим, в баре ему предложили отведать стаканчик виски. Гоша, предварительно понюхав предложенный напиток, шумно вздохнул и сразу же отвернул голову, всем своим видом уморительно выражая отказ. Удивлению радушных хозяев не было границ.

- Как же так? - воскликнул владелец бара.- Объясните ему, пожалуйста, что в бокале превосходный виски "Белая лошадь", лучше которого трудно найти! Об этом можно прочитать в любом

журнале.

- Видите ли,- улыбнулся я в ответ,- с журналами здешними он еще не имел возможности ознакомиться, а что до лошадей спиртных, то им он всегда предпочитает цирковых. Привычка, знаете...

Шутка моя, кажется, имела успех, судя по тому, что несколько джентльменов, с интересом наблюдавших за этой сценкой, тотчас же, выхватив блокноты и ручки, стали быстро что-то записывать, оживленно обмениваясь веселыми репликами.

- Тогда разрешите предложить ему другое угощение,- с этими словами один из официантов, не без опаски поглядывая на Гошу, осторожно поставил на столик перед ним откупоренную баночку меда. Медведь мигом опорожнил ее. Хозяин бара что-то шепнул официанту, и тот расторопно поставил еще несколько баночек. Одну за другой Гоша с удовольствием опустошил их.

* * *

Наша премьера, состоявшаяся 7 сентября в переполненном огромном зале, вмещавшем двенадцать тысяч зрителей, прошла с исключительным, я бы сказал, триумфальным успехом. Буквально каждый номер шел под несмолкающие аплодисменты. А наутро и в последующие дни в газетах над рецензиями о нашем представлении запестрели восторженные заголовки: "Захватывает дух", "Московский цирк превосходен", "Удачная, разнообразная программа", "Непревзойденное мастерство" и т. д. А "Монреаль-матен", одна из самых больших газет этого крупнейшего города Канады, население которого превышает два с половиной миллиона человек, озаглавила свою статью просто и выразительно: "Да здравствует Московский цирк!"

Пресса подчеркивала, что посещаемость советского цирка по сравнению с другими зрелищами рекордна, она занимает первое место. И действительно, множество людей с утра до вечера толпилось вокруг стадиона, где проходили наши гастроли, в тщетных попытках раздобыть заветный билет на цирковое представление. Увы, в первую же неделю все билеты до единого были распроданы. У каждого входа были выставлены усиленные наряды полиции, которые строго следили за порядком и за тем, чтобы в зал никоим образом не проникли "зайцы".

Полицейские необычайно рьяно выполняли эту свою миссию. Как-то раз мы пригласили на представление одного сотрудника нашего павильона на "ЭКСПО-67", предварительно рассказав ему, как проникнуть к нам со служебного хода, где обычно полицейских не бывало. Но они его все-таки заметили и, не слушая никаких объяснений, пустили было в ход свои дубинки. К счастью, два наших товарища оказались поблизости, им удалось

быстро выручить попавшего в беду земляка. Посмотрев программу, тот потом шутил:

- За такое зрелище я согласен и больше тумаков получить.

В Монреале нам повезло: тут за восемнадцатидневную работу мы имели два выходных дня, в отличие от последующих пяти с половиной месяцев гастролей в США и Канаде, когда не удалось уже выкроить ни одного дня отдыха.

В первый свой выходной мы отправились на знаменитый Ниагарский водопад, на канатном автобусе совершили прогулку на противоположный берег Ниагары в США, любовались поразительным творением природы. Это в самом деле грандиозное, необычайно внушительное зрелище. Два рукава, два яростно ревущих бешеных водных потока низвергаются, один - Американский - с пятидесятиметровой высоты, а другой, так называемая "Канадская подкова", - сорокасемиметровой.. Причем ширина первого рукава около полукилометра, а второго - почти восемьсот метров. Нам рассказали, что эта могучая стихийная сила необычайно велика. Под ее неодолимым натиском верхняя ступень водопада разрушается примерно на полтора метра в год. Любопытно, что давние аборигены этих мест индейцы-ирокезы назвали водопад на родном языке необычайно выразительно: "Гром потоков". По-моему, лучше не скажешь.

Второй свой день отдыха мы посвятили осмотру "ЭКСПО-67". Этот своеобразный красавец город привольно раскинулся на искусственном полуострове площадью в четыреста гектаров, специально сооруженном для размещения выставки.

Генеральная тема Всемирной выставки 1967 года, ее девиз - "Человек и его мир".

Ежедневно десятки тысяч посетителей - пестрые толпы разноязычных людей со всей планеты - как бы получали возможность побывать в самых различных странах мира, познакомиться со всеми сторонами человеческой деятельности чуть ли не от самого возникновения жизни на Земле до нашей эпохи - эпохи освоения космоса.

Находясь на далеком континенте, мы спешили прежде всего встретиться со своей Родиной. На вопрос, как найти советский павильон, мы услышали:

- О, найти его нетрудно. Попасть в него - невозможно! Вот увидите самый красивый, самый величественный, с самой большой очередью желающих войти в него - это и будет русский павильон.

Надо сказать, что незнакомец, так ответивший на наш вопрос, оказался совершенно прав. Еще издали мы увидели павильон - поразительное, светлое сооружение из стекла и бетона, со

взметнувшейся вверх крышей, будто огромное хранилище неисчислимых богатств, вершина которого приподнята спереди невидимым гигантом-волшебником. Легкий ветерок ласково полоскал в вышине над зданием красный флаг Советского Союза и флаги всех наших союзных республик, развевавшиеся рядом. У центрального входа - большие, высотой в несколько метров, серп и молот. Длиннющий людской поток толпился возле павильона.

Интерес ко всему советскому был очень велик. Мы даже обнаружили известную взаимозависимость - люди, побывавшие в нашем павильоне на выставке, после этого непременно стремились поближе узнать и наше искусство - театр, кинематограф, различные ансамбли, а также цирк. И наоборот, люди, познакомившиеся с советским искусством, усиленно стремились попасть в павильон СССР.

В Соединенных Штатах

Наши гастроли в Торонто, втором по величине городе Канады, совпавшие с празднованием столетия независимости страны (1867-1967), также прошли очень успешно, при неизменно переполненном зале. А после Торонто мы на три с половиной месяца отправились в Соединенные Штаты.

Еще во время нашего пребывания в Монреале из Нью-Йорка приезжало несколько журналистов, чтобы заранее познакомиться с нашей программой и с от-дельными исполнителями. Приходили тележурналисты и ко мне, чтобы, как шутили мои товарищи, "сосватать" Гошу на выступление по Нью-Йоркскому телевидению. Мне даже довелось дважды заполнить какие-то специальные анкеты для пропуска на тамошнюю студию. Однако кое-кому в Америке был явно не по душе наш успех у зрителей, в чем мы очень скоро убедились. И против нас стали строить коварные козни.

По Соединенным Штатам мы передвигались тремя видами транспорта - самолетами, автобусами и специальным железнодорожным составом, в котором вместе со своим багажом и животными проделали большой путь с востока страны на запад, оттуда - сперва на юг, затем на север. Последовательно наш гастрольный маршрут по США выглядел так: Нью-Йорк, Бостон, Балтимор, Хершей, Филадельфия, Кливленд, Сан-Франциско, Окленд, Лос-Анджелес, Сан-Диего, Портленд, Сиэтл.

Если бы меня спросили, с чего начинается Нью-Йорк, я бы, пожалуй, ответил, что с рекламы. Право же, реклама не оставляет вас в покое в любом уголке этого огромного города.

Через несколько часов после вылета из Канады поздно вечером миловидная стюардесса объявила:

- Под нами Нью-Йорк. Прошу пристегнуть ремни и воздержаться от курения!

Каков же он, этот знаменитый, но никогда еще не виданный город, о котором столько слышал, столько читал? Я взглянул в иллюминатор. Далеко внизу, на-сколько охватывал глаз, колыхалось, покачивалось нескончаемое волнистое море золотых огней. Золотых? Да, да, именно золотых! Город Желтого Дьявола, как некогда окрестил его Максим Горький, словно стремился с первой же встречи ошеломить людей слепящим, дьявольским блеском золота...

Самолет между тем, кружа в небе, все снижался и снижался. И вот уже можно различить высоченные, как скалы, громады домов, разукрашенные многоцветными огнями. Наконец, чуть

приглушенный, осторожный толчок о землю, и наша машина, слегка подпрыгивая, стремглав бежит по бетонной полосе нью-йоркского международного аэродрома к зданию вокзала. Потом она останавливается, подрагивая, словно переводит дыхание после долгого и трудного бега, и вдруг как-то сразу умолкает. Нас окутывает звенящая тишина.

- Прибыли! - возвещает один из наших товарищей, и тишина в салоне мгновенно сменяется разноголосым говором пассажирской толпы. Все поднимаются с мест, берут портфели, пакеты, сумки, шляпы и направляются на выход к высокому трапу.

На следующий день всю нашу группу повезли на экскурсию по городу.

Перед отправлением каждого из нас снабдили путеводителем по Нью-Йорку и планом, с первой страницы которого мэр города мистер Джон В. Линдсей обращается ко всем вновь прибывающим сюда: "Милости просим в город Нью-Йорк!", а дальше следует откровенно рекламный текст, на все лады расхваливающий "притягательные черты города", в том числе разнообразие нью-йоркского населения - "людей разного происхождения и разных культур, которые живут вместе в мире и гармонии".

В этой связи хочу, между прочим, заметить, что пройдет каких-нибудь три с половиной года, и в июне 1971 года в транслируемых по нью-йоркскому телевидению беседах с тем же самым мэром прозвучат совсем- совсем иные нотки: "У нас кризис городов. Он больно бьет по большинству населения центров Америки. Мы отчаянно стараемся выжить. А Вашингтон не замечает, как глубоко дно людской бедности..."*

("Правда", 1971, 12 июня. Статья: "Спроси ньюйоркца".*)

Но и в те октябрьские дни 1967 года мы очень скоро поняли, чего стоят эти рекламные мир и гармония. Достаточно было полистать здешние газеты, посмотреть телепередачи, послушать радио.. Впрочем, ничего нового для нас тут не оказалось - капитализм и в Соединенных Штатах был верен себе: мир и здесь характеризовался прежде всего непрестанной, жесточайшей классовой борьбой, неугасающими расовыми схватками, отнюдь не только митингового характера - кровь, живая и теплая человеческая кровь то там, то здесь лилась во время этих "гармоничных" схваток.

Сам по себе город необозримо велик. Нам довелось познакомиться с его достопримечательностями. Мы видели знаменитую статую Свободы в нью-йоркской гавани, одно из величайших инженерных сооружений XIX века - Бруклинский мост, громадный, простирающийся на пять миль пляж Кони-

Айленд и многое другое, включая Зал науки в парке Флашинг-Медоу, где показывают различные экспонаты космической техники. Мы побывали на Пенсильванском вокзале, рекламируемом как "самая активная в мире железнодорожная станция", поднимались на 102-этажное здание Эмпар Стэт Билдинг, с наблюдательной вышки которого открывается обзор, как уверяют справочники, чуть ли не на пятьдесят миль. Были мы в Медисон Сквер Гардэне, где проводятся спортивные состязания и различные митинги. Заглянули в Центральный парк, занимающий огромную площадь - 840 акров. Этот замечательный по красоте парк, как мы узнали, ньюйоркцы после восьми часов вечера не решаются посещать - опасно: тут в это время нередко совершаются тяжкие уголовные преступления - грабежи, насилия, убийства. "Если вы не намерены рисковать своей жизнью или имуществом - лучше не показываться здесь поздним вечером",- доверительно пояснили нам. Впрочем, эти сведения, "ускользнувшие" от авторов рекламных изданий, хорошо известны каждому жителю многомиллионного Нью-Йорка, вовсе не делающему секрета из этой более чем "живописной" биографической детали города.

Видели мы и многое другое, составляющее достопримечательные черты Нью-Йорка, широко раскинувшегося на берегу Атлантического океана.

* * *

Наши гастроли в Нью-Йорке проходили с 4 по 12 октября 1967 года в помещении крытого стадиона Медисон Сквер Гардэна, вместимостью более двадцати тысяч человек.

Должен сразу же с благодарностью отметить, что американские зрители нас поняли, прекрасно принимали, вопреки всем происках многочисленных молодчиков из ультраправых организаций. А эти фашиствующие типы, надо сказать, не очень стесняются в выборе средств для своих гнусных выступлений, руководствуясь, очевидно, самым беспринципным правилом, гласящим, что в борьбе все средства хороши. И чем больший успех имели наши представления у публики,- а успех этот был с самого начала бесспорно велик и возрастал с каждым днем,- тем яростнее и злобнее становились антисоветские выходки, направленные против нас.

Частенько перед входом в здание стадиона пикетировали какие-то развязные субъекты с плакатами, призывавшими зрителей бойкотировать наши представления.

Некоторые из этих типов действовали менее прямолинейно, но не менее подло. Они вручали зрителям, входящим в зал, вроде бы обыкновенные программки. Ничего не подозревавшие люди

брали эти листки, на лицевой стороне которых красовалась обычно физиономия клоуна - программка как программка. И лишь пытаясь узнать из нее характер номеров, которые предстоит увидеть, фамилии исполнителей и прочее, человек вдруг обнаруживал, что в руках у него вовсе не безобидная программка, а грязная антисоветская прокламация. Мы много раз видели, как зрители рвали листовки на клочки, швыряли эту стряпню в урны для мусора, а то и прямо в физиономии пикетчиков.

Тут следует оговориться, что антисоветская пропаганда, к которой прибегают всевозможные правые и ультраправые организации,- а их в США расплодили немало,- конечно же, в какой-то мере делает свое омерзительное дело, отравляет атмосферу, но цели не всегда достигает. В Анагейме однажды наш переводчик, наблюдая суетливую беготню пикетчиков с транспарантами, заклинающими не посещать наши представления, вдруг спросил:

- А вы-то сами видели советский цирк?

- Нет, не приходилось.

- Так сходите. Уверен, что вам понравится...

Пикетчики сперва переглянулись, а потом... Потом один из них решительно свернул свой транспарант. Его примеру последовал второй, третий, и вскоре вся группа - их было более семидесяти - отправилась на представление. Выяснилось, что эти люди просто-напросто зарабатывают пикетированием - боссы платили им по пять долларов в час.

Из этого, конечно, не следует делать скоропалительного вывода о безобидности антисоветских вылазок. И во время тогдашних гастролей, и несколько лет спустя, когда в США выступал наш "Цирк на льду", советским артистам много неприятностей доставляли различные антисоветчики - от берчистов до сионистов из пресловутой "лиги защиты евреев", специализирующейся на самых оголтелых провокациях против советских организаций и граждан.

В Анагейме в день премьеры на манеж и в оркестр берчистами были брошены бомбы со слезоточивым газом. Здесь, к слову сказать, отношение широкой публики к этой фашистской акции было очень красноречиво выражено: свыше шестисот американцев направили всем нам после эпизода с бомбами приглашения на рождественские обеды с традиционной индейкой.

Да и губернатор здешний, стараясь, видимо, сгладить впечатление от этих омерзительных выходок, устроил для нас прием, вручил каждому члену коллектива диплом о том, что он в качестве участника гастролей Московского цирка является

почетным гостем Анагейма. В своей речи на приеме губернатор, извинившись за поведение берчистов, подчеркнул, что они не выражают взгляды страны или даже жителей города Анагейма.

Представители местной общественности в своих выступлениях на этом приеме также заклеймили позором берчистских головорезов, а нам преподнесли памятные подарки-вазы с изображением достопримечательностей города.

Должен заметить, что печать Соединенных Штатов относилась к нам очень доброжелательно, называя нас "Цирком цирков", "Галактикой звезд" и т. д. Газеты, журналы, радио и телевидение не скупились на самые лестные отзывы о наших мастерах - о джигитах Северной Осетии, руководимых Дзерассой Тугановой, о танцовщице на проволоке Нине Логачевой, о воздушной гимнастке Галине Адаскиной, о канатоходцах Лолите и Магомеде Магомедовых, о жонглере на лошади Николае Ольховикове, об акробатах-прыгунах во главе с Владимиром Довейко - буквально о всех участниках программы. С удовлетворением подчеркивая высокий профессиональный уровень наших клоунов, отсутствие в их репертуаре и в манере игры элементов, унижающих человеческое достоинство, рецензенты указывали, что юмор Юрия Никулина и Михаила Шуйдина близок к чаплинскому.

В США хорошо знают и любят иллюзионное искусство, там много любителей-фокусников, состоящих в так называемом "Братстве волшебников". И тем не менее Игорь Кио произвел там большое впечатление, которое автор статьи в журнале "Нью топс" Милбурн Кристофер выразил следующим образом: "Я видел иллюзионистов во многих цирках - здесь, в Египте, Франции, Англии, Японии и многих других странах, но то, что делает Кио, безусловно,- самое яркое зрелище, которое можно увидеть на цирковой арене".

Между прочим, любопытные эпизоды имели место в связи с выступлениями Игоря Кио. Однажды в Нью-Йорке на представлении он раскрыл публике, как делается один из очень старых трюков - распиливание женщины. Зрители восторженно встретили это "разоблачение", они горячо аплодировали, узнав секрет забавного фокуса, который только что смотрели удивленно раскрытыми глазами. В цирке долго не смолкала овация - люди очень любят узнавать, как их в сущности без особого труда ловко и весело дурачит артист.

В тот вечер, кажется, только и разговора было, что об этом распиливании. А назавтра представители здешнего "Братства волшебников" заявили артисту официальный протест. Они, видите ли, усмотрели в данном случае некое разглашение

профессиональной тайны, разглашение, которое может иметь далеко идущие последствия. Ход их рассуждений, видимо, был таков: если каждый иллюзионист раскроет по одному трюку, то в мире не останется вскоре ни одного чуда, ни одного волшебства, что, естественно, повлечет за собой автоматический распад "Братства волшебников", А отсюда, как при распиливании,- ее просто сжигают. Нашему импрессарио мистеру Чалфену очень импонировал этот трюк, и вполне понятно, что сообщение о "сожжении женщины" было в каждой афише, в каждом рекламном проспекте, во всех касающихся наших гастролей сообщениях прессы, радио, телевидения. Между тем все, что так или иначе связано с огнем, встречает в Америке весьма настороженное, подозрительное отношение - там очень опасаются пожаров. (Говорю об этом без тени иромол, рукой подать до еще более существенных социальных потрясений...

Так или иначе, но нам всем, исключая разве Игоря Кио, история эта доставила немало веселых минут.

Вспоминается и другой случай. Есть в репертуаре Кио трюк, где с женщиной обращаются почти столь же эффектно и столь же непочтинии. На мой взгляд, подобного рода деятельное опасение очень похвально). И не случайно представители пожарной охраны повсюду строго-настрого предупреждали наших руководителей и самого артиста об особой осторожности при демонстрации огненного трюка. И повсеместно пожарные предварительно специально просматривали фокус, проверяя силу огня, его высоту и т. д. Пожарные, таким образом, были везде первыми зрителями этого трюка. И, конечно же, они лишь удивленно разводили руками, наблюдая "сожжение". Как-то один из них обратился через переводчика к Юрию Никулину:

- Как же ее все-таки сжигают? Не моргнув глазом, с серьезным, чисто никулинским, выражением лица Юрий Владимирович "авторитетно" пояснил:

-- Очень просто. Мы привезли с собой двести девушек и каждый вечер сжигаем по одной. Сейчас запросили новую партию, специально для Калифорнии.

Надо отдать должное бравому американскому пожарному-он весело расхохотался в ответ, но расспросы о тайнах фокуса прекратил, как по команде брандмейстера. Возможно, он побоялся вызвать рецидив гнева у "Братства волшебников", которое могло ведь, чего доброго, усмотреть в его настойчивых вопросах что- то угрожающее общественному спокойствию...

Высокую оценку американские журналисты дали каждому номеру нашей программы, а уж Гошу они захвалили совершенно безудержно. Мне даже иногда казалось, что это абсолютно непедагогично, но утешало то обстоятельство, что мой питомец, при всей своей сообразительности, так и не научится читать. По-английски, во всяком случае.

И тут мне бы хотелось рассказать читателю об очень любопытном эпизоде биографии моего четвероногого партнера, который вдруг, помимо своей воли, стал участником важного политического события в жизни Соединенных Штатов. Вот как это произошло.

Наши гастроли в США начались, когда в стране уже развернулась подготовка к очередным президентским выборам, намечавшимся на ноябрь следующего 1968 года. И вот через два дня после начала наших гастролей, 6 октября 1967 года, в газете "Нью-Йорк дейль ньюс" была опубликована статья, автор которой в иронической форме обращался к президенту Джонсону и, восхищаясь русским дрессированным медведем Гошей, его умением привлекать и завоевывать публику, предлагал идею

выставить его кандидатуру в вице-президенты.

На второй же день после опубликования заметки, ранним утром, когда мы еще только собирались начать репетицию, в цирк прибыла большая группа корреспондентов с магнитофонами, кино- и телеаппаратурой. Прямо у медвежьих клеток началась импровизированная пресс-конференция. Меня засыпали вопросами о нашей стране, о советских людях, но больше всего - о советском цирке.

Как мог, я старался подробнее обо всем этом рассказать журналистам. Вдруг один из них, наиболее напористый,- высокий, худощавый парень - вплотную пододвинул ко мне микрофон и, в то время как другой нацелился в меня кинокамерой, спросил:

- Скажите, мистер Кудрявцев, как вы смотрите на опубликованное вчера в газете предложение выдвинуть Гошу кандидатом в вице-президенты?

Я отрицательно покачал головой:

- Не согласен.

- А почему вы этому противитесь? - тотчас же последовал очередной вопрос.

- Потому,- ответил я,- что в Соединенных Штатах государственных деятелей нередко убивают. А Гоша мне очень дорог. К тому же он доставляет людям удовольствие, радость. Пусть лучше живет и работает.

Не задав больше ни одного вопроса, корреспонденты собрали свои аппараты и молча удалились.

В общем, как я уже говорил, работники печати США относились к нам хорошо. Но и среди них были люди, старавшиеся при каждом удобном и неудобном случае как-то ужалить нас. Один такой тип, довольно хорошо говоривший по-русски, брал у меня однажды интервью. Но как? Будто не интервьюировал, а допрашивал. Частенько после своего вопроса он строго добавлял:

- Говорите только правду!

Он вел двойную запись моих ответов - в блокнот и на магнитофонную ленту. Сперва расспросил о делах цирковых - о медведях, о принципах дрессуры и т. п. А вскоре перешел на проблемы от цирка весьма далекие.

- Как вы расцениваете войну во Вьетнаме?

- Помогают ли советские профсоюзы трудящимся?

- Кто из вашего коллектива состоит в КПСС?

На все эти вопросы я дал ему довольно исчерпывающие и недвусмысленные ответы, которые он, как мне показалось, чрезвычайно кратко заносил в блокнот, особенно, когда я сказал,

что каждый из нас считает себя душой, сердцем принадлежащим Коммунистической партии.

...Я внимательно следил за всеми материалами о нашем цирке, появившимися в печати США. Этого интервью мне так и не удалось обнаружить. Полагаю, что оно по сей день не увидело света.

Окидывая сейчас мысленным взором эту гастрольную поездку, ставшую уже далеким прошлым, вспоминая десятки провокационных враждебных вылазок против нас, артистов, единственная "вина" которых состояла в том, что мы все стремились достойно представлять свою великую страну, наилучшим образом демонстрировать советское искусство цирка, уверенно занимающее главенствующее место в мире,- вспоминая обо всем этом, не могу не думать с теплым чувством о многих фактах изъявления нам искренней симпатии, самого сердечного расположения. В наш адрес поступали сотни писем, авторы которых не только выражали негодование и горечь по поводу злобных действий разномастных фашиствующих элементов, но и настойчиво, с подкупающим чистосердечием приглашали нас в гости. По мере возможности мы принимали эти приглашения, но, разумеется, далеко не всеми мы могли воспользоваться - время наше было очень уплотнено: спектакли, репетиции, уход за животными, наконец, частые переезды оставляли нам крайне мало свободных часов. И все же иногда удавалось выкроить свободный вечер, чтобы отозваться на эти, повторяю, весьма настойчивые приглашения.

Особую радость доставляли наши посещения молоканам*-выходцам из России. К нашему приходу они обычно готовились как к большому празднику. Принимали нас они с непередаваемым гостеприимством, стараясь получше, повкуснее угостить всевозможными русскими блюдами с непременным ароматнейшим борщом, уже один запах которого будто переносил нас в родные края... Подолгу длилось, бывало, это широкое, непринужденное застолье, с русскими песнями, веселыми, а порой исполненными тихой грусти, с разудалыми плясками и с бесконечными расспросами о нашей стране, ее людях, о новой жизни, которой она живет. Нет, вовек не забыть мне взволнованные лица этих славных людей, их щедрую ласку, добрые, милые слова, которыми они, прощаясь, нас одаривали со слезами на глазах.

*(*Христианская религиозная секта.*)

* * *

Во время гастролей наш дружный коллектив преодолевал многие трудности объективного и субъективного характера.

Начать хотя бы с того, что спектакли проходили не в цирках-Америка вообще не знает цирковых стационаров-а в крытых стадионах, то есть в зданиях, не приспособленных для представлений. В каждом городе на подготовку к премьере нам отводили всего один день, в течение которого нужно было создать и оборудовать манеж, подвесить аппаратуру, провести репетицию со светом, то есть проинструктировать местных электриков, как освещать каждый номер - это очень существенная часть всей постановки.

Другим важным составным элементом спектакля является музыка. А ведь с нами был только собственный дирижер, оркестрантов же повсюду приглашали местных. Значит, необходимо было каждый раз заново репетировать музыкальное сопровождение.

Наконец, крайне важна была репетиция для униформистов, тех ближайших помощников артистов, которые выносят на арену, устанавливают и потом убирают реквизит и аппаратуру. Их тоже в каждом городе набирали заново, и всю эту большую группу людей приходилось всякий раз в крайне сжатый срок вводить в курс дела, тщательно инструктировать, знакомить со всеми деталями сложного циркового спектакля.

К тому же каждый из нас должен был сам постоянно быть в форме. И мы нигде не теряли драгоценного времени. Пока рабочие оборудовали манеж, готовя его к общей репетиции, все мы репетировали кто где мог: прыгуны и все остальные участники спортивно- акробатических номеров занимались прямо на асфальте, дрессировщики на конюшне упражнялись со своими питомцами. При этом все артисты друг другу охотно и старательно помогали. Ведь в нашем деле, особенно в тех условиях, в каких мы тогда находились, взаимная выручка имеет решающее значение.

В непрестанных хлопотах, настойчивых тренировках и усиленных репетициях проходил всегда первый день на новом месте. А через 4-6 дней мы заканчивали тут работу, грузились, переезжали в очередной город, чтобы немедленно снова - в который раз!-все начинать сначала-"подвеску аппаратуры, репетиции с оркестром, осветителями, униформой...

Свободного времени у нас оставалось мало. И многого из того, что хотелось бы посмотреть в этой большой стране, нам так и не удалось увидеть. И все-таки с этой поездкой у каждого из нас связано много воспоминаний.

На мой взгляд, самое захватывающее из американских достопримечательностей - это Диснейленд, своеобразный сказочный город, о котором советским читателям хорошо

известно, так как написано о нем очень много. И мне нет нужды повторять это. Позволю себе только горячо посоветовать тем из моих читателей, которым доведется побывать в США, в частности, в Калифорнии, непременно посетить этот чудесный уголок Америки, совершить путешествие по земле, воздуху, воде и под водой фантастического города.

Наша группа около восьми часов осматривала Диснейленд, но усталости никто не чувствовал, настолько это было живо, интересно, увлекательно.

Были мы и в Голливуде, где ознакомились с новейшей техникой киносъемок, всевозможными очень искусно выполненными декорациями, добротными павильонами и т. д.

Предмет особых забот американских кинопромышленников составляет создание приключенческих, так называемых ковбойских фильмов. Нам были показаны съемки некоторых эпизодов картин подобного рода, в частности, тренаж драки ковбоев в баре. Надо сказать, что такие сцены - драки, перестрелки, убийства- в Голливуде, как правило, снимают со множеством тщательно смакуемых отвратительных садистских подробностей. Так, например, в эпизоде, который нам показали, несколько бутылок было вдребезги разбито о головы актеров. Бутылки, разумеется, были бутафорские, сделанные из специального пенопласта, который "пострадавшим" никакого вреда не приносит. Но, наблюдая поразительную "жизненную достоверность" этой сценки, я думал о другом вреде такого искусства - о его растлевающем влиянии на душу зрителя, особенно молодого, который вольно или невольно станет, так сказать, перенимать опыт удачливых драчунов, безжалостных гангстеров, суровых шерифов, умеющих с первого удара, с первого выстрела отправить противника к праотцам...

Показали нам и такую сцену. Преследуемый полицейскими гангстер взбирается на третий этаж. И в тот момент, когда ему уже кажется, что он счастливо избежал опасности, пуля одного из преследователей попадает ему прямо в сердце. И безжизненное тело с большой высоты падает наземь...

Для съемки падения исполнителя был использован батут - пружинящий цирковой снаряд. Потом, разумеется, момент приземления актера в батут из ленты будет вырезан, а его место займут кадры с распростертым на земле мертвым телом гангстера.

Наблюдая данную сцену, я поймал себя на мысли, что этому мастерскому прыжку в батут могут позавидовать иные артисты цирка - батутчики. Но тут же я понял, что вывод этот не обоснован: конечно же, на роль гангстера был приглашен

цирковой актер.

Этот своеобразный город-студию оборотистые бизнесмены используют с большой выгодой. Его посещают многие туристы, которых привлекает возможность воочию увидеть всякие киночудеса, вроде тех, о которых я только что рассказал, поглазеть на гримировочные уборные кинозвезд и их костюмы, на павильоны, декорации, различное оборудование,- одним словом, познакомиться с "кухней" кинопроизводства.

Между прочим, прежде чем ступить на территорию собственно студии, посетитель попадает в некий киномузей, где собраны разнохарактерные экспонаты, относящиеся к созданным тут фильмам, всевозможные киноатрибуты. В их числе неподвижно стоящая фигура человека, одетого в черную фрачную пару, но вместо головы у него... череп. Обыкновенный череп с оскаленными зубами и пустыми впадинами глазниц. Если какой-нибудь посетитель, бредя по залу, оказывается рядом, срабатывает релейный механизм, и "мертвец", подняв руку, кладет ее на плечо туриста, будто обнимая его...

Говорят, что этот "дружеский жест" нередко приводит к истерическим вскрикам, а то и к обморокам посетителей. Поистине - искусство требует жертв, а уж бизнес и подавно!

Запомнилась мне еще одна калифорнийская экскурсия - в Маринеланд, где в трех бассейнах, окруженных скамьями для зрителей, демонстрируются дрессированные морские львы, киты и дельфины. Животные поражают синхронным выполнением массовых трюков и тем, что дрессировщик управляет ими по радио. По- моему, это высшее достижение в дрессуре обитателей моря.

Кроме гастрольных пунктов, мы побывали также в Чикаго и Вашингтоне.

Замечательный праздник нашего народа - 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции - застал нас в Филадельфии. Там, вдали от Родины, наш небольшой сплоченный коллектив после представления торжественно и радостно, хотя со щемящим чувством тоски по родной земле, тоски особенно острой в такие вот дни, отметил праздник.

Никогда не забуду залитый ярким светом громадный филадельфийский спортивный зал, в котором проходили наши гастроли, с накрытыми столами вокруг манежа и с пустующими зрительскими местами. Все мы после спектакля быстро разгримировались и переоделись. В приподнятом настроении уселись за столы и после краткой поздравительной речи руководителя поездки В. И. Пахомова в едином порыве встали, подняв бокалы за нашу далекую, но всегда такую близкую страну.

И даже в такой знаменательный праздник враги омрачили наше настроение, выключив свет во всем зале и высветив только американский флаг. Утром американский флаг оказался изорванным. Нас старались обвинить в том, что это мы его изорвали, якобы в отместку. Более нелепую выдумку трудно изобрести.

Король манежа

Вернувшись с американского континента, я после кратковременного отдыха включился в программу Московского цирка "Всегда в пути". Выступление в Москве, на главном манеже страны, считается у нас, артистов цирка, самым почетным. И я был очень горд, что удостоился этой высокой чести...

Работалось в столице очень хорошо. У меня, как и у всех моих товарищей, было приподнятое, боевое настроение. Еще бы, все мы в ту пору готовились отметить предстоящее в 1969 году пятидесятилетие советского цирка новыми творческими достижениями.

Снова забегая несколько вперед, скажу, что этот юбилей явился выдающимся культурным событием. Мы все удостоились высокой чести: Союзгосцирк получил высшую награду Родины -

орден Ленина. Орденом Трудового Красного Знамени было награждено Государственное училище циркового и эстрадного искусства. Пяти самым выдающимся нашим мастерам - И. Бугримовой, Е. Милаеву, О. Попову, М. Румянцеву (Карандашу) и В. Филатову было присвоено почетное звание народных артистов СССР. Большая группа удостоилась почетных званий народных и заслуженных артистов республики (эту честь в числе других оказали и мне), заслуженных работников культуры РСФСР.

Еще до окончания программы "Всегда в пути" я был приглашен участвовать вместе с Гошей в создании кинофильма "Король манежа".

Режиссер Юрий Чулюкин задумал сделать картину из цирковой жизни, взяв за основу рассказ "Тедди". Вместе с автором рассказа - писателем Юрием Казаковым - они написали сценарий, главным действующим лицом сделав циркового медведя Гошу.

Сценарий резко отличается от рассказа: изменено было не только имя основного героя - значительно изменен был сам характер медведя, по-иному обрисованы его взаимоотношения с дрессировщиком. В рассказе, например, медведь не любит дрессировщика, а в сценарии он наделен многими чертами моего питомца и к дрессировщику Коле привязан так же, как Гоша ко мне.

Не стану пересказывать содержания картины, дело это самое неблагодарное. Хочу лишь заметить, что в "Короле манежа" Гоше надо было сыграть свою самую большую роль в кинематографе. В самом деле, "Король манежа" целиком держится на Гоше. Тут совершенно недостаточно было отснять его трюки - медведю надо было играть, актерски играть: быть грустным и веселым, гневно-возбужденным и лирически задумчивым, порой испуганным, иногда разочарованным, переплывать реку, сражаться со своими противниками и т. д.

Почти что в родных краях. Эпизод во время съемки фильма 'Король манежа'

Одним словом, ему предстояло передать множество тончайших, очень сложных психологических нюансов, душевных переживаний своего героя. И я, признаться, поначалу даже отказался от нашего с Гошей участия в фильме, опасаясь, что это нереально, что такая роль не под силу животному, особенно медведю. Тут следует учесть вот какое обстоятельство. У льва или тигра бывают разные, так сказать, выражения лица. Иногда оно благодушно-спокойное, иногда хищное, порой - взбешенно-свирепое и т. д. Медведь же внешне всегда одинаков, по выражению его морды крайне трудно, почти невозможно определить его настроение. Природа снабдила его обликом чрезвычайно коварным, сбивающим с толку, он всегда кажется нам ласково-добродушным,

Но, как выяснилось, опасения были напрасны. Скажу без ложной скромности: Гоша успешно выдержал этот самый сложный кинематографический экзамен, несмотря на все трудности.

А их было немало, помимо собственно актерских, о чем сказано выше. Так, если не считать самых первых трех - четырех недель своей жизни, Гоша никогда не видел леса, не имел о нем никакого представления. Как же он поведет себя тут, ведь вся основная часть действия чуть ли не улыбающимся. картины происходит в лесу, не взыграет ли инстинкт, не вздумается ли ему сбежать, чтобы навсегда остаться в родной стихии, давшей ему жизнь?

Но и эти опасения были напрасны - Гоша был, что называется, на высоте.

Очень большую трудность представляло собой обеспечение техники безопасности. Зверь есть зверь, и пренебрегать этим обстоятельством было бы преступным легкомыслием. Между тем съемки, длившиеся несколько месяцев, происходили в разное время года и в различных географических средах. Они начались в Московском цирке на Цветном бульваре, продолжались в лесах Подмосковья и павильонах "Мосфильма", на реке Унже за Костромой, затем в окрестностях Ялты, Алушты, Симферополя и завершились на искусственном море под Львовом. При таких условиях перевозка вольеров и соответствующее надежное ограждение участков съемки - дело необычайно трудоемкое, требующее к тому же очень много времени. А нашей группе приходилось работать форсированными темпами, так как нам с Гошей предстояла вскоре новая поездка за рубеж. Вспоминаю сейчас об этом единственно для того, чтобы подчеркнуть, что техника безопасности в некоторой части лежала на совести Гоши. И могу с удовлетворением сказать, что и в этом смысле совесть его оказалась совершенно чистой.

Правда, со всей откровенностью должен заявить, что в одиночку я не в силах был бы справиться со столь сложной задачей. Решить ее удалось благодаря энергии, находчивости и очень разумной распорядительности постановщика картины Юрия Степановича Чулюкина.

Еще одна трудность была в том, что я впервые в жизни играл в этом фильме основную роль - дрессировщика Колю. К тому же читатель, вероятно, догадывается, что во время съемок любого эпизода с Гошей я непременно должен был находиться рядом в полной готовности к любым неожиданностям. Поэтому мне то и дело приходилось свой рабочий костюм менять на одежду изображаемого мною персонажа и, наоборот,- сняв костюм Коли,

быстро переоблачаться в собственные куртку и брюки, привычные и удобные, не мешающие движениям. Да и само понятие "находиться рядом" в данном случае следует понимать довольно условно: ведь фильм широкоформатный, следовательно, снимали его одновременно несколькими камерами. И если бы я был в непосредственной близости к Гоше, то мог, как говорят кинематографисты, попасть в кадр. А это, разумеется, ни к чему.

Кадр из фильма 'Король манежа'

В самой киногруппе вначале относились к Гоше настороженно: зверь все-таки. Снимали его в пробных эпизодах с намордником, а к одной из задних лап был пристегнут тросик, чтобы в случае необходимости оттащить медведя. Этот тонкий, но очень крепкий металлический канатик однажды спас нашего четвероногого киноактера, когда он во время съемок увяз в болоте и стал тонуть. С помощью тросика мы его вытащили на сушу.

Между прочим, свою роль Гоша принял с удовольствием: ему ведь на съемках очень часто перепадали всякие вкусные вещи. Есть в фильме сценка, когда медведь попадает к сплавщикам леса, вернее, в их избушку на плоту, привлеченный исходящим от нее вкусным запахом. По сценарию, Гоша должен был сперва заглянуть в окошко, потом, протиснувшись через дверь в избушку, торопливо подойти к столу, на котором вдруг обнаруживает полный чугунок картошки, и тут же ее съесть. Эту сценку по разным причинам снимали не менее десяти раз. И Гоша безропотно, усердно повторяя каждое движение, каждый жест, с большим удовольствием опустошал чугунок,

Но особенно ему пришлись по душе съемки сцены, в которой они вместе с Колей празднуют присвоение дрессировщику звания заслуженного артиста. Тут Гоша прямо-таки превзошел себя, что называется выкладывался. Он съел ведро супа и столько же манной каши, пил вино, словом, пиршествовал вовсю настолько, что на следующий день съемку пришлось отменить: медведь, закрыв глаза, лежал с туго набитым брюхом и тихонько стонал. Видать, переусердствовал накануне...

Спустя девять месяцев после начала съемок "Король манежа" вышел на экран. Это был, по-моему, симпатичный подарок к пятидесятилетию советского цирка. И зрители, и печать положительно оценили картину. И мне это доставило большое удовлетворение. Очень порадовало, что Гоша мой был особо отмечен. Так, рецензия на фильм в нашем профессиональном журнале "Советская эстрада и цирк" даже самим заголовком прямо выражала ему одобрение. Статья так и называлась: "И на манеже и на экране - молодец!" Вот что в ней отмечалось:

"Мы, зрители, ни на секунду не замечаем "руку" Кудрявцева, мы теряем ощущение сыгранности на экране и принимаем закадровый голос актера, раскрывающий "мысли" животного, за подлинный "духовный мир" медведя, мы сопереживаем".

И дальше критик пишет: "В задачу фильма не входило раскрытие секретов дрессуры, и остается поражаться поистине неисчерпаемым возможностям победы человека над зверем".

Заканчивается рецензия так: "Очень жаль, если этот чудесный медведь скоро покинет арену, покинет нас, зрителей, так щедро аплодирующих ему. Возможно, мы не скоро увидим такое яркое дарование, как Гоша. А фильм о нем будет жить".

После выхода картины на экран и студия "Мосфильм", и режиссер Ю. С. Чулюкин, и я получили множество писем от самых

различных людей, делившихся с нами своими мыслями, навеянными "Королем манежа". Одни интересовались деталями профессии дрессировщика, другие спрашивали, где можно научиться этому делу. Но больше всего было вопросов о дальнейшей судьбе медведя - героя фильма, о том, что с ним стало, нашелся ли он наконец?

"Разрешите приехать к Вам во время каникул,- писала мне группа школьниц из Ижевска,- чтобы помочь найти нашего любимого Гошу".

В этом потоке писем одно показалось мне особенно интересным, и я позволю себе познакомить с ним читателей. Автор его, жительница Харькова Татьяна Бонд, пишет: "С того времени, как я прочла Вашу книгу "На арене Гоша" (1965 г.), я с большой любовью отношусь к Вашему Гоше и с чувством глубокой симпатии и признательности к Вам за Ваше бережное и доброе отношение к нему.

На днях мы посмотрели фильм "Король манежа". Гошу я, к сожалению, никогда не видела на арене. В цирке я бываю очень редко, дрессированных животных никогда не смотрю. Мне кажется, что в дрессировке есть жестокость. Недаром Вы сами пишите, что слово "укротитель" Вам глубоко антипатично, значит, Вы меня поймете. Как мы ждали фильм с Гошей в главной роли! С каким восторгом шли на него! И какое разочарование, более того, горечь! Ну зачем Гошу - милого, радостного мишутку сняли так! Он, безусловно, чудесно "играет", снят фильм прекрасно, но к чему эта горькая сентиментальность? Почему у нас боятся счастливого конца? Если уж постановщики и Вы решили показать, согласно рассказу "Тедди", что Гоша остается на воле, которой он, кстати, не хотел, так как привык к людям, то зачем же этот безнадежно грустный конец? Театр, где демонстрировался фильм, огромный, зрителей было очень много, и на лицах всех, кого я видела (а я специально наблюдала), были грусть и разочарование".

Думается, что автор письма ошибается в самом главном, самом принципиальном. Ведь если картина вызывает у большинства зрителей такую душевную боль за Гошу, значит, она пробуждает в людях самые светлые, самые добрые, гуманные чувства, укрепляет их любовь к животным, к "братьям нашим меньшим", как выразился Сергей Есенин. Этого-то и добивался наш творческий коллектив. Нам хотелось, чтобы зритель, пусть даже со щемящей болью в сердце, но непременно вышел из кинозала более просветленным, душевно более чистым, чем вошел в него - ведь именно в этом, думается мне, высокое предназначение настоящего искусства. И пусть зритель

обязательно задумается над участью бессловесных животных, так или иначе сопутствующих каждому из нас всю жизнь.

Выступление перед земляками в кинотеатре 'Россия' после просмотра фильма 'Король манежа', г. Ижевск

Добродушный увалень?

Очень широко распространено представление о медведе как о безобидном, добродушном увальне, чуть ли не домашнем животном. Таким он изображается во многих литературных произведениях. Таким он воспринимается малышами, когда их угощают вкусными конфетами "Мишка" или когда им рассказывают сказки, где медведю обычно отводится роль разумного, справедливого существа, всецело преданного человеку. Представление это, не имеющее под собой никакой почвы, не только глубоко ошибочно, но и чрезвычайно вредно, так как сплошь и рядом порождает беспечность, особенно у детей, нередко чреватую очень тяжелыми последствиями.

Иногда несчастья происходят даже с опытными, знающими людьми. В пятидесятых годах семья артистов советского цирка была потрясена трагической гибелью на манеже во время представления заслуженного артиста Литовской ССР А. Кличиса. Он стал жертвой своего любимого медведя Андрика, которого воспитывал, как говорят, с пеленок и с которым выступал ни много ни мало - двенадцать лет.

Даже в моей сравнительно еще небольшой практике были настораживающие случаи. Однажды в Хабаровске, когда шло уже наше выступление, я за кулисами внезапно получил от Гоши сильный удар лапой. Упав на пол, я тут же был подхвачен им и стиснут в железных объятиях. Неизвестно, чем бы завершилось это, не услышь он в то же мгновение пронзительный женский крик:

- Не смей, Гоша, сейчас же пусти!

Моя жена, хоть и была напугана, но не потеряла присутствия духа и громко крикнула на зверя, зная, что он, как все медведи, довольно-таки пуглив. Услышав ее резкий возглас, Гоша оставил меня и кинулся на манеж. Там он быстро схватил самокат и начал кружить по арене, демонстрируя ничего не подозревавшей публике трюк за трюком. Он работал исключительно четко и легко, видимо, чувствуя вину за только что совершенный проступок, едва не закончившийся катастрофой.

Вот другой, куда более тяжелый случай. Во время школьных каникул в 1974 году в числе большой группы артистов цирка и эстрады я участвовал в представлении в Московском Дворце спорта в Лужниках. Работали мы, как всегда в такое время, много и напряженно. Когда наступил последний день, решено было после заключительного представления устроить товарищеский ужин для всего коллектива. Так и сделали. Порядком уставшие,

но с чувством успешно выполненной серьезной работы уселись мы в тот поздний зимний вечер за длинный, хорошо сервированный стол.

Было весело и шумно. Кто-то предложил тост за нас, цирковых. С тем же добрым чувством наши товарищи подняли бокалы за друзей-эстрадников. И тут одна из них вдруг воскликнула:

- А отдельно предлагается тост за чудесного, талантливого медведя Гошу!

Все дружно захлопали в ладоши.

А через каких-нибудь пять минут раздался чей-то взволнованный возглас:

- Кудрявцев! Скорее за кулисы, беда!..

Я и два моих ассистента бросились за кулисы.

Оказалось, что той самой молоденькой артистке, предложившей тост за Гошу, взбрела в голову идея тотчас же побаловать Гошу. Она подбежала к его клетке и, схватив лежавший тут же пучок моркови, просунула руку, намереваясь угостить медведя.

- Гоша, Гошенька милый!- расчувствовалась девушка.

Медведь поднялся и подошел. Тут, видимо, его обостренного обоняния коснулся еле уловимый алкогольный запах. А надо сказать, что в отличие от всех остальных животных, которые совершенно не выносят спиртного (на этой почве не раз происходили очень серьезные, даже трагические случаи), медведи совсем не прочь выпить. Видимо, решив, что его собираются угостить вином, он потянулся к руке артистки, но не обнаружив в ней желанного напитка, яростно укусил ее. Так крайне неосмотрительное и весьма неуместное угощение привело к катастрофическому исходу: молодая, совсем недавно вступившая на путь искусства артистка лишилась кисти правой руки...

Как видите, представление о мишках как об этаких безобидных увальнях весьма далеко от истины.

Хочу оговориться, что Гоша действительно отличается от других медведей известным добродушием. Но это качество следует понимать очень и очень условно: у "добряка" этого, как и у всякого зверя, зубы и лапы всегда начеку. А многие, не понимая столь простейшей истины и движимые лучшими побуждениями, то и дело норовят погладить его или похлопать по спине.

Во время погрузки или разгрузки животных обычно собирается толпа, среди которой обязательно находится один, а то и несколько "смельчаков", пытающихся просунуть руку в Гошину клетку, чтобы приласкать его, потрепать лоснящуюся шерсть. И люди часто обижаются на меня и других работников

цирка, категорически запрещающих эти неуместные изъявления добрых чувств.

Находятся и такие, что пытаются нас вразумить и объясняют мне:

- Ничего нам медведь не сделает, вы не бойтесь... Он же дрессированный, да к тому же очень добродушный...

Теперь хочу предложить вниманию читателя другой эпизод, который завершился счастливо, лишь благодаря смелости и энергии одного из наших самых мудрых и опытных дрессировщиков. Несколько лет назад, теплым летним днем, жители западногерманского города Штутгарта были ошеломлены: средь бела дня на быстро мчащемся мотоцикле, крепко сжимая руль, прочно восседал... медведь. Громадный бурый медведь, обитатель далекой сибирской тайги, как ни в чем не бывало ехал по самому центру большого европейского города, будто торопясь по какому-то неотложному делу. Оторопевшие водители резко останавливали автомашины, полицейский на перекрестке замер от удивления, весь транспорт остановился.

Однако очень скоро лохматого мотоциклиста обогнал какой-то автомобиль. Из него выскочили трое мужчин, и один из них повелительным жестом указал медведю левый поворот. Тот резко переложил руль влево и тут же шлепнулся на мостовую. Двое мужчин тотчас же схватили зверя за поводок, болтающийся на его шее, усадили в автомобиль и умчались. А третий уселся на мотоцикл и, оставляя за собой узенький шлейф прозрачно-голубоватого дыма, быстро уехал.

Что же произошло? А вот что. Во время очередной репетиции один из питомцев знаменитого советского дрессировщика, народного артиста СССР Валентина Ивановича Филатова, полностью завершив весь комплекс упражнений, как всегда, после команды "домой!", уехал с манежа за кулисы. Но тут он заметил, что ворота на улицу почему-то раскрыты (впоследствии выяснилось, что в это самое время разгружали реквизит и аппаратуру). Не долго думая, медведь выехал на залитую солнцем улицу и...

И далее произошло все то, что описано выше.

Кончилась эта история самым неожиданным образом. Утром следующего дня Валентина Ивановича пригласили в полицейское управление, где старший чиновник в присутствии своих коллег торжественно заявил:

- Господин Филатов, вчера вечером в цирке ваши медведи покорили всех своим беспримерным мастерством на манеже. Но то, что случилось перед тем на улице,- превыше всего,

С этими словами он вручил артисту для его медведя

водительские права международного класса.

Размышляя над этим случаем, я с восхищением думаю об энергии и молниеносной реакции, которыми обладал В. И. Филатов. Только благодаря этим, исключительно важным чертам, присущим непревзойденному мастеру, все тогда обошлось благополучно.

Прошу читателя простить мне это мрачное, но очень, по-моему, необходимое отступление. Я считаю своим долгом, обязанностью каждого, кто так или иначе имеет отношение к хищным зверям, всячески развенчать миф о добродушии медведей. И чем скорее будет покончено с этим мифом, тем лучше будет и для зрителей, и для артистов.

Гошино житье-бытье

И зрители, и товарищи по профессии нередко интересуются, почему мои медведи так великолепно выглядят. У них холеный, довольный вид, а главный мой питомец - Гоша - прямо-таки блестит.

- В чем тут секрет? - обычно спрашивают меня.

Разумеется, никакого секрета здесь нет. Все дело в бережном отношении к животным, внимательном уходе за ними. Не мне - сравнительно молодому дрессировщику - поучать других, но все-таки замечу, что иной раз, наблюдая медведей на арене, я испытываю горечь и досаду. Неопрятные, со свалявшейся шерстью, они, право же, вызывают чувство жалости. И мысленно представляешь себе, в каких незаслуженно скверных условиях содержатся эти честные работяги. Нетрудно понять, что живут они в маленьких, тесных клетках, куда очень затруднен доступ света. И о питании их можно строить лишь самые невеселые предположения.

Мои звери живут в просторных, светлых клетках. Повсюду, куда забрасывает нас кочевая артистическая жизнь, мы стараемся устанавливать их таким образом, чтобы животные были обеспечены в достаточной мере дневным светом и солнцем. За этим мы следим очень тщательно.

Медведи ежедневно зимой и летом получают к своему великому удовольствию душ из брандспойта.

В дневной рацион Гоши входят следующие продукты:

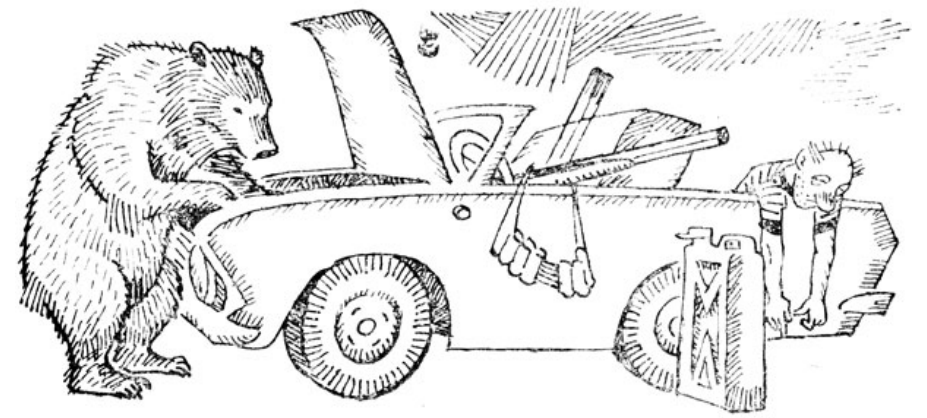
Хлеб	4 килограмма
Овощи	4 килограмма
Яйца	5 штук
Каша или мясной бульон	полведра
Молоко	2 литра
Фрукты	3 килограмма
Мед	100 граммов
Сахар	100 граммов
Костная мука, мел и соль	по 10 граммов
Рыбий жир (зимой)	50 граммов

Продукты Гоши

Смею уверить, что условия обитания, то есть добротная, просторная клетка, разумные санитарно-гигиенические нормы, разнообразная, вкусная и обильная пища - все это, вместе взятое, приводит к тому, что животные обычно находятся в хорошей форме и отличном рабочем состоянии.

Такие условия обеспечивают также максимальное долголетие. Специалисты утверждают, что бурые медведи могут жить даже до пятидесяти лет. Мой питомец, таким образом, имеет шансы пожить еще и в следующем, двадцать первом веке. От всей души желаю ему этого.

Готов новый номер



Мы с Гошей продолжаем настойчиво трудиться на излюбленном поприще. Я уверен, что Гошины "способности" далеко не исчерпаны для искусства, и то, чем он сегодня так восхищает зрителей, может быть намного превзойдено. В этой мысли меня уверили очень многие товарищи-дрессировщики и артисты других жанров, не первый год наблюдавшие моего четвероногого партнера, знающие его слабые и сильные стороны. Признаюсь, я с опаской вынес на их суд основу нового замысла - посадить Гошу за руль автомобиля. Боялся, что не получу у друзей поддержки, что затея моя покажется им абсурдной и будет отвергнута начисто. Но, к величайшему моему удовлетворению, товарищи горячо поддержали этот проект, помогли разработать его в деталях, многое мне подсказали. В итоге эта идея была облечена в стройную систему, превратилась в осуществленный замысел.

Вот как примерно выглядит эта сценка, в которой главная роль отводится Гоше.

На арену, представляющую собой полянку, выезжает небольшой грузовик. Свой круг по манежу он совершает как-то очень неверно, будто пьяница, идущий нетвердой походкой. Когда, наконец, машина останавливается, из кабины водителя вываливаются два охотника, судя по их поведению, изрядно уже хлебнувшие спиртного. Примостившись у валяющегося на поляне бревна, оба молодчика решают продолжить начатую где-то раньше попойку. Из сумки извлекаются бутылка и две рюмки. Выпили раз, другой. Дальше - больше...

Так и не успев поохотиться, пьяницы тут же засыпают, разбросав вокруг свое снаряжение. Внезапно на поляне появляется Гоша, бредущий на четвереньках. Он подозрительно рассматривает неожиданно открывшуюся его глазам картину, становится на задние лапы, всем своим видом выражая полнейшее недоумение. Потом, схватив лежащее на земле ружье, начинает целиться в одного из охотников, который на это, разумеется, никак не реагирует. Безнадежно махнув на него лапой и откинув ружье, медведь взваливает охотника себе на спину и несет к грузовику, собираясь уложить его в кузов. Но этому мешают беспомощно болтающиеся руки и ноги пьянчуги. Приходится уложить его на землю. Подобрав валяющуюся тут же веревку, медведь опутывает руки и ноги охотника. Затем, достав из машины доску, прислоняет ее, будто трап, к борту грузовика и начинает "кантовать" спящего наверх в кузов. При этом происходит несколько смешных трюков, буффонадных положений.

Между тем очнувшийся от сна второй охотник, увидя, что происходит с его дружком, панически удирает, куда глаза глядят, а медведь, погрузивший наконец охотника в кузов, приходит от этого в восторг - сам себе аплодирует, катается по манежу, смешно задирая лапы, делает кульбиты...

Сделав очередной кульбит, Гоша оказывается рядом с бревном, на котором осталась закуска. Медведь аппетитно принимается за это неожиданное угощение, быстро с ним управляется. Потом, аккуратно собрав все снаряжение охотников, беспорядочно валяющееся на поляне, швыряет его в кузов, а сам деловито забирается в кабину шофера.

Машина, однако, не трогается с места, завести ее зверю не удается. Он вылезает из кабины и пытается ручкой завести мотор. Но и так не получается. Тогда, достав из кузова канистру, Гоша заливает в бак бензин, после чего ему удается стартером завести машину. Описав два круга по манежу, автомобиль останавливается при сильном выхлопе глушителя.

Теперь медведь, опять выйдя из кабины, поднимает капот и осматривает мотор, меняет свечи.

В ходе этой сценки Гоша совершает множество сложных интересных трюков, в частности, балансирование на переходной лестнице, во время которого зверь держит на голове перш, а на его вершине - большого пестрого петуха. Сценка эта во многом была изменена, но большинство трюков, приведенных тут, Гоша умело выполняет.

Добрый сюрприз

Итак, мой четвероногий партнер демонстрирует вождение автомобиля настолько успешно, что он, пожалуй, смог бы посостязаться не только с любителями-автомобилистами, но и кое с кем из профессионалов. Ведь на всех этапах управления машиной его действия достигают того высшего уровня, который носит выразительное название автоматизма.

И тут я, значительно забегая вперед, не могу не поделиться с читателем еще одним примечательным, на мой взгляд, фактом из Гошиной биографии, который произошел осенью 1975 года, когда я гастролировал в Ижевске (все самое лучшее в моей жизни так или иначе связано с родной Удмуртией),

На приеме у Гоши федеральный канцлер Бруно Крайский. Австрия, 1975 год

А случилось тогда вот что.

Осенне-зимний сезон 1975-1976 годов в Ижевском цирке открылся 19 сентября. Публика в тот теплый вечер до отказа заполнила цирк. И, кажется, все номера обширной, разнообразной программы имели большой, шумный успех у зрителей. И, да не сочтется это нескромностью, мой Гоша тоже не ударил лицом в грязь. Его выступление было очень азартным, живым и веселым. Недаром оно проходило под сплошные, почти не прекращающиеся рукоплескания. А под самый конец, когда

инспектор манежа обычно оповещает: "Представление окончено! Спокойной ночи!", вдруг столь же громко и торжественно прозвучало:

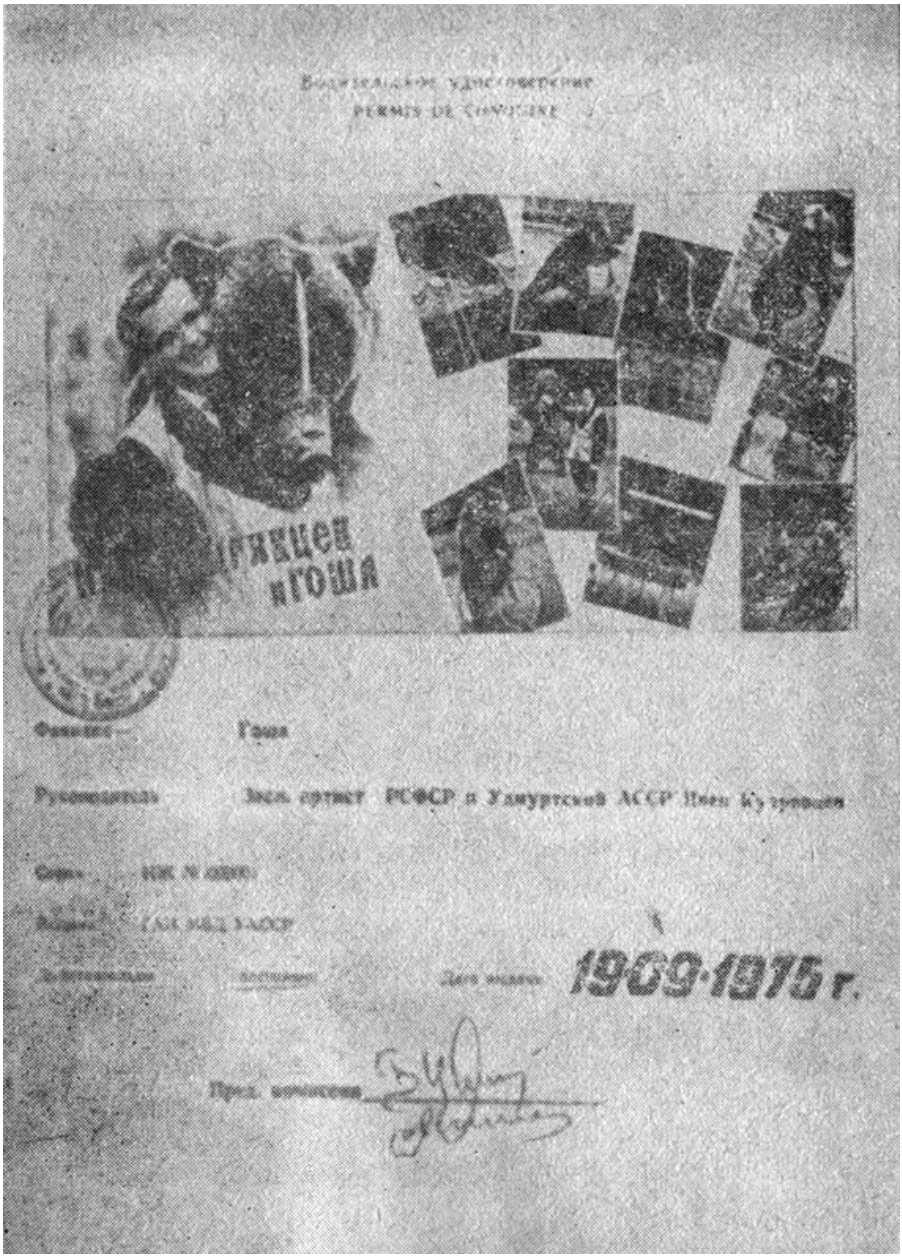
- Товарищи, просьба: всем оставаться на своих местах.

И тут на манеже вдруг появилась миловидная стройная девушка в строгой и элегантной форме лейтенанта милиции. То была сотрудница Государственной автоинспекции Татьяна Осетрова. В руках она держала большую красную папку.

- Мне доставляет большое удовольствие вручить здесь, в вашем присутствии, товарищи, вот этот документ...

И, раскрыв красную папку, она отчетливо прочитала:

"**Водительское удостоверение**



Фамилия - Гоша

Руководитель - Заслуженный артист РСФСР и Удмуртской АССР Иван Кудрявцев Серия - ИЖ № 000001 Выдано - ГАИ МВД Удмуртской АССР Действительно - Постоянно Дата выдачи - 19 сентября 1975 года

Предкомиссии (подпись)

Члены комиссии (подписи)"

Столь же торжественно лейтенант прочитала вторую

страницу удостоверения, озаглавленную:

"**КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОДИТЕЛЯ**

1. ВЛАДЕЛЕЦ ДАННОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ - ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ.

2. ХАРАКТЕР УРАВНОВЕШАННЫЙ, НО НЕ ЛЮБИТ ПАНИБРАТСТВА.

3. К СОТРУДНИКАМ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ НАСТРОЕН ДРУЖЕСКИ.

4. ИМЕЕТ СКЛОННОСТЬ К ПРЕВЫШЕНИЮ СКОРОСТИ ДВИЖЕНИЯ.

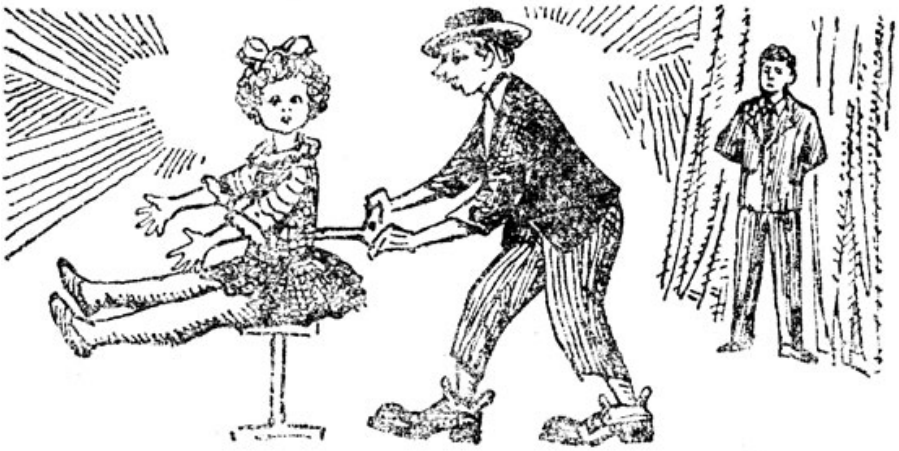
5. СОСТОИТ ЧЛЕНОМ ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ДРУЖИНЫ Г. ИЖЕВСКА.

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ:

ПРИ ПРОВЕРКЕ НА ЛИНИИ МОЖЕТ НЕ ПРЕДЪЯВИТЬ УДОСТОВЕРЕНИЕ И РЯВКНУТЬ ПО-МЕДВЕЖЬИ".

Надо ли говорить, как одобрительно-весело встретила публика столь необычный церемониал! Чтение документа то и дело прерывалось рукоплесканиями, а когда я, приняв из рук представительницы Госавтоинспекции уникальное удостоверение, передал его Гоше, а он с интересом его обнюхал, зал прямо-таки сотрясался от аплодисментов. Мои земляки по достоинству оценили этот добрый сюрприз.

О друзья-товарищах



Тот, кто видел кинофильм "Бабушка и цирк", созданный режиссером Я. Сегелем, наверняка запомнил образ старой женщины, роль которой исполняет народная артистка СССР Любовь Добржанская. Поддавшись увещеваниям маленького внука, она отправляется с ним в цирк, где среди других номеров смотрит выступление эквилибриста, которого знавала еще в дни своей молодости. Он, оказывается, как и прежде, силен, ловок, отважен. И у нее невольно вырывается:

- Жизнь прожита, а я никогда не вставала на голову. Мне даже не нравилось, когда это делали другие. И вот я старуха, меня называют - бабушка, а он... Удивительно!

Да, именно в немеркнущей молодости, бодрости, смелости и ловкости, в искрометном веселье и захватывающей дух романтике заключено волшебство арены. Вот почему советский цирк пользуется такой любовью миллионов людей - детей и взрослых - и в нашей стране, и за ее рубежами.

Одна из примечательных особенностей советского цирка - его ярко выраженный интернациональный характер. Большое распространение у нас получило цирковое искусство братских союзных и автономных республик. Стали широко популярны не только такие аттракционы и номера, как знаменитые конники - североосетинские джигиты Кантемировы, их туркменские коллеги Ходжабаевы и Аннаевы, узбекские - Зариповы, группа украинских акробатов-прыгунов "Черемош", их земляки - семья антиподистов Микитюк, группа тувинских жонглеров и эквилибристов под

руководством Владимира Оскал-Оола и многие другие исполнители. Успешно действуют и пользуются популярностью у миллионов зрителей, как в СССР, так и за его пределами, национальные цирковые коллективы - грузинский, армянский, украинский, казахский, таджикский, литовский, латвийский, азербайджанский, молдавский, татарский, башкирский.

Как и во всяком ином деле, успех развития искусства арены решают люди, такие зрелые, многоопытные мастера, как Михаил Румянцев (Карандаш), Ирина Бугримова и Олег Попов, Юрий Никулин и Евгений Милаев, Владимир Волжанский и Александр Кисс, Иван Рубан и Владимир Довейко, Маргарита Назарова и Илья Символоков, а также их более молодые товарищи, среди которых надо прежде всего назвать обаятельного клоуна Евгения Майхровского, его очень одаренных коллег Валерия Серебрякова и Станислава Щукина, превосходных жонглеров Сергея Игнатова и Евгения Биляуэра, темпераментную танцовщицу на проволоке Розу Хусаинову, поразительных гимнастов братьев Юрия и Валерия Пантелеенко, ряд других исполнителей, в том числе участников особо впечатляющих воздушных полетов "Галактика" и "Мечтатели"...

О некоторых товарищах хочется сказать особо.

Цирковая кукла. На манеже забавная кукла, укрепленная на деревянной подставке, ноги ее болтаются, в повисших руках - саксофон.

Ее, как часы, начинают заводить большим ключом. И тогда кукла принимается ритмично двигать ногами и руками. И вот уже поднят и звучит саксофон. Кукла играет "Мелодию" композитора В. Гурьянова. Но под конец ее механические руки вновь безвольно повисают, чуть-чуть раскачиваясь. Клоун отбирает у нее саксофон, заменив его кларнетом. И тогда, после очередного завода ключом, кукла превосходно исполняет на кларнете "Шутку" - сочинение того же композитора.

Потом начинается веселая возня куклы и клоуна, он пытается опустить ее руки, но все усилия ни к чему не приводят.

Вдруг кукла, соскочив с металлического стержня, на котором она была, казалось, намертво укреплена, угрожающе надвигается на клоуна, который больно ударил ее ключом. Клоун бежит от куклы, тщетно пытающейся его поймать. Резким движением кукла внезапно срывает с лица маску, и только тогда зрители понимают, что перед ними не робот, а самый настоящий живой артист.

Забавный номер этот существует в нашем цирке около двух десятилетий. За это время он несколько раз видоизменялся, пока не приобрел свой нынешний двуединый облик - обычная кукла

для взрослых, а в представлениях для детей - Буратино.

Разумеется, от исполнителя Али-Аскера Мамедовича Аскерова требуется не только мастерство перевоплощения в куклу, но и серьезная музыкальная подготовка. Ее он приобрел в бакинском музыкальном училище, которое успешно окончил, после чего почти два года учился в Азербайджанской консерватории по классу кларнета. Окончить консерваторию юноше не довелось: со второго курса он ушел в цирк, куда неудержимо влекла его музыкальная эксцентрика - жанр, которому он намеревался целиком посвятить себя.

С той поры прошло более трех десятков лет. Артист Аскеров трудился много и настойчиво, главным образом, в жанре юмора и сатиры. Однако главным для него был и остается номер с куклой, созданный в 1963 году. Этот номер видели и тепло принимали многочисленные зрители почти всех советских республик. В 1972 году его высоко оценили телезрители Германской Демократической Республики. В следующем году Аскеров несколько месяцев выступал в городах Польши на манеже цирка "Варшава".

Оригинальные прыгуны.Советский цирк не случайно называют многонациональным. Это определение отражает одну из главнейших его черт. Не только отдельные артисты и номера представляют на манежах искусство той или иной союзной республики. У нас есть многочисленная группа национальных цирковых коллективов союзных республик, а несколько лет назад возник первый в нашей стране национальный цирковой коллектив автономной республики - Татарской. Успешно дебютировав летом 1969 года, в дни 60-летия Татарской АССР, он побывал во многих уголках Советского Союза, где заслуженно пользовался вниманием зрителей.

Этот молодежный коллектив был сформирован в рекордный срок - всего за один год. И уже тогда, в пору его возникновения, на долю одной артистической пары выпал наибольший успех. Речь идет об оригинальных прыгунах Альфие и Ильдаре Рахматуллиных.

Зрителю трудно оставаться равнодушным, любуясь их изящным номером, исполненным с зажигательным, боевым азартом, который не может не увлечь. И уж если говорить об азартности, то прежде всего тут, вероятно, надо сказать об Альфие, создающей образ забавной девчушки со смешно торчащими в обе стороны короткими косичками, до предела, как и ее партнер, увлеченной акробатической сценкой, которую оба они весело разыгрывают.

Быстро выбегая на манеж, артисты проделывают ряд

акробатических трюков, затем вскакивают на большой стол. Девушка делает на столе кульбит, а ее партнер - кульбит-каскад, после чего артистка исполняет с рук юноши переднее сальто. Затем на стол ставят бочку, а неподалеку размещается другой стол, на котором тоже высится бочка. В стремительном темпе оба артиста исполняют очень красивые прыжки на стул, потом через его спинку - на бочку, с нее - в другую бочку и затем на манеж. В финале юноша, держа девушку на плечах, начинает прыгать с ней по восходящей: из бочки с манежа - на стол, со стола - в бочку, выше, еще выше... И, наконец, оба вместе прыгают на манеж.

Более двух десятилетий назад такой же номер показывали в цирке наставники нынешних исполнителей - артисты И. Вавилова и В. Фаертак. И тогда так же, как и теперь, в зале гремели горячие аплодисменты.

Альфия и Ильдар Рахматуллины, став недавно профессиональными деятелями цирка, удостоены высокой чести демонстрировать на профессиональной арене свое творчество, свое движение по восходящей.

Артисты Бориса Денисова....У этих артистов немного претенциозные, не совсем обычные имена. Самсон и Герта очень близкие родственники, они - брат и сестра. Точно такие же узы связывают Питера с Невой и Урала с Евой... Есть в этом ансамбле еще одна исполнительница, ее зовут Кармен. У нее тоже был тут брат, некто Нерон, но от него пришлось освободиться.

- Уж очень у него злобный, неуживчивый характер, то и дело бросался на своих партнеров, затевая драки,- так отзывается о нем руководитель этого ансамбля артист Борис Денисов - самый молодой в нашей стране дрессировщик хищников.

Москва была пятнадцатым городом, в котором гастролировал юный артист. А ведь чести выступать в столице удостаиваются лучшие из лучших. До этого в гастрольном турне молодого дрессировщика были Батуми и Златоуст, Ленинград и Одесса, Иваново и Тбилиси, Киев, Ереван, Тула... И везде - большой, вполне заслуженный успех. Стройный и ловкий, юноша поражает зрителей не только отвагой. В нем привлекает какое-то удивительное изящество, грациозность каждого жеста, легкость и подвижность, особенно бросающиеся в глаза на фоне тяжелой, царственно-внушительной поступи его грозных, но вполне послушных партнеров.

О таких, как Борис Денисов, принято говорить, что они родились "на опилках манежа", подчеркивая тем самым цирковую родословную. И действительно, еще его прадед Ульяшев был раусным клоуном в балагане, а прабабушка Елизавета Ульяшева "ходила проволоку". Известным дрессировщиком был его дед -

Тимофей Сидоркин. Мать Бориса - Тамару Брок - хорошо помнят люди старшего и среднего поколений. Ее по праву относили к числу лучших наших жонглеров. А отец - Всеволод Денисов - пользовался большой популярностью как смелый и опытный дрессировщик хищников.

И, конечно же, сколько он себя помнит, Борис мечтал об артистической карьере, о том, чтобы каждый вечер выходить на залитую светом арену и поражать публику прекрасным, самым прекрасным искусством... Хотелось, с одной стороны, принять эстафету у матери - стать жонглером, но, с другой стороны, до чего же сладостно-заманчивое слово "дрессировщик"... Как это великолепно - заставлять свирепых хищников повиноваться твоей воле!

Парню повезло - свершились обе эти мечты. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, когда он успешно дебютировал в Пятигорске как жонглер. Но мысль о дрессуре не давала покоя. И спустя два с половиной года в Батумском цирке впервые прозвучало:

- Укротитель хищников Борис Денисов!

И пошло... И очень хорошо пошло! Благо есть у кого и чему учиться, есть внимательный и бескомпромиссный наставник. Это Всеволод Борисович Денисов - добрый отец и строгий, взыскательный руководитель.

Джигиты Туркмении. Их много, этих разнообразных, изобретательно поставленных национальных цирковых номеров, но один из них, как мне представляется, особенно привлекает и взрослых, и юных зрителей. Речь идет об артистах Аннаевых, достойно представляющих искусство своего родного солнечного Туркменистана.

Зал неизменно взрывается аплодисментами, когда по манежу верхом на коне вихрем проносится молодой артист с развевающимся флагом Туркменской ССР в руках. Вслед за тем на арене появляется вся группа, возглавляемая народным артистом республики Аман- дурды Аннаевым.

В свое время этот мастер конного цирка и его братья Байрам и Эриклин - выступали в прославленном конном коллективе, возглавляемом Давлетом Ходжабаевым. Позднее они отделились, став ядром нового коллектива - труппы Аннаевых, вот уже несколько лет работающих самостоятельно.

Аннаевы демонстрируют очень интересные, порой уникальные трюки. Так, например, один из джигитов, мчась по кругу арены, удерживает на поясе трехметровый металлический перш, а другой артист на полном скаку взбирается по этому шесту и на его вершине выполняет стойку на руках. Подобный

трюк неизменно вызывает рукоплескания зрителей, даже когда артисты показывают его, стоя на манеже. А здесь оба - на быстро мчащейся лошади... Никто в мире, кроме Аннаевых, не исполняет этот выдающийся трюк эквилибра.

Но это лишь один из трюков. А их тут множество, причем необычайно трудных - так называемые обрывы, вертушки, пролазы под животом стремительно бегущей лошади и т. д. И все в молниеносном темпе.

Украшением труппы являются заслуженная артистка Туркменской ССР Лаура Аннаева (зрители помнят ее также как отличную воздушную гимнастку) и Наталья Аннаева - дочь старшего из братьев. Обе наездницы не уступают мужчинам в мастерском исполнении сложнейших трюков, в той особой лихости, которая всегда отличает подлинных джигитов.

Его дебюты.И в заключение об одном человеке, которого, увы, зрители никогда уже не увидят. До боли, острой и неуемной, сжимается сердце, когда думаешь о том, что нет уже среди нас удивительного и неповторимого клоуна так рано, обидно рано ушедшего из жизни.

Необычайно пластичный и на редкость подвижный, он умел, не произнося ни единого слова, только скупыми движениями рук, неожиданным поворотом головы, выразительным взглядом больших черных глаз передать самые тонкие нюансы человеческих чувств - от величайшего душевного подъема, достигающего порой подлинно трагедийного уровня, до детски бесхитростного озорства, способного высечь улыбку на лице самого угрюмого человека.

Этого актера, которого природа наделила поразительным мимическим даром, звали Леонидом Енгибаровым. Быстрыми шагами выходил он, бывало, на арену, чтобы подарить зрителю несколько цветков своего доброго и мудрого юмора.

Еще на студенческой скамье в Государственном училище циркового и эстрадного искусства, которое он окончил в 1959 году, Енгибаров выделялся не только необычайным умением перевоплощаться музыкальностью, но и очень заметными успехами в гимнастике, акробатике, жонглировании, эквилибристике и других дисциплинах, без которых немыслимо формирование циркового актера. В те же студенческие годы он увлеченно осваивал бокс, выполнив норму мастера спорта.

- Мне здорово повезло,- рассказывал артист.- Уже весной 1961 года, еще не имея за плечами и трехлетнего артистического стажа, я дебютировал на главном цирковом манеже страны - московском. А потом почти подряд пошли дебюты...

- Какие?

- В следующем 1962 году я дебютировал как исполнитель главной роли в фильме "Путь на арену". Еще через год в Праге выступил с сольной концертной пантомимой в "Театре на перилах". А три года спустя стал литературным дебютантом - автором коротких рассказов.

Положение дебютанта, судя по всему, очень влекло Енгибарова. Дело не только в тех этапах его творческой биографии, о которых только что говорилось. Главное заключалось в той необычайной, я бы сказал, придирчивой взыскательности, с какой он всегда выходил на манеж. А ведь ему, коверному клоуну, приходилось ежевечерне по многу раз появляться перед публикой. И каждую сценку, каждую репризу он неукоснительно играл с тем скрупулезным тщанием, которое характерно именно для первого исполнения.

Любая встреча со зрителем - дебют, иначе быть не может,- таков один из самых основных творческих принципов, которых строжайше придерживался, нет, не просто придерживался, а свято соблюдал Леонид Енгибаров.

- Как у любого артиста, у вас, вероятно, есть какая-то особо заветная мечта?- спросил его как-то в начале 1970 года один журналист.

- Есть, конечно. Даже две.

- Быть может, вы поделитесь ими с нашими читателями?

- Охотно. Главная тяга - в семидесятых годах стать настоящим литератором. Но прежде хочу смешать понятия "Енгибаров - клоун", "Енгибаров мим" и "Енгибаров - драматический актер". Вы понимаете, хочется, мучительно хочется сыграть настоящую роль в театре, ну, скажем, Сирано де Бержерака...

- Любопытно!.. Позвольте тогда еще один вопрос. Кто ваши любимые театральные актеры?

- Непровзойденный Олег Стриженов и, разумеется, Евгений Евстигнеев. Вообще, если меня в ближайшее десятилетие возьмут в театр "Современник" хоть рабочим сцены, я буду считать это своей огромной удачей...

Первый замысел артиста отлично получился. А вот второй ему так и не удалось осуществить... Этому помешала внезапная кончина летом 1973 года, прервавшая триумфальное восхождение редкого таланта к вершинам творчества. Но короткая жизнь Енгибарова оставила в нашем цирковом искусстве весьма заметный, незабываемый след - удивительно яркий и неповторимый.

Помним и любим

Глубокой осенью 1941 года, когда, затаив дыхание, весь мир прислушивался к грохоту великой битвы под Москвой, по всем странам и континентам прокатилась весть о невиданном подвиге возле Дубосекова - маленького железнодорожного разъезда, затерявшегося в лесах Подмосковья. Тогда группа гвардейцев-панфиловцев в неравном бою с армадой фашистских танков сложила свои головы, обретя вечное бессмертие. Герои погибли, но не пропустили рвавшиеся к Москве вражеские танки. Их было двадцать восемь - русских, украинцев, казахов, совершивших этот потрясающий подвиг, что поднял их к вершине бессмертия, людей, которые осознанно и непоколебимо шли на смерть во имя жизни.

Говорят, будто в час кончины перед мысленным взором человека проходит вся его жизнь, все самое дорогое, самое светлое, чем он жил, чем дышал. Если это так, то, вероятно, Кожбергенову виделись тогда неоглядные просторы родного Казахстана. Перед Бондаренко, возможно, вставали зеленые каштаны Киева... Ну, а Шепетков? Какие мысли теснились тогда в его голове? Быть может, вспомнился ему маленький домик его детства в Алма-Ате среди сказочных, буйно цветущих садов. А возможно, ему, воздушному гимнасту, виделся залитый огнями цирк, переполненный зрителями, которым он всегда щедро отдавал свой талант, жар своего молодого сердца.

...Враг не прошел, небольшой разъезд стал для него неодолимым препятствием.

Положи на сердце эту песню, Эту строчку каждую возьми!.. Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни Песнею о двадцати восьми!

Вдохновенные строки поэмы Михаила Светлова как бы воскресили богатырское мужество группы воинов- гвардейцев, в числе которых был и наш товарищ, чью память свято чтит вся большая семья артистов советского цирка. А весной 1975 года на манеже Киевского цирка в героической пантомиме "Подвиг" перед зрителями был воскрешен коллективный образ многих и многих деятелей советского цирка, тех, которые, подобно Ивану Шепеткову и его товарищам, в годы военного лихолетья по первому зову матери-Родины поднялись на смертный бой против темных, злых сил фашизма. Премьера этого спектакля, осуществленного в честь 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, состоялась в знаменательный день - 9 мая.

Занимавшая все первое отделение и длившаяся полтора часа пантомима от начала до конца горячо принималась публикой. Она проходила, что называется, на одном дыхании. И когда после заключительной сцены по радио звучало объявление: "Антракт!", зрители, как завороженные, оставались на своих местах. И только спустя минуту - полторы зал разражался овацией. То была весьма и весьма красноречивая реакция, ярче всяких слов утверждавшая неоспоримый успех этого произведения - плода старательных усилий большого творческого коллектива.

- Мы не могли, не имели права иначе отнестись к этой работе,- говорил постановщик спектакля, в то время главный режиссер киевского цирка (ныне он директор), заслуженный артист УАССР Борис Михайлович Заяц.- Ведь речь в ней о том, что дороже всего сердцу советского человека - о Родине, о несокрушимой мощи нашего народа, о том, как он преодолел выпавшее ему величайшее испытание.

Знаменитый партизан, дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров написал сценарий "Подвига" в содружестве с заслуженным работником культуры Украинской ССР, тогдашним директором Киевского цирка Владимиром Антоновичем Никулиным.

- Как же возникла мысль создать представление о людях нашего цирка, об их участии во всенародной борьбе с захватчиками?

- Идея,- ответил на этот вопрос прославленный партизан,- принадлежит моему соавтору Владимиру Никулину, обратившемуся ко мне. Он с жаром рассказал о людях арены - участниках войны, об Иване Шепеткове, Михаиле Туганове, Владимире Довейко, Юрии Никулине и Михаиле Шуйдине, Льве Шульгине, Анатолии Новожилове и еще очень многих; об артистических бригадах во главе с Владимиром Дуровым, Карандашом, Борисом Эдером, Александром Александровым-Сержем, Борисом Вяткиным и других, обслуживавших наши фронтовые части, корабли, партизанские отряды и соединения, госпитали и пункты формирования. Я и сам очень люблю искусство манежа, его необычайные выразительные средства, органически присущую ему праздничную, лучезарную атмосферу. И я, разумеется, охотно принял предложение участвовать в создании сценария "Подвиг".

Яркий спектакль этот стал как бы живым памятником нашим старшим товарищам, кому выпала высокая честь не только творчеством своим, но и с оружием в руках в тяжкое для Родины время выступить на ее защиту.

Все мы помним и любим их.

Франция + Бельгия

Начало 1970 года застигло нас - группу артистов советского цирка - во Франции. Мы были тогда направлены в две страны - во Францию и Бельгию. И хотя это были уже далеко не первые гастроли мастеров манежа из СССР, интерес зрителей к нам не только не остыл, а шел как бы по возрастающей. Впрочем, каждый приезд советских артистов способствует росту популярности нашего искусства, а, стало быть, коллеги, побывавшие до нас во Франции и Бельгии, сумели прочно утвердить славу советского цирка.

В этот же самый период во Франции с огромным успехом гастролировал Большой театр Союза ССР. Вместе с его прославленным коллективом мы в очень задушевной, дружественной обстановке радостно встретили Новый год. Происходило это за шесть лет до двухсотлетия Большого театра - красы и гордости нашего искусства, И мы, цирковые, очень искренне, сердечно пожелали дорогим своим друзьям ознаменовать предстоящий юбилей новыми, еще большими творческими достижениями во славу родной страны, во славу нашего великого народа, которому все мы служим верно и преданно. В свою очередь, наш коллектив выслушал от артистов Большого театра много теплых слов и самых добрых пожеланий.

На открытии искусственного катка на втором этаже Эйфелевой башни

И еще некоторые воспоминания остались в памяти от той поездки. В частности, о том, как мы с Гошей дважды побывали на Эйфелевой башне. Особенно тот раз, когда группа наших мастеров, в том числе замечательный джигит, заслуженный артист Северо - Осетинской АССР Юрий Мерденов, присутствовала при открытии искусственного катка на втором этаже Эйфелевой башни.

Хозяин ресторана радушно пригласил меня в банкетный зал, добавив:

- Желательно, чтоб вы и Гошу захватили. Если можно, конечно.

- Разумеется, можно,- сказал я.

Втроем мы уютно устроились за одним столиком, и сияющий от удовольствия пожилой владелец ресторана любезно угощал нас французским и советским шампанским. Попутно он рассказал, что Гоша уже второй его, как он выразился, рекламный гость подобного рода.

- А кто был первым? - поинтересовался я.

- Первой,- поправил меня собеседник.

- Значит, то была особа женского рода?

- М-да-а,- улыбнулся он,- то была, простите, корова. Но должен вас заверить, что Гоша куда симпатичнее. А в рекламном смысле он вообще вне конкуренции.

С этими словами он до краев снова наполнил бокал медведя, который тот без промедления опорожнил.

Несколькими днями позднее, 9 января, состоялась наша премьера в бельгийской столице. В Брюсселе Гоша, по настоянию импрессарио, предварительно совершил рекламный выход "на публику". Он прогуливался на велосипеде по городу, стоял в очереди за билетами в цирк, заглянул в магазин "Русские товары", встречался с журналистами и работниками искусства.

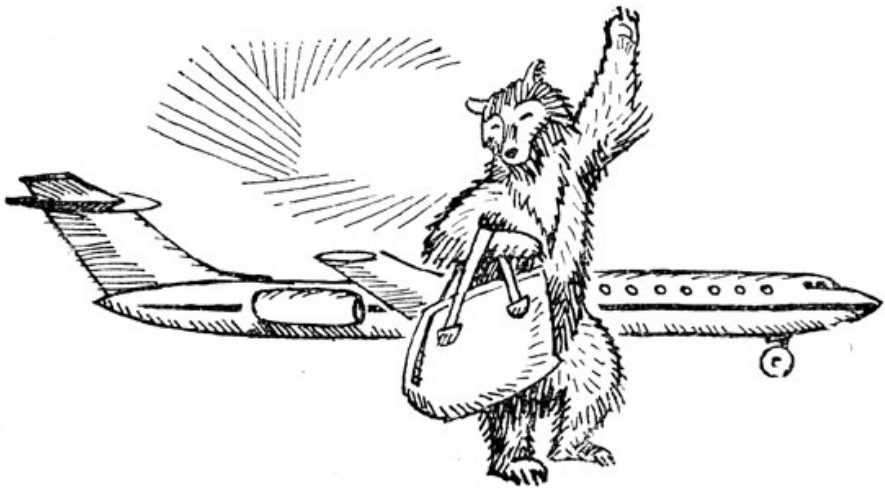
А однажды за кулисами королевского цирка его посетила принцесса Бельгии со своими детьми. И не просто посетила, но угощала при этом конфетами и мороженым, а затем сфотографировалась с ним.

- Всем нам на добрую память,- сказала она.

Гастроли и на этот раз были для нас во всех отношениях весьма результативны.

Прием в мэрии. Брюссель, 1970 год

И опять - Япония



На моей личной гастрольной карте 1972 год отмечен одной любопытной деталью - то был год моего третьего приезда в Японию. На этот раз наш большой коллектив, в который входили знаменитая дрессировщица львов Ирина Бугримова, непревзойденный жонглер Александр Кисс, превосходные джигиты Нугзаровы, отличная воздушная гимнастка Людмила Канагина и многие другие очень интересные исполнители шестнадцати номеров, отправился в путь в разгар знойного лета. Из подмосковного аэропорта Домодедова мы 3 июля вылетели в Хабаровск. Затем поездом добрались до Находки, а оттуда 5 июля на теплоходе "Байкал" отплыли к берегам Японии. В Иокогаму мы прибыли менее чем через двое суток. Здесь, в соответствии с установленными в стране правилами, часть наших животных - лошади и собаки - проходили карантин. Львы и медведи были от него освобождены.

А пять дней спустя - 12 июля - весьма успешно состоялась наша премьера в японской столице. В известной мере этому способствовали предварительные рекламные выступления моего питомца сперва на крыше одного большого 9-этажного токийского универмага, а затем, накануне начала гастролей, его в одном из местных театров засняли специально для рекламной телевизионной передачи. Публика восторженно принимала буквально все номера разнообразной, со вкусом составленной программы. Многочисленные журналисты, собравшиеся сразу

после представления, также высоко оценили их.

В Токио нам предстояла довольно трудная, сложная и весьма напряженная работа без выходных дней - в будни по два раза, а в воскресенье три раза - в 10, 14 и 18 часов. И это в несусветную жару. Впрочем, двумя годами раньше мне довелось быть в Японии в эту же самую знойную пору - июнь - сентябрь. Мы и тогда трудились очень напряженно по точно такому же уплотненному графику.

Тогда наше пребывание совпало по времени с Всемирной выставкой ЭКСГЮ-70, и мы, конечно, с огромным интересом осмотрели ее, специально отправившись для этого 3 сентября в г. Осаку, который не был в плане наших гастролей. И хотя прибыли мы туда во время невиданной силы ливня, помню, с каким величайшим интересом знакомились мы с экспозицией. Особенно яркое впечатление оставил у нас советский павильон. И своим внешним видом, и экспонатами он как-то очень точно, с огромной впечатляющей силой отражал изумительную красоту и могущество родной нашей страны, ее своеобразие, ее беспредельную ширь.

Когда мы, с трудом протиснувшись сквозь многотысячную толпу к своему павильону, стали его разглядывать, кто-то из нашей группы, помнится, негромко произнес:

- Даже не будь этих надписей, мы бы, конечно, сразу узнали: вот он, наш павильон! Верно я говорю?

Все мы согласились с товарищем. Советский павильон - необычайно привлекательный, красивых строгих форм, действительно трудно, невозможно было спутать с каким-либо другим.

Для нас на чужбине это была как долгожданная встреча после мучительной разлуки с самым близким, самым родным человеком.

...На сей раз наше пребывание в стране длилось более трех месяцев. И где бы мы ни выступали,- будь то Мураран или Кусиро, Ямагата или Аса-хигава, Саппоро или Осака - публика повсеместно проявляла самый живой интерес к гастролям нашего коллектива, который всюду именовали не иначе как Большой московский цирк. Так его называли репортеры и критики - авторы бессчетных заметок, статей, корреспонденции репортажей, а с их легкой руки все наши многочисленные и, должен сказать, весьма доброжелательные зрители. Наши гастроли совпали с Олимпийскими играми, которые проводились в городе Саппоро - одном из пунктов нашего гастрольного маршрута. Нам с Гошей выпала высокая честь принять участие в фестивале искусств, который проходил на стадионе, где состоялась церемония

открытия Олимпийских игр. Гоша работал тогда так увлеченно, так старательно, что со стороны, наверное, можно было подумать, будто он отчетливо сознает всю меру ответственности своего олимпийского выступления.

Я невольно любовался его безупречно красивым, без единой накладочки исполнением всей серии гимнастических трюков, трюков балансирования и других упражнений. А как изящно демонстрировал он мастерство велофигуриста, как лихо кружил на мотоцикле! И как азартно салютовал лапой, отвечая на горячие рукоплескания публики. Право же, казалось, что мой милый партнер бросает вызов участникам спортивных игр, мол, а теперь покажите, на что вы-то способны, попробуйте, если это вам удастся, превзойти меня...

Таков был один из самых радостных и ярких моментов этой поездки. Но был в ней и другой, отяжеляющий душу и терзающий сердце. Речь идет о Хиросиме- городе, одно название которого вызывает у меня и у моих товарищей по гастролям в Японии нестерпимую душевную боль.

У памятника жертвам атомной бомбардировки в г. Хиросиме. Я даю интервью журналистам телекомпании. Япония, 1978 год

Я трижды бывал в Хиросиме, и трижды не оставляло меня бесконечно тягостное, давящее ощущение от этого города, который я для себя называю городом на кладбище. Да, только так, по-моему, надо именовать Хиросиму - город, что первым испытал на себе атомную бомбардировку. Возникший как бы из

атомного пепла, он со своими широкими прямыми улицами, огромными административными и торговыми зданиями не похож на другие японские города.

Жил я там в гостинице "Большая Хиросима". Из окна моего номера открывался вид на парк Мира, на панораму памятников жертвам атомной бомбардировки. В этом парке размещен специальный музей, в семи павильонах которого выставлены фотографии и многие вещественные экспонаты, дающие посетителям представление о роковом дне 6 августа 1945 года, когда Хиросима подверглась испепеляющему воздействию американской атомной бомбы. Кстати, фотография той бомбы, которую в США этак цинично-ласково назвали "малышкой", тоже экспонируется в музее. Я был в этом музее в 1970 году, и до сей поры перед моими глазами неотступно стоят запечатленные на фотоснимках жуткие сцены ужасающих разрушений, сожженных, изувеченных людей...

Довелось мне еще в 1970 году видеть людей, выживших после атомной бомбардировки, но оставшихся навсегда калеками. Дважды я и мои товарищи выступали в госпитале, где содержатся эти несчастные. Мы были потрясены, глядя на забинтованных, исстрадавшихся людей, которых уже четверть века постоянно укутывают в марлю и вату, кормят с ложечки...

Это было невыносимое зрелище. Вместе с тем оно с поразительной силой утверждало в каждом из нас понятную гордость за очень мудрую, принципиальную политику мира, которую так настойчиво и целеустремленно, так неуклонно и твердо проводят наша великая, могучая страна, наша славная ленинская партия. Они проводят эту политику не только для блага нашего народа, но и во имя благополучия и покоя народов всей земли.

И подумалось: какая же высокая честь, какое великое счастье быть гражданином Советской страны, своим трудом помогать претворению в жизнь ее светлых, благородных идеалов!

Еще одно открытие

И вот, наконец, сбылось: отдел формирования и эксплуатации программ уступил моим настоятельным просьбам предоставить возможность поработать некоторое время в Удмуртии. Право же, для любого творческого работника, как мне представляется, существенно важно время от времени встречаться с родными, близкими, с детства знакомыми людьми, побродить по местам, которые всегда в твоем сердце, как говорится, подышать воздухом родной земли...

Итак, 21 сентября 1973 года в Ижевском цирке состоялось открытие очередного сезона. В большой программе нашлось место и для нас с Гошей. Земляки встретили меня с той искренней теплотой, которая надолго согревает сердце, вызывая ответное желание трудиться как можно лучше.

Через несколько дней я как-то после репетиции заглянул в кабинет директора С. А. Дородова.

- Заходи, заходи,- у Семена Александровича было явно хорошее настроение.- Понимаешь, Иван Федорович,- сказал он, весело потирая руки,- что же нам теперь делать?

- А что случилось?

- Случилось нечто непоправимое,- он лукаво ухмыльнулся,- билеты на сорок дней вперед уже проданы. Как же быть-то, а?

Он довольно рассмеялся.

- Как быть? Работать будем, что ж нам остается?..

И пошел у нас разговор о предстоящих делах, о всевозможных встречах артистов с тружениками предприятий города и сельских районов республики, школьниками, студентами. Внезапно беседу нарушил резкий телефонный звонок.

- Междугородняя,- сказал директор, снимая трубку.- Я слушаю!.. Да, я. Хорошо, он как раз здесь...

С этими словами он передал трубку мне. И я услыхал знакомый голос одного из работников Союзгосцирка:

- Привет! Тут очень важное дело: вам необходимо срочно лететь в Москву. Сегодня же...

- Зачем? Почему такая спешка? Я же на работе...

- Дело в том, что вас направляют в Испанию...

- Как в Испанию? Там ведь уже работает наша программа.

- Работает, но ее необходимо пополнить, вот и решено, чтобы вы туда полетели.

- Позвольте, но я к полету не готов, у меня нет разборных клеток для транспортировки животных самолетом.

- Ничего не знаю, распоряжение руководства.

Тотчас же звоню заместителю управляющего Союзгосцирком. Вместе с С. А. Дородовым тщетно пытаемся уговорить оставить меня в Ижевске.

- Нет, нет, надо лететь в Испанию. И как можно скорее. Вопрос исчерпан.

Мои земляки - спасибо им!-довольно быстро изготовили две разборные клетки, необходимость в которых, между прочим, впоследствии отпала, так как отправили нас из Москвы на грузовом самолете "Антей", а в него запросто входят и обычные клетки. Мои гастроли в Ижевске, увы, закончились. И пять дней спустя, глубокой ночью, мы с ассистентами, а также с Гошей и его дублером Гошей-2 отправились из Москвы в далекую Испанию. Предстояло очередное "открытие" новой страны.

...Между тем в испанской столице наша программа уже отработала и выехала в Барселону, где я и присоединился к ней днем 10 октября. А вечером туда же на большой грузовой машине были доставлены мои медведи. На следующее утро мы тщательно отрепетировали и вечером предстали перед новыми зрителями.

На премьере произошел один весьма, мягко выражаясь, сложный эпизод, который лишь благодаря энергичным действиям моей группы завершился благополучно. За недостатком времени мы не успели подготовить кладовую для хранения продуктов, которыми кормят животных. И вот перед самым началом представления привезли свежий хлеб и молоко. Оба ящика поставили очень близко около того места за кулисами, где были привязаны медведи, отделив их толстой фанерой. Но Гоша учуял дразнящий запах. Одним ударом лапы он разбил перегородку, подтащил к себе ящики и принялся уплетать их содержимое за обе щеки, аппетитно причмокивая и сопя.

Ассистенты и я заметили это, когда уже был объявлен мой номер. С трудом мы отобрали у медведя его добычу. Начавшуюся паузу нам удалось быстро погасить, но настроение Гоши было уже испорчено... На манеже он сразу же повел себя нервозно и крайне агрессивно, улучив удобный момент, набросился на меня, сбил с ног, однако мне удалось быстро вскочить и с помощью помощников утихомирить разъярившегося было медведя. Публика же восторженно аплодировала, приняв этот эпизод за тщательно отрепетированную сценку. На следующий день газеты писали о том, что "огромный сибирский медведь дерется с дрессировщиком прямо при публике" и что "борьба человека с медведем очень эффектна и необычайно впечатляюща".

В общем, этот не очень приятный случай оказался вдруг полезным с чисто рекламной точки зрения.

Три дня спустя испанский импрессарио Артуро Костелио за

дружеским обедом, устроенным для нашего коллектива, весьма удовлетворенно говорил:

- Теперь могу спать спокойно, несмотря на то, что здесь функционируют еще три других цирка. Ведь у них нет Гоши.

Помню, тогда же я предложил с рекламной целью провести в Барселоне цирковую кавалькаду с участием Гоши.

-- Как,- удивился импрессарио,- выпустить медведя на улицу?! Но ведь опасно, люди ходят, автомашины движутся...

Я заверил, что никакой опасности ни для кого не будет, что у меня накоплен богатый опыт проведения таких кавалькад.

Вопрос был тут же решен, выезд наметили на 19 октября. И вот на двух грузовых машинах, украшенных коврами и рекламными плакатами, мы двинулись по городу в сопровождении множества теле-, кино- и фотокорреспондентов. Они снимали Гошу на берегу Средиземного моря, у памятника Колумбу. Мой партнер, как ни в чем не бывало, прогуливался по многолюдным улицам города на самокате, велосипеде, мотоцикле. Иногда кавалькада останавливалась, и тогда медведь деловито накачивал баллоны грузовой машины под восхищенные возгласы и горячие рукоплескания толпящихся вокруг горожан. Затем он совершил прогулку на шхуну Колумба, точную копию той, на которой великий мореплаватель открыл Америку. С палубы этого корабля Гоша лапой приветствовал многочисленных туристов и жителей города. Затем он в открытой автомашине прокатился по главной улице и центральной площади Барселоны.

Кавалькада в г. Канадзаве. Япония, 1978 год

Кавалькада сделала свое дело - в Барселоне мы отработали очень успешно, уложившись точно в срок. А в знаменательный для каждого советского человека день - 7 ноября - мы возвратились домой, в родную Москву, полные свежих впечатлений от знакомства с новой страной, с новыми зрителями, оказавшими нам очень теплый прием.

На родине Иоганна Штрауса

В середине января 1975 года, завершив гастроли в Тбилиси, я получил очередное направление в один из волжских городов. Но прежде необходимо было решить в нашем Главке некоторые творческие вопросы. С этой целью я и поехал из столицы Грузии на несколько дней в Москву. Придя утром в Союзгосцирк, я неожиданно был вызван к заместителю управляющего Л. Г. Зайцеву.

- Здравствуйте,- ответил он на мое приветствие и добавил:- Знакомьтесь.

Находившийся тут же какой-то иностранец и наш переводчик поднялись с кресел. Мы обменялись рукопожатиями.

- Это австрийский импрессарио г-н Хуэмер,- пояснил Леонид Гаврилович,- он настаивает, чтобы вас включили в коллектив, выезжающий в Австрию. Как вы к этому относитесь?

Я не успел ответить, как мой новый знакомый стал что-то очень энергично говорить. Нам перевели:

- Господин Кудрявцев, вы должны поехать, я уверен - не

пожалеете. Вас и Гошу там примут очень хорошо. Хотя страна наша маленькая, но это настоящая страна искусства. И не только музыкального. Вот увидите, жалеть не придется...

Произнесено все это было горячо, с большой силой убежденности.

- Ну что ж,- сказал я заместителю управляющего,- вам решать. Что же касается меня, то, честно говоря, интересно побывать на родине Иоганна Штрауса. И я бы охотно...

Услышав фамилию великого композитора, импрессарио еще больше оживился, заулыбался:

- Иа, иа, Штраус...

- Значит, на том и порешим, - резюмировал Л. Г. Зайцев.- Собирайтесь, Иван Федорович.

И вскоре коллектив, возглавляемый директором Сочинского цирка А. Т. Беляевским, отправился на полтора месяца в эту новую для нас страну.

"Как-то мы там будем встречены избалованными искусством земляками Иоганна Штрауса?" - эта мысль не покидала меня всю дорогу.

И вот днем в четверг 6 февраля в одном из крупнейших залов Вены - "Штадтхалле", где не то что яблоку, иголке упасть негде было, состоялась наша премьера. Сказать, что она прошла успешно, значит ничего не сказать. Это был поистине фурор. Огромный зал то и дело сотрясался от грохочущих аплодисментов. То же самое повторилось вечером. И точно так же реагировали зрители Вены и Линца - обоих наших гастрольных пунктов в Австрии - на каждом, буквально каждом из шестидесяти шести представлений, которые мы дали в этой стране.

Вскоре после начала наших выступлений журналистка Елена Брускова писала в "Советской культуре" в статье, озаглавленной "Медведь Гоша и другие"*: "По-моему, местные журналисты использовали все положительные прилагательные, которые есть в немецком языке. О выступлениях цирка пишут много, тепло, хорошо, отдавая должное всем артистам, занятым в этих гастролях".

("Советская культура", 1975, 25 февраля.*)

А о моем подопечном (с него и начинается разговор в статье) говорилось, что за эти две недели он стал любимцем публики и баловнем фоторепортеров. "Не было,- отмечал автор,- такой австрийской газеты, которая не поместила бы его портрета. Гоша на велосипеде. Гоша на мотоцикле. Гоша за рулем автомобиля..."

И далее: "...Когда на манеже появляется медведь Гоша и, закончив круг на "Москвиче", поднимает приветственно лапу,

малыши просто визжат от восторга".

Право же, снова, как прежде в Канаде, Соединенных Штатах и многих других странах, я испытывал этакое чисто педагогическое беспокойство, опасаясь, чтобы до моего партнера каким-то образом не дошли адресованные ему восторги. Порой, когда он позволял себе какую-либо шалость, я подозрительно осматривал все вокруг - нет ли где-нибудь поблизости журнала, газеты с его снимком или рецензией на наше представление. А потом, вспомнив, что он у меня не слишком силен в грамоте, облегченно вздыхал: "Хорошо, что он не читает и не понимает по-немецки. Иначе, ох, как тяжело мне было бы с ним".

В самом деле. За полуторамесячные гастроли, которые явились весьма заметным событием в культурной жизни Австрии, было опубликовано о нашем коллективе 130 статей и репортажей, 152 фотоснимка, состоялось пять телевизионных и шесть радиопередач, множество различного рода встреч. В частности, запомнилась мне одна такая радиопередача, происходившая в клубе автолюбителей столицы Австрии ровно через неделю после нашей премьеры. Видимо, автолюбителей заинтересовал их четвероногий коллега, совершивший автопрогулку по Вене, и они пригласили его, а заодно уж и меня принять участие в тематической радиопередаче. Мы оба, конечно, приняли это любезное приглашение.

Передача началась с моего краткого выступления, в котором я рассказал о нашем цирке и его людях, о советской школе дрессировки животных, о воспитании и обучении Гоши.

Собравшиеся в зале автолюбители слушали очень внимательно, как, впрочем, и сидевший рядом со мной Гоша. Иногда он, словно подтверждая мои слова, вдруг тяжко вздыхал, особенно, когда речь зашла о том, как необходимо строго, неукоснительно строго соблюдать правила уличного движения.

Аудитория засыпала меня вопросами, на которые я постарался ответить исчерпывающим образом. Был в том числе и вопрос о том, что пьет мой партнер. Я сказал, что от некоторых, не обремененных дисциплинированностью водителей Гоша отличается тем, что за рулем он всегда трезв (тут он опять шумно вздохнул. Впрочем, возможно, мне это только показалось).

- Перед выездом,- продолжал я,- он получает порцию белого... Нет, нет, не вина, конечно, а просто молока. Правда, Гоша?

Он согласно кивнул головой, вызвав веселое оживление в зале.

По окончании встречи многие из ее участников попросили у меня автограф. Я расписывался в блокнотах, записных книжках, ученических тетрадках, просто на клочках бумаги, даже на

рукавах и воротничках рубашек. Какой-то высокий седой мужчина, протянув мне блокнот, спросил по-русски, но с явно немецким акцентом:

- А где ваш дом в России, господин Кудрявцев, где квартиру имеете?

Услыхав ответ: "В Москве", человек этот, как мне показалось, с затаенной завистью очень грустно взглянул на меня повлажневшими вдруг глазами и, пряча в карман свой блокнот, сгорбившись, медленно удалился... И подумалось тогда: "Наверное, русский, из бывших".

Между прочим, должен заметить, что предсказание импрессарио об очень доброжелательном приеме нашего коллектива в Австрии полностью сбылось не только в Вене, но и в Линце. Причем мой питомец повсеместно пользовался особым расположением. В Линце мы с ним были гостями бургомистра, которому Гоша преподнес цветы, а в ответ получил книгу об Австрии.

-Господин бургомистр,- заверил я,- ежедневно буду читать ему по нескольку страниц.

Дружественный визит был нанесен нами и директору национального банка, человеку веселому и отважному. Получив от Гоши букет цветов, директор вдруг спросил меня:

- Вы вот верхом на нем катаетесь. А мне тоже можно так прокатиться?

- Если он не возражает. Ты что об этом скажешь?- обратился я к медведю.

Он ничего не возразил.

- Что ж, молчание - знак согласия.

Взяв Гошу за ошейник, я пригласил нашего любезного хозяина:

- Садитесь.

Директор уселся, и мы втроем сделали два круга по его просторному кабинету.

- Отлично, почти как в старинном кабриолете по венскому лесу. Спасибо тебе, Гоша. А за удовольствие с меня, дружище, причитается.- С этими словами он положил перед Гошей несколько серебряных монет. - Это тебе на мед. Но монеты, между прочим, юбилейные и для коллекционеров представляют определенный интерес.

В Линце Гоша дважды прокатился в автомобиле по городу, который ему явно понравился. Кроме того, он там, по просьбе спортивных руководителей, открыл на городском стадионе матч между местной командой и футболистами Бургенланда. Будучи совершенно объективным, он азартно забил по одному голу в

ворота каждой команды, после чего ушел с поля и, усевшись рядом со мной на одной из зрительских скамей, внимательно наблюдал за всеми перипетиями матча, которым, насколько я могу судить, остался вполне доволен.

Обо всех проявлениях доброго внимания, оказанного в Австрии Гоше, о его исключительной популярности не расскажешь. Я получал адресованные ему письма, авторы которых сообщали, что им повезло - удалось раздобыть еще один билет. Во второй женской гимназии Вены учащиеся писали сочинение на тему: "Кто такой Гоша?". А какой восторг он вызвал, выступая перед больными специальной детской клиники для страдающих полиомиелитом! Бледные личики бедняжек так и светились радостью, когда Гоша старательно и весело показывал им свое умение. Фотографировался же он со множеством видных деятелей, в том числе с президентом страны Рудольфом Кирхшлегером.

Одним словом, мой напарник стал личностью весьма и весьма популярной в самых различных кругах Австрии - страны, в которую мы с ним попали впервые. Иногда мне даже казалось, что медведь стал на меня поглядывать как-то свысока. Да, наверное, так оно и было, он ведь куда выше меня ростом...

Медвежья академия

Теперь, когда вы, дорогие читатели, уже более или менее подробно знаете историю жизни моего партнера Гоши, представляется очень уместным познакомить вас с одним необычайным учебным заведением - с медвежьей академией. Да, да, именно так ее некогда именовали - Сморгоньская медвежья академия.

Вот что рассказал о ней однажды писатель из Минска Николай Алтухов.

"Поезда дальнего следования пролетали мимо станции Сморгонь, не сбавляя скорости. Белорусский городок, расположенный на полпути между Минском и Вильнюсом, не славится ни старинными храмами, ни громкими событиями, происходившими у его стен, ни прославленными высшими учебными заведениями. Провинциальный городок, каких много. А когда-то здесь была академия...

Раньше в лесах Белоруссии, Литвы и Польши водилось немало бурых медведей, встречаться с которыми местные жители не очень стремились. Зато в Сморгони жили люди, жаждавшие таких встреч. Это были медвежьи дрессировщики, знаменитые преподаватели Сморгоньской академии. Это название укоренилось не только в просторечии, но употреблялось и в официальных документах того времени.

На медведей устраивались облавы по всем правилам тогдашней охотничьей стратегии. Особенно ценились медвежата, шаловливые и резвые, природные цирковые акробаты и клоуны. Пленников привозили в Сморгонь и начинали учить несколько жестоким, но и остроумным способом. Если вспомнить, каким каторжным было учение в тогдашних бурсах, методология сморгоньских академиков перестает казаться такой уж варварской, а положение их косолапых школяров немногим отличается от мук бурсаков. Над ямой устанавливалась густая решетка, под которой раскладывался костер такой силы, чтобы кончики языков пламени достигали решетки. На нее загоняли медведя, и музыканты начинали играть определенную мелодию. Огонь припекал медвежьи конечности, и бедный мишка, спасаясь от пламени, поднимал то одну, то другую лапу. Такое "учение" проводилось изо дня в день. И каждый раз при этом играли плясовые мотивы. Через месяц-другой, заслышав знакомую мелодию, медведи начинали поднимать лапы, словно танцуя, хотя огня под ними не было - вырабатывался условный рефлекс. Медведя аттестовали как законченного танцора и отправляли на

ярмарку, где ученого плясуна покупали скоморохи, любившие разные представления помещики, кочующие цыгане. Сморгоньская академия снабжала своими бурыми выпускниками рынки Белоруссии, Литвы, Польши, Украины.

Профессиональные цирки, возникшие позже, не удовлетворялись однообразием дрессировочных приемов сморгоньских "академиков", и постепенно прославленная академия пришла в упадок. О ней совсем позабыли бы, если б не народные танцы, в которых нет-нет, да и проглянет намек на потешные коленца, которые выделывали медведи-студенты из Сморгони".

Думается, что приведенное здесь отступление в далекое прошлое искусства дрессуры позволит читателям лучше узнать и правильно оценить сегодняшний день этого вида творчества, который, к счастью, ничего общего не имеет со сморгоньской академией и ее "методикой" обучения и воспитания лохматых артистов нашего цирка.

В ногу с веком

Иногда за рубежом приходится слышать высокомерное мнение, будто цирк только с большой натяжкой можно назвать искусством. Какое уж, дескать, это искусство - кувыркаться на трапеции, "забавляться" с животными и т. п. Для нас, цирковых, совершенно ясна вся вздорность подобных рассуждений.

И тут мне хотелось бы сослаться на мнение великого корифея отечественного искусства. Это ему, Анатолию "Леонидовичу Дурову, принадлежат слова: "Кто говорит, что театр - это искусство первого класса, а цирк - последнего, тот смотрит на искусство с чиновничьей точки зрения. Балаганного искусства нет и не может быть, есть балаганные артисты, а они встречаются и в театрах, и в цирках. Талант артиста благословляет, чудесно освещает то место, где он выступает; и часто в холодном полутемном цирке делается тепло, светло, когда на арене появляется талантливый артист".

В декрете о национализации театрального дела, подписанном В. И. Лениным 26 августа 1919 года, не делается никакого различия между видами искусства. И ведущий от этой даты отсчет своей биографии советский цирк не случайно занял первое место в мире, уступать которое он никому не собирается, непрестанно расширяя и пополняя богатую сокровищницу своих выразительных средств, почерпнутых в гуще самой жизни.

О том, как это происходит, мне и хотелось бы немного рассказать читателю в этой главе.

Научно-технический прогресс, характерный для нашего времени, в той или иной мере находит свое отражение и на манеже. Наши широко известные воздушные полеты "Галактика" и "Мечтатели", как и аттракцион, созданный талантливым, разносторонним мастером, лауреатом Государственной премии СССР Владимиром Волжанским, символизируют, воспевают выдающиеся победы человечества в покорении космоса.

Но дело не только в космосе. Кажется, нет в нашем цирке такого жанра, если не считать воздушной гимнастики, который обходился бы сегодня без мотоцикла. По примеру Валентина Филатова почти все мы, дрессировщики медведей, дали в лапы своим подопечным мотоциклетный руль, научили их не только заводить машину, но и кружить, раскатывать на ней по манежу.

Властно вторгся в цирковую жизнь и автомобиль, который первым вывел на арену несколько десятилетий назад знаменитый русский клоун и акробат Виталий Лазаренко. Поставив рядом три больших грузовика, он в стремительном прыжке блестяще

преодолевал это громоздкое препятствие.

Таков был дебют автомобиля на манеже. А потом пошло... Гомерический смех повсеместно вызывает одна из реприз "солнечного клоуна" - Олега Попова, в которой он необычайно остроумно использует наш автомобиль "ГАЗ-69".

В этой же связи не могу не вспомнить еще одного замечательного мастера, увы, безвременно ушедшего из жизни в конце 1975 года. Речь идет о превосходном клоуне из Узбекистана Акраме Юсупове. Изумительный комик, он каждый раз, едва появившись на манеже, заставлял весь зрительный зал весело и беззаботно смеяться. И вот "автомобильная горячка" охватила и его, но, разумеется, получила своеобразное эксцентрическое, чисто клоунское воплощение. Почему, рассуждал он, многие мои товарищи так широко пользуются этим современным средством передвижения, которое "бедному Акраму" противопоказано. Не бросать же своего верного ослика. Наконец, изворотливый клоунский ум придумал, как приобщиться к автотранспорту: спереди и сзади, как и полагается, артист повесил ослику автомобильный номер: ИШ 4-2-1. Так он, с потешной горделивостью сидя на своем ослике, стал появляться на арене. И на вопрос инспектора манежа, что означает этот номер, отвечал с непередаваемым юмором:

- Ишак, четыре копыта, два уха, один хвост. Понятно?

Известный советский иллюзионист, народный артист РСФСР Эмиль Теодорович Кио, ныне тоже уже покойный, около двадцати лет назад показал поразительный иллюзионный трюк. Войдя в установленную на манеже телефонную будку, он едва успевал захлопнуть за собой дверцу, как напряженную тишину зрительного зала нарушал резкий автомобильный сигнал, и на арену из-за кулис с зажженными фарами выезжала сверкающая лаком черная "Волга", из которой сразу же выходил... Э. Т. Кио. Сейчас этот трюк демонстрируют его сыновья - Эмиль и Игорь Кио.

Забавные шимпанзе Ванды и Валентина Ивановых в ошеломляющем темпе исполняют упражнения на гимнастических снарядах, балансируют, прыгают, разъезжают на самокатах и мотоциклах. В финале обезьянье семейство чинно усаживается в миниатюрный автомобиль вишневого цвета, и шимпанзе-водитель, лихо вращая баранку, увозит всю "компанию" с арены, не забыв при этом отсалютовать зрителям приветственно поднятой лапой.

Одним словом, мотоцикл и автомобиль прочно вошли в цирковой обиход. Процесс этот, разумеется, идет по восходящей, и мы, несомненно, явимся очевидцами еще более активного,

более интенсивного применения авто- и мототехники в искусстве арены.

...Вы, конечно, видели прекрасно выдрессированных цирковых лошадей. А помните, как обычно завершается их выступление? Повинуясь команде своего наставника, его высоко вскинутому шамбарьеру, группа красавиц- лошадей, стоящих полукругом, одновременно взвивается на дыбы. На профессиональном языке это называется поднять животных на "оф". И я думаю, что недалеко уже то время, когда какой-нибудь мастер советского цирка продемонстрирует нам смешанную группу мотоциклов и автомобилей, поднятую на "оф"!

Ведь уже сейчас мы наблюдаем, например, как мотоцикл сам, без седока, кружит по манежу, выполняет целую серию вполне разумных эволюций, преследуя по пятам двух клоунов, а затем сам же укатывает за кулисы. Именно так происходит в иллюзионном аттракционе "Человек-невидимка" (исполнитель - Отар Ратиани). В необычайном зрелище этом, навеянном известным романом Герберта Уэллса, артист-новатор демонстрирует и многие другие поразительные чудеса, ставшие возможными благодаря умелому применению новейшей техники, включая электронную.

Удивительной новинкой пополнился сравнительно недавно - в самом начале 1976 года - аттракцион другого нашего иллюзиониста Юрия Авьерино, чье выступление предваряют звучащие по радио стихи:

Друзья, настал иллюзии черед, В ней быль и сказка слиты воедино... Вас в мир фантазии зовет Волшебник цирка Юрий Авьерино...

Едва завершается звучание этого четверостишия, как манеж начинает быстро окутываться невесть откуда взявшимися, низко стелющимися густыми белыми облаками... И тут вдруг доносится, проникая в самое сердце, пленительный, редкостный голос Людмилы Зыкиной:

Издалека долго Течет река Волга...

Под эти чарующие звуки на арене одна за другой появляются красавицы в русских сарафанах. Будто сказочные лебедушки, они медленно-медленно как бы плывут в такт песни, кружатся по манежу, почти до плеч погруженные в облачность.

Ожившая сказка, да и только:

На вопрос журналиста о том, когда и как появилась в аттракционе облачность, создающая совершенно необычную, очень загадочную атмосферу, артист ответил:

- Знаете, я и сам сейчас не понимаю, как обходился до сих пор без этой отличной детали. А все - спасибо горьковчанам.

Тамошние ученые помогли мне осуществить столь важный трюк, создать для него необходимую аппаратуру.

Но, быть может, новаторская суть нашего цирка получила особо яркое воплощение в созданных за последние годы никогда и нигде прежде не виданных, совершенно оригинальных зрелищных формах. И, говоря о них, нельзя не отдавать должное памяти наших выдающихся режиссеров, заслуженных деятелей искусств РСФСР Арнольда Григорьевича Арнольда и Александра Борисовича Аронова, безвременно ушедших из жизни. Имя первого неразрывно связано с повсеместно, как в СССР, так и за рубежом, пользующимся несравненным успехом "Цирком на льду". У нас теперь таких два коллектива, в которых не только люди, но даже животные выполняют все трюки и передвигаются по ледяному манежу на коньках, а медведи с непередаваемым азартом сражаются в хоккей.

Другим не менее интересным и совершенно новым творческим организмом по праву считается наш "Цирк на воде", участники которого демонстрируют свою большую, разнохарактерную программу в специальном манеже-бассейне. Созданию этого необычайного зрелища много сил отдал А. Б. Аронов.

Поиск новых выразительных средств в нашем цирке неустанно продолжается. И в этом, я думаю, залог его дальнейших интересных творческих находок.

Славная традиция

В советском цирке сложились многие добрые традиции, как, например, шефство над самодеятельными художественными коллективами, постоянно крепнущая дружба с тружениками города и деревни, а особенно с нашими доблестными воинами. Но мне тут прежде всего хочется сказать об искренней, сердечной дружбе артистов с юными зрителями. Истоком ее является не только любовь к детям, что само по себе естественно, но и отчетливое понимание нашими артистами своей сопричастности к важнейшему делу коммунистического воспитания юных граждан, формирования их эстетических вкусов и нравственного облика. Представления, предназначенные исключительно детям, причем не только в период школьных каникул, но и в обычное неканикулярное время, любовно готовятся многими коллективами и отдельными исполнителями.

- Дети всегда встречаются на пути артистов цирка,- говорил Владимир Дуров.- Почти в каждом городе, в каждой стране, где я бывал, дети так или иначе входили в мою жизнь. Да и может ли быть иначе? Я думаю, что не будь на свете детей, не было бы и циркового искусства.

Под этим утверждением, я уверен, подпишется любой наш исполнитель.

Незримый конвейер

Когда мы слышим слово "конвейер", воображение рисует нам просторные, светлые пролеты огромного цеха и медленно бегущую, подрагивающую ленту транспортера с какими-нибудь изделиями. Ну, скажем, с деталями автомобиля. Подвергаясь по пути обработке и дооснащению, детали эти постепенно возрастают в объеме, увеличиваются, превращаясь в узлы. Потом они сходят в конвейера, обретя в собранном виде благородные очертания красивой современной машины...

Не правда ли, нечто подобное видится нам - разумеется, продукция может быть и другой,- когда мы слышим слово "конвейер"?

Но есть другой, невидимый конвейер, чье движение не прекращается ни в будни, ни даже в самые большие праздники. Напротив, в праздники рабочая нагрузка его значительно увеличивается. Речь идет о цирковом конвейере, то есть о системе работы наших цирковых артистов.

Ведь это совершенно неверно, когда о том или ином исполнителе говорят, будто он артист Московского цирка, или Харьковского, Кемеровского, Тбилисского... В штате каждого из наших стационарных цирков есть дирекция, оркестр, бухгалтерия, различные цехи, но нет ни одного артиста. Вечные кочевники, мастера манежа - акробаты, клоуны, наездники, жонглеры, дрессировщики, гимнасты, канатоходцы и все остальные - трудятся по конвейерному принципу: сегодня - в Ереване, а месяца два спустя - в Риге или Свердловске, Туле, Алма-Ате и т. д.

В нашей стране действуют 15 передвижных цирков, так называемых шапито, и 62 стационарных. Большинство из них - это построенные за последние годы в Киеве, Баку, Горьком, Ярославле, Донецке, Кривом Роге, Уфе, Казани, Новосибирске, Краснодаре, Уссурийске, Сочи, Симферополе, Туле, Львове и некоторых других местах - превосходно оснащенные, отличные здания, составляющие предмет гордости местных жителей. В этих цирках даются десятки тысяч представлений в год для многих миллионов зрителей. Оптимистическое, жизнеутверждающее творчество мастеров манежа неизменно пользуется горячей симпатией нашего народа, высоко ценящего отвагу, смелость, искрометное веселье - эти наиболее существенные, наиболее характерные черты советского циркового искусства, поставленные на службу нашему общему великому делу.

С тех пор, как в августе 1919 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации театрального дела в стране,

цирк, бывший пасынком искусства, неизмеримо вырос, обрел в советских условиях те великолепные качества, которые позволили ему одну за другой завоевать все господствующие высоты в мировом искусстве арены.

В одной из популярных песен, созданной талантливым советским композитором Александрой Пахмутовой, цирковой манеж любовно, уважительно сравнивается с солнцем. Песня так и называется "Арена, как солнечный диск..." В ней живо переданы те искренние чувства восхищения, которые наш цирк вызывает у своих многочисленных поклонников. Он справедливо считается лучшим в мире. Но в этом утверждении отражается лишь следствие. А причина? Может быть, на арену советского цирка доступ открыт только особым людям, этаким суперменам, которым все под силу, которым подвластны даже неумолимые законы физики? Нет, причина совершенно другая. Она коренится в социальных условиях.

В любой буржуазной стране цирковой артист, как бы он ни был одарен, работает и творит на собственный страх и риск, целиком предоставленный себе. Он сам придумывает и создает свой номер, сам его ставит и оформляет, на личные сбережения сооружает аппаратуру и реквизит, шьет костюм, приобретает животных. При этом он, конечно, руководствуется соображениями жесточайшей экономии. И страх перед безработицей неотступно преследует его всю жизнь, вынуждая соглашаться на любые требования работодателя - импрессарио, для которого существует один-единственный закон - неумолимый закон наживы.

Советские артисты ни о чем подобном представления не имеют. Начнем с того, что абсолютное большинство из них подготовлено в Государственном училище циркового и эстрадного искусства, где за несколько лет обучения они, наряду со специальностью, получили и общеобразовательную подготовку. Из этого впервые в мире созданного учебного заведения, существующего уже более полувека, вышло свыше трех тысяч мастеров манежа, среди которых народные артисты Советского Союза Владимир Волжанский, Михаил Румянцев (Карандаш) и Олег Попов, народные артисты РСФСР Владимир Оскал-Оол, Михаил Шуйдин, молодые таланты вроде клоуна Евгения Майхровского, несравненного жонглера Сергея Игнатова и множество других выдающихся исполнителей, составляющих честь и гордость нашего искусства, его боевое ядро, его негасимый солнечный диск, который, уверен, всегда будет излучать тепло и свет для людей всей нашей планеты.

Видные конструкторы создают удобную аппаратуру благородных современных форм для наших артистов; по эскизам

опытных художников им шьют чудесные костюмы; государство бесплатно предоставляет им животных. Каждый цирковой номер - плод совместных усилий актера, режиссера, писателя, композитора и художника. Коллективным же творчеством являются и сами цирковые спектакли. Надо ли говорить о том, что наши коллеги в капиталистическом мире и мечтать не могут о чем-либо похожем?

А наши цирки?! Я уже говорил о превосходных зданиях, сооруженных за последние годы во многих городах страны. Число их растет непрестанно. Весной 1971 года в дни работы XXIV съезда КПСС в Москве открылся изумительный, уникальный стационар, какого нет нигде в мире. Он создан коллективом архитекторов и инженеров во главе с лауреатом Ленинской премии зодчим Я. Б. Белопольским.

В этом грандиозном, светлом и легком здании около трех с половиной тысяч мест. Поразительно его оснащение и оборудование. Тут четыре сменных манежа - один обычный для так называемых дивертисментных представлений, другой предназначен для показа крупных иллюзионных аттракционов, вроде тех, что демонстрируют братья Игорь и Эмиль Кио. Третий манеж - это бассейн для выступлений нашего "Цирка на воде", а четвертый представляет собой каток для "Цирка на льду". Простым нажатием кнопки оператор за несколько минут опускает один манеж, а на его место поднимает из глубины подвала любой другой.

Масса всяких технических устройств позволяет вести программу в энергичном темпе и на высоком уровне. В зале радиофицировано каждое кресло, что дает возможность зрителю слышать любой интонационный оттенок в реплике клоуна, тончайшие нюансы игры оркестра или музыкальных эксцентриков. Кондиционная установка создает в любое время года приятную, хорошую "атмосферу" соответствующей температуры.

Исключительно удобны помещения для артистов, гримировочные и все подсобные технические цехи. Есть и так называемый репетиционный манеж. Превосходны помещения для животных, светлые, просторные. А какие там фойе, какие прогулочные галереи для публики! Нет, поистине это не цирк, а какой-то сказочный хрустальный дворец, который и во сне-то не приснится.

Смотреть там спектакли - большое, непередаваемое удовольствие. И мне бы хотелось, чтобы каждый читатель моей книги непременно побывал в этом удивительном, единственном в мире цирке.

Но я несколько отвлекся. Ко многим тысячам спектаклей, ежедневно происходящих на манежах стационарных и передвижных цирков, надо добавить огромное число представлений в самых отдаленных уголках страны, которые дают артисты групп "Цирк на сцене". Таких групп у нас шесть: московская, ленинградская, украинская, ростовская, ташкентская и новосибирская. Каждая из них располагает несколькими коллективами артистов, обладающих всем необходимым: музыкальным сопровождением, декорациями, аппаратурой, реквизитом, костюмами, наконец, дрессированными животными - для полноценных цирковых представлений в специфических условиях сельского клуба, корабельной палубы или попросту лесной поляны, луга.

Благодаря этим группам стало возможным приобщение к цирковому искусству жителей самых глухих уголков Крайнего Севера, Средней Азии, Дальнего Востока. И надо подчеркнуть, что наши товарищи, работающие в группах "Цирка на сцене", вдохновенно и самоотверженно делают свое благородное дело нередко в очень трудных условиях. Ценнейшей наградой за подвижнический труд им служит та очевидная большая радость, которую они доставляют своим зрителям,- радость общения с настоящим искусством.

Многие артисты коллективов "Цирк на сцене" - наиболее одаренные акробаты, клоуны, дрессировщики, гимнасты, жонглеры, иллюзионисты - переходят со временем в наш большой конвейер.

Движением этого незримого, постоянно действующего конвейера, на котором трудится несколько тысяч человек, управляет главное цирковое учреждение страны - Всесоюзное ордена Ленина объединение "Союзгосцирк", имеющее наряду с другими отделами специальный отдел формирования и эксплуатации программ. Он-то и занимается организацией и планированием наших гастролей как по стране, так и за ее пределами.

Гастрольная карта советского цирка сродни, вероятно, маршрутной карте Аэрофлота, чьи рейсовые линии протянуты не только из края в край Советского Союза, но и в очень многие зарубежные страны.

Незримый наш конвейер я почти явственно ощущаю, когда думаю о своих товарищах по работе, к которым привязан всей душой. Мы не бываем все вместе никогда, мы редко встречаемся, но я почти всегда знаю, где они находятся, мои друзья по труду, по любимому делу, которому мы служим. И часто, перебирая в памяти их имена, я мысленно вижу города, страны, где они

находятся, где я бывал и где еще не раз буду со своим верным партнером Гошей. Непременно буду. Ведь он движется, он постоянно в пути, наш никогда не останавливающийся конвейер.

Доброго, счастливого ему пути!

Наталия Хабибуллина
Великолепный Гоша
Газета "Красное знамя",г.Глазов,Удмуртия

Как сибирский медведь прославил парня из удмуртской глубинки

Те, кто бывал в Ижевском цирке, наверняка обращали внимание на его эмблему – медведя на мотоцикле. «Ну, медведь и медведь, - скажете вы. - Мало ли топтыгиных в Удмуртии». Но мишка-мотоциклист особенный – это гремевший на весь мир в 60-80-е годы цирковой медведь Гоша, которого однажды спас от смерти, а после обучил замысловатым трюкам обычный паренек из удмуртского села Валамаз Иван Кудрявцев.

Эмблема Ижевского цирка

С быками не шутят

Иван Кудрявцев родился в селе Валамаз Селтинского района в 1932 году, и, как вспоминает в автобиографической книге «На арене с Гошей», тягу к дрессировке животных испытал еще в раннем детстве. Сначала заставил перескакивать с палочки на палочку деревенского петуха Петьку, затем научил ходить на задних лапах пса Полкана, а потом началась война. Всех здоровых мужчин забрали на фронт, в селе остались только старики, женщины и дети. Пахать и возить дрова из леса стало не на чем - лошадей, тех угнали на войну. И тогда 10-летний Ваня Кудрявцев вместе с братом Федей решили приучить к упряжке колхозного быка Степку. Ночью, пока никто не видит, пробрались на ферму, выманили Степку хлебом во двор и там запрягли в сани-розвальни. Возмущенный бык замычал и, наклонив голову, ринулся на забор, сметая все на своем пути. Веревка лопнула, юный дрессировщик вылетел из саней - прямо в заброшенный колодец. Шум в селе поднялся страшный, казалось бы – взбучки не избежать, но когда перепуганного мальчишку достали из колодца, все, включая заплаканную мать и председателя колхоза, лишь вздохнули с облегчением: жив!

О пользе зависти

После школы Ваня решил стать агрономом. Летом 1950 года успешно сдал экзамены в Ижевске, но мать отговорила сына учиться, мол, зачем тебе, Ванюша, уезжать из родных мест, живи с нами. Ивана пристроили заведовать сельским магазином, и если бы не зависть, глядишь, так и отпускал бы он до старости односельчанам хлеб и молоко. А завидовать было чему. Друг Юрка Возженников, с которым они когда-то вместе ездили в Ижевск, приехал домой на каникулы - весь из себя городской, в новенькой темно-синей форме, пряжка на лакированном ремне

так и сияет. Той же ночью Ваня решил бежать в Ижевск. Почуяв неладное, мать пыталась сына остановить, но тот был непреклонен. Вздохнув, она собрала в дорогу узелок – две рубашки, майки, трусы, носки, хлеб, вареное мясо и с десяток яиц.

Иван Кудрявцев и Гоша были неразлучными друзьями и в жизни, и на арене.

А через три дня в Ижевске произошло судьбоносное для Кудрявцева событие – в столицу Удмуртии прибыл передвижной зверинец. Как зачарованный, Ваня разглядывал невиданных доселе тигров, львов, медведей. Тогда же решил не поступать на агронома, а устроиться в зверинец – неважно кем, хоть сторожем. Пошел к директору, тот, выслушав паренька, велел зачислить его служителем с месячным испытательным сроком. Ваня чистил клетки хищников, кормил их, поил. В те годы все передвижные зоовыставки принадлежали Главному управлению цирков министерства культуры СССР. В зверинцах не только демонстрировали экзотических животных, но и показывали свое искусство дрессировщики. В зверинце, куда попал Кудрявцев, работал один из старейших русских дрессировщиков Тимофей Сидоркин с женой. Их аттракцион с медведями пользовался у зрителей бешеной популярностью. Сидоркину понравилось, как 18-летний парень ухаживает за животными, и он предложил Ване

стать его ассистентом.

О пользе зависти

После школы Ваня решил стать агрономом. Летом 1950 года успешно сдал экзамены в Ижевске, но мать отговорила сына учиться, мол, зачем тебе, Ванюша, уезжать из родных мест, живи с нами. Ивана пристроили заведовать сельским магазином, и если бы не зависть, глядишь, так и отпускал бы он до старости односельчанам хлеб и молоко. А завидовать было чему. Друг Юрка Возженников, с которым они когда-то вместе ездили в Ижевск, приехал домой на каникулы - весь из себя городской, в новенькой темно-синей форме, пряжка на лакированном ремне так и сияет. Той же ночью Ваня решил бежать в Ижевск. Почуяв неладное, мать пыталась сына остановить, но тот был непреклонен. Вздохнув, она собрала в дорогу узелок – две рубашки, майки, трусы, носки, хлеб, вареное мясо и с десяток яиц.

Сейчас шины накачаю - и за баранку!

А через три дня в Ижевске произошло судьбоносное для Кудрявцева событие – в столицу Удмуртии прибыл передвижной зверинец. Как зачарованный, Ваня разглядывал невиданных доселе тигров, львов, медведей. Тогда же решил не поступать на агронома, а устроиться в зверинец – неважно кем, хоть сторожем. Пошел к директору, тот, выслушав паренька, велел зачислить его служителем с месячным испытательным сроком. Ваня чистил клетки хищников, кормил их, поил. В те годы все передвижные зоовыставки принадлежали Главному управлению цирков министерства культуры СССР. В зверинцах не только демонстрировали экзотических животных, но и показывали свое искусство дрессировщики. В зверинце, куда попал Кудрявцев, работал один из старейших русских дрессировщиков Тимофей Сидоркин с женой. Их аттракцион с медведями пользовался у

зрителей бешеной популярностью. Сидоркину понравилось, как 18-летний парень ухаживает за животными, и он предложил Ване стать его ассистентом.

Мишка на счастье

Под руководством Тимофея Сидоркина Иван проработал четыре года.

- В обращении с хищниками нельзя проявлять трусость, - наставлял ученика Тимофей Иванович, - но и безрассудная лихость, пренебрежение опасностью к добру не приведут.

- При всех обстоятельствах не следует терять эту деталь. - И старый дрессировщик выразительно указывал пальцем на голову.

Со временем Кудрявцев набрался опыта, Сидоркин даже разрешал ему выводить на арену медведей из клеток, надевать на них намордники, но к дрессуре близко не подпускал, считая помощника еще несмышленым мальчишкой. А Ване так хотелось самостоятельности! И он стал репетировать по ночам, тайком от всех пробирался в цирк, отпирал клетку и, рискуя нарваться на большие неприятности, выводил на манеж медведицу Гальку. Соблюдать конспирацию удавалось не всегда, но ему везло - Сидоркин ни о чем не догадывался.

В 1954 году Сидоркины гастролировали в Иркутске, когда в цирк пришла старушка – жена таежного охотника - и вытащила из сумки двух медвежат трех недель от роду. Один был совсем крошечный, весом меньше килограмма, почти слепой. Сидоркины от медвежонка отказались – слишком мал и слаб, помрет не сегодня-завтра. Впрочем, гибель медвежонку грозила так и так – охотник и подавно не стал бы с ним возиться. Это все понимали. Ваня пожалел малыша и решил его купить. «Возьми на счастье, сынок, - обрадовалась старушка, - может, из него хороший артист выйдет».

И как в воду глядела! Но, уплачивая сибирячке сто пятьдесят рублей за медвежонка-доходягу, Ваня Кудрявцев еще не знал, что через пару лет этот кроха превратится в исполина, станет знаменитым и прославит своего спасителя на весь мир.

Мотоцикл в обмен на сгущенку

Своего подопечного Иван сначала назвал Мишуткой, но после, по совету Сидоркиных, переименовал в Гошу, водился с ним как с ребенком, играл, гулял, поил молоком из соски, каждое утро варил для Гоши овсяную кашу. А после, тщательно изучив книги о животных, взялся его приручать. В те годы считалось, что обучить медведя больше чем двум-трем трюкам невозможно, поэтому дрессировщики выступали с группой медведей, где один катался на самокате, другой жонглировал булавами, третий

вращался на брусьях.

Сгущенка - любимое Гошино лакомство.

Гоша же был словно рожден для цирка, схватывал все на лету, играючи (разумеется, в обмен на угощение – сахар, мед, морковку и особенно свою любимую сгущенку) крутил педали велосипеда, гонял на мотоцикле (конечно, марки «Иж») и даже освоил езду на автомобиле – всего Гоша выполнял около пятнадцати сложнейших трюков.

Одно время Кудрявцев пытался изображать на арене борьбу человека с медведем. Но Гоша не любил проигрывать, и чтобы топтыгин совсем не охладел к борьбе, дрессировщик стал ему подыгрывать. Однако вскоре от номера пришлось отказаться - вес косолапого борца перевалил за триста килограммов, и в отличие от дрессировщика играть в поддавки Гоша явно не собирался…

Вице-президент? Король манежа!

Вместе со своим четвероногим артистом-универсалом Иван Кудрявцев объездил весь мир: Америка, Канада, Япония, Бразилия, Уругвай, Франция, Англия, Турция, Филиппины - везде их принимали на «ура». Гоше рукоплескали стадионы, его называли чудо-медведем, а некоторые скептики всерьез подозревали, что в медвежьей шкуре прячется человек. В 1959 году Гоша впервые снялся в кино – в советском фильме «Косолапый друг», год спустя сыграл главную роль во

французской комедии «Медведь», а в октябре 1967 года газета «Нью-Йорк дейли», преклоняясь перед Гошиным талантом завоевывать публику, предложила выдвинуть его кандидатуру в вице-президенты. Кудрявцев отшутился: ну уж нет, в США государственных деятелей нередко убивают, а Гоша мне очень дорог – пусть лучше работает в цирке.

В 1970 году на экраны вышел фильм «Король манежа», где снялись оба – и Гоша, и Кудрявцев, по сути, они сыграли самих себя, там даже присутствуют документальные кадры цирковых выступлений знаменитого тандема. Во время съемок Гоша едва не погиб – провалился в болото, откуда его вытащили с большим трудом.

Гоша рулит!

Не только артистизмом и сообразительностью поражал Гоша окружающих, но и своими гигантскими размерами - под два метра ростом, весом полтонны - он пребывал в отличной физической форме. И было отчего. Ежедневно Гоша съедал четыре килограмма хлеба и четыре кило овощей, проглатывал пять штук яиц и полведра каши, выпивал два литра молока и закусывал все это десертом - ста граммами меда и ста граммами сахара.

В 1975 году во время гастролей в Ижевске в Гошиной биографии случилось одно примечательное событие («Всё самое лучшее в моей жизни так или иначе связано с родной Удмуртией», - не раз говаривал Кудрявцев). После блестящего выступления Гоши на манеже появилась девушка в форме лейтенанта милиции – сотрудница государственной автоинспекции Татьяна Осетрова. В руках она держала красную папку. Через секунду под бурные аплодисменты зрителей девушка торжественно вручила медведю… водительское удостоверение серии ИЖ 000001, выданное ГАИ МВД Удмуртской АССР – как положено, с печатью и подписями членов комиссии и предкомиссии. В графе «фамилия» значилось: Гоша. Руководитель – заслуженный артист РСФСР и Удмуртской АССР Иван Кудрявцев. На второй странице удостоверения имелась и краткая характеристика водителя: «Владелец – единственный в мире. Характер уравновешенный, но не любит панибратства. К сотрудникам Госавтоинспекции настроен дружелюбно. Состоит членом городской транспортной дружины города Ижевска. Особые отметки: при проверке на линии может не предъявлять удостоверение и рыкнуть по-медвежьи».

Очевидцы вспоминают, что, получив корочку, Гоша деловито ее обнюхал и остался доволен.

В течение трех десятилетий, до самой смерти Гоша оставался одной из ярчайших звезд советского цирка. Сам Иван Федорович Кудрявцев ненамного пережил своего косолапого друга, он ушел из жизни 8 октября 1984 года. Сегодня на его родине в Валамазе о знаменитом земляке напоминает мемориальная доска на доме, где дрессировщик родился и вырос. В селе живут и один из старших братьев Ивана Федоровича, Михаил, и несколько племянников. Еще один племянник, Анатолий Федорович Кудрявцев, проживает в другом Валамазе – Красногорского района, работал всю жизнь в Валамазском лесничестве,сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Анатолий Федорович Кудрявцев - племянник Ивана Кудрявцева.

А вот дочь и сын дрессировщика уехали за границу, говорят, сын пошел по стопам отца – тоже стал цирковым артистом, только в Америке...